

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД России

№ 4 (91) 2019

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени канди-
дата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации
Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836
Издаётся с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074

Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017

тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953

Телетайп: 231-333 «Дельта»

e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru

e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Варданян, д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права РПА Минюста России

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судопроизводства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова по учебной работе

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, профессор, ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 9 декабря 2019 г. Дата выхода в свет 2019 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8 Усл. печ. л. 31,5.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 66

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 4 (91) 2019

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registration: The Federal service for supervision in the sphere
of mass communications

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2019

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Editorial team

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

A. V. Vardanyan, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

B. I. Gavrilov, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, head of the Department of theory and history of state and law RPA Ministry of justice of Russia

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of theory and history of state and law RPA Ministry of justice of Russia

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for academic affairs of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on december 9th 2019. Date of publication 2019.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 31,5. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No 66

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

Буканова Р.Г., Бондаренко Ю.В. Административно-судебные преобразования в Башкирии как опыт расширения единого правового пространства России в первой половине XVIII века.....	9
Минникес И. А. Индивидуальное толкование (к постановке проблемы).....	17

Конституционное право. Конституционный судебный процесс. Муниципальное право

Самигуллин В.К., Казамиров А.И. Правовая защита: конституционно-правовой аспект	25
Шелегов Ю.В., Шелегов В.Г. Избирательная система России: в поисках компромисса.....	34

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Бердникова О.П., Ржанникова С.С., Пермяков А.Л. Хищение имущества умерших: уголовно-правовой и криминологический аспекты.....	45
Кубанов О.С. Организационно-правовое обеспечение деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России при предупреждении преступлений в сфере агропромышленного комплекса	53
Николаев К.Д. О понятии методологии уголовно-правовых исследований	63
Пархоменко Д.А. Дифференциация ответственности лиц, впервые совершивших преступление, как направление уголовно-правовой политики	69
Рогова Е.В., Гайдай М.К. Ранняя профилактика преступности несовершеннолетних: сущность, меры и субъекты.....	78

Уголовный процесс

Арсенова Н.В. Полномочия руководителя экспертного учреждения при назначении и производстве экспертизы по уголовным делам	88
Колегов А.Л., Волосников И.В. Проблемы принудительного получения образцов для сравнительного исследования	96
Родивилина В.А., Цуканов Н.Н. Изъятие и осмотр мобильного телефона как электронного носителя информации	107
Удовиченко В.С., Васильков К.А. Совершенствование процессуального статуса «подозреваемого» как предупредительно-профилактическая мера в рамках обеспечения прав лица при проверке сообщения о преступлении	115

**Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.
Оперативно-розыскная деятельность**

Андреев А. С. К вопросу о создании частных методик раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в условиях посткриминального противодействия.....	125
Анешева А.Т. Особенности взаимодействия следователя с органами дознания по делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.....	134
Васильченко А.В., Нугаева Э.Д. Специфика использования специальных знаний в области медицины при расследовании случаев ненадлежащего исполнения медицинскими работниками профессиональных обязанностей	142
Ващенко Б.М. Обстановка совершения преступления как основной элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере нарушений безопасности междугородных пассажирских автоперевозок	151
Жамбалов Д.Б. Криминалистическая характеристика легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем	159
Зинин А.М. Особенности оперативной идентификации человека по признакам внешности	169
Карпенко О.А. Криминалистический профайлинг: проблемы применения и пути решения	176
Халиков А.Н. Расследование уголовных дел в условиях преюдициальности судебных решений.....	184
Цурбанов С.А. Тактические особенности установления состояния необходимой обороны или эксцесса обороны в условиях противодействия расследованию.....	193
Шведова Н.Н. Диагностические алгоритмы в решении задач технико-криминалистической экспертизы документов	203
Щербаченко А. К. Базовая криминалистическая характеристика как отражение механизма мошенничеств, совершенных группой лиц, и ориентир в практике их расследования	211

Административное право. Административный процесс

Добров А.Н., Баранова С.А., Рачев Д.Н. Об эффективности отдельных организационно-правовых мер по привлечению граждан к охране общественного порядка	219
Николаев А.Г. Дисциплинарная онтология	227

**Судебная деятельность. Прокурорская деятельность.
Правозащитная и правоохранительная деятельность**

Попова И.П. Реализация принципов судебной власти в условиях цифровизации судопроизводства	235
--	-----

CONTENTS

Theory and history of law and state. history of law and state doctrines

Bukanova R. G., Bondarenko Ju. V. Administrative-judicial transformations in Bashkiria as an experience of expansion of the unified legal space of Russia in the first half of the XVIII century	9
Minnikes I. A. Individual interpretation (to problem statement)	17

Constitutional law. Constitutional judicial process. Municipal law

Samigullin V.K., Kazamirov A.I. Legal protection: constitutional and legal aspects	25
Shelegov Y.V., Shelegov V.G. Russian election system: searching for a compromise	34

Criminal law and criminology. Criminal Executive law

Berdnikova O. P., Rzhannikova S. S., A.L. Permyakov Theft of property from the dead: criminal and forensic aspects	45
Kubanov O. S. Organizational and legal peculiarities of the economic crime departament of the internal ministry of Russia in the prevention of crimes in the agricultural sector	53
Nikolaev K. D. On the concept of criminal law research methodology	63
Parkhomenko D. A. Differentiation of responsibility of persons who committed a crime for the first time as a focal point of a criminal law policy	69
Rogova E. V., Gayday M. K. Early prevention of juvenile delinquency: essence, measures and subjects	78

Criminal proceeding

Arsenova N. V. Powers of the head of the expert institution in appointment and production of examination on criminal cases	88
Kolegov A. L., Volosnikov I. V. Problems of forcing samples for comparative studies	96
Rodivilina V. A., Tsukanov N. N. Seizure and inspection of mobile phone as electronic information medium	107
Udovichenko V. S., Vasilkov K. A. Improvement of the procedural status of “suspected” As a preventive precautionary measure in the context of ensuring personal rights when checking a criminal report	115

Criminalistics. Forensic expertise. Operatively-search activity

Andreev A. S. To the issue of creating private methods of solution, investigation and prevention of crimes under conditions of post-criminal protection	125
Anesheva A. T. Peculiarities of the investigator's interactions with the authorities of investigating the case of violation of the road traffic rules and vehicle operation	134
Vasilchenko A.V., Nugaeva E.D. Specificity of use of special knowledge in the field of medicine in the investigation of cases of inadequate execution by medical workers of their professional responsibilities	142
Vashchenko B. M. The situation of the crime as the main element of the forensic characteristics of crimes in the field of security violations of long-distance passenger transportation	151
Zhambalov D. B. Criminalistic characteristics of legalization (laundering) of incomes received by criminal way	159
Zinin A. M. Features of operational human identification by signs of appearance	169
Karpenko O. A. Forensic profiling: problems of application and ways of their solution	176
Khalikov A. N. Investigation of criminal cases in the context of judicial decisions	184
Tsurbanov S. A. Tactical features of establishing the state of a necessary defense or defense of defense in the conditions of countering an investigation	193
Shvedova N. N. Diagnostic algorithms in solving problems of forensic technical examination of documents	203
Scherbachenko A. K. Basic criminalistics characteristics as a reflection of the mechanism of fraud committed by a group of persons and a guide in the practice of their investigation.....	211

Administrative law. Administrative process

Dobrov A. N., Baranova S. A., Rachev D. N. On the efficiency of certain organizational-legal measures to attract citizens to the protection of public order	219
Nikolaev A. G. Disciplinary ontology	227

Judicial activity. Prosecutorial activities.

Human rights and law enforcement

Popova I. P. Realization of the principles of judicial authority in the conditions of digitalization of litigation	235
---	-----

УДК: 351.87(470.57)''170/175''

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10026

Буканова Роза Гафаровна

профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России
доктор исторических наук, профессор

Bukanova Roza Gafarovna

professor of the Department of History and Theory of State and Law at Ufa Law Institute of the Interior of Russia
doctor, professor

Бондаренко Юлия Викторовна

доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России
кандидат юридических наук

Bondarenko Julia Viktorovna

docent of the Department of History and Theory of State and Law at Ufa Law Institute of the Interior of Russia
Candidate of law

**АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В БАШКИРИИ
КАК ОПЫТ РАСШИРЕНИЯ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА
РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА**

Введение: в статье авторы предприняли попытку рассмотреть процесс сближения судебной системы и порядка управления окраин страны, в частности на примере территории Башкирии, с общероссийской и унификации правового пространства России в первой половине XVIII в. Отдельное внимание уделяется взглядам В. Н. Татищева по вопросам реорганизации административно-судебной и правовой систем башкирского общества.

Материалы и методы: правовой базой исследования послужили законодательные акты Российской империи XVIII в. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, сравнение, и специальных методов – историко-правовой, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Результаты исследования: представлен процесс постепенного ограничения общинного самоуправления и местного суда у башкир; отражен процесс сужения применения норм обычного и мусульманского права в судопроизводстве и постепенного вытеснения их нормами общероссийского законодательства. Освещены отдельные аспекты государственной деятельности В. Н. Татищева и его проекты по преобразованию управления и суда в Башкирии.

Выводы и заключения: административно-территориальные и судебные преобразования в Башкирии в первой половине XVIII в. отвечали стремлению государства в условиях развития абсолютизма к полной интеграции башкирского края в единый управленческий механизм и имели большое значение для укрепления правопорядка Российской империи.

Ключевые слова: самоуправление башкир, шариатский суд, государственная деятельность В. Н. Татищева, колонизация башкирских земель, восстание башкир, Оренбургская экспедиция.

ADMINISTRATIVE-JUDICIAL TRANSFORMATIONS IN BASHKIRIA AS AN EXPERIENCE OF EXPANSION OF THE UNIFIED LEGAL SPACE OF RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY

Introduction: in this article, the authors attempted to consider the process of rapprochement of the judicial system and the procedure for managing the country's outskirts, in particular, on the example of the territory of Bashkirie, with the all-Russian and unification of the legal space of Russia in the first half of the XVIII century. Special attention is paid to the views of V.N. Tatishchev on the reorganization of the administrative-judicial and legal systems of Bashkir society.

Materials and methods: the legal basis of the study was the legislative acts of the Russian Empire of the 18th century. The methodological basis of the study is a complex of general scientific methods, such as analysis, synthesis, comparison; and special methods - historical-legal, system-structural, comparative-legal. The methodological basis of the study is a complex of general scientific methods, such as analysis, synthesis, comparison; and special methods - historical-legal, system-structural, comparative-legal.

Results: the process of gradual restriction of community self-government and local court at the Bashkirs is reflected; The process of narrowing the application of the norms of customary and Muslim law in legal proceedings and their gradual displacement in judicial practice by the norms of all-Russian legislation is reflected. Certain aspects of the state activity of V. N. Tatishchev and his projects on the transformation of management and the court in Bashkirie are highlighted.

Summary and conclusions: the administrative-territorial and judicial transformations in Bashkirie in the first half of the 18th century responded to the state's desire in the context of the development of absolutism to fully integrate the Bashkir region into a single administrative mechanism and were of great importance for strengthening the rule of law of the Russian Empire.

Key words: self-government of the Bashkirs, Sharia court, state activity of V.N. Tatishchev, the colonization of Bashkir lands, the uprising of the Bashkirs, the Orenburg expedition.

Процесс включения российских окраин в единое общегосударственное и правовое поле в XVIII столетии представляет собой не только научный интерес. Актуальность и практическое значение данной проблемы заключается в необходимости осознания того, что существующая на современном этапе форма государственного устройства России имеет исторические корни: ее уникальность сложилась в результате постепенной инкорпорации новых территорий с разнообразными этносами, со свойственными им традициями, своеобразием быта, духовной и материальной культуры. На протяжении многих столетий, обогащаясь во взаимосвязи и взаимодействии, формировались общие признаки государственного устройства, определяя единство территории со сложной системой управления, в пределах которой одновременно длительное время могла сохраняться некоторая административно-судебная и правая автономия башкирского края.

Особое положение Башкирии в Российском государстве было обусловлено во многом вхождением ее в состав России на принципах добровольности. Это событие оказалось поворотным не только в судьбе башкирского народа, но и в русской истории: явлением, заложившим основы новых взаимоотношений государства со своими подданными и открывшим возможность мирного освоения огромных восточных территорий [1, с. 64–70]. Процесс признания башкирами российского подданства начался после падения Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств и продолжался еще несколько лет. В 1554–1555 гг. в состав России вошли западные и северо-западные башкиры, в 1555–1556 гг. – башкиры центральной, южной и юго-восточной областей Башкирии, откуда были направлены посольства к Ивану Грозному. Северо-восточные башкиры оказались в составе России лишь в конце XVI в. после падения Сибирского ханства. На основании дошедших до нас сведений официальной датой присоединения Башкирии к России признан 1557 г. В этом году, судя по Никоновской летописи, «... башкирцы пришли, добив челом, и ясак платили». Уплата ясака и военная служба считались важным атрибутом подданства, которому в башкирском обществе придавалось очень большое значение. Московское правительство, признав вотчинное право башкир, практически не вмешивалось в их жизнь, что позволило им сохранить не только обычаи, религию, язык, но и внутреннее самоуправление. Эти условия почти без изменений оставались вплоть до середины XVIII в.

Несмотря на то что все присоединенные к России земли находились под общей юрисдикцией российского государя, в мусульманских областях, к которым относилась и Башкирия, длительное время продолжала существовать своя система судопроизводства. Сохраняя самобытный местный третейский суд и общинное самоуправление, башкиры стояли особняком по отношению к соответствующим общероссийским учреждениям.

После строительства в центре Башкирии по просьбе самих башкир Уфимской крепости (1586 г.) на территории края была образована особая административно-территориальная единица – Уфимский уезд, которым управлял назначаемый Разрядным приказом воевода. Полномочия воеводы были достаточно многообразными, в них входили и судебные функции. Центральная российская судебная и административная власть почти не затрагивала повседневную жизнь башкирского населения, регулируя только общие вопросы, касающиеся взаимоотношений башкирских вотчин-

ников с московским правительством. Если башкирская аристократия – тарханы, бии, вотчинники-землевладельцы решали свои дела в российских судебных инстанциях, то в башкирских волостях на бытовом уровне большим авторитетом пользовалось мусульманское духовенство, осуществлявшее правосудие на основе норм шариата.

Башкирия в то время занимала огромную территорию: с запада на восток – от р. Волги до р. Тобола, с севера на юг – от р. Чусовой до среднего течения р. Яик (р. Урал). Даже в XIX в. обширность ее территории поражала воображение современников. Пермский историк А. Дмитриев писал, что северной и восточной окраиной расселения башкир являются Красноуфимский и Осинский уезды Пермской губернии, восточной – Шадринский уезд Пермской губернии, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский уезды Оренбургской губернии. Он считал Башкирию страной, «представляющей много своеобразных особенностей в ее прошлом» [2, с. 19]. Население этих земель преимущественно составляли башкиры, чей уклад определялся преимущественно нормами обычного права и шариата, что исключало их по большей части из общероссийского правового поля в регулировании большей части как гражданско-правовых, так и уголовно-правовых отношений. Исключение составляли земельные тяжбы и дела об убийстве, отнесенные к юрисдикции центральной власти и, соответственно, разрешаемые на основе общерусского законодательства. Но и в этих случаях башкиры стремились избежать по возможности обращения к центральной власти, поэтому нередки были случаи рассмотрения как земельных споров, так и дел об убийстве третейским местным судом, выносившем в последнем случае смертные приговоры, руководствуясь обычным правом.

Исключительный статус Башкирии в составе России сохранялся и после губернской реформы Петра I: попытка включить ее территорию в состав Казанской губернии не увенчалась успехом, учрежденная вместо прежнего уезда Уфимская провинция с 1728 г. напрямую управлялась Сенатом.

Вместе с тем XVIII в. отличает стремление власти к универсализации всего политико-правового порядка, что соответствовало потребностям государства в контексте укрепления абсолютизма в России. Петр I был увлечен идеей создания государства со стройной системой управления, что, по его мнению, могло быть осуществлено на основе «регулярства». Это предполагало регламентацию всех сторон жизни российского общества, установление единообразия как в управлении, так и в обыденной жизни.

«Регулярство» наиболее ярко проявилось в формировании и функционировании государственно-бюрократической системы, поставленной под жесткий контроль Петра I. Соответственно, большое значение придавалось законодательному регулированию всех сторон общественной жизни. По «Табелю о рангах» были введены новые принципы организации государственной службы: отныне все царские чиновники были обязаны строго исполнять свои обязанности на основе законов, установленных сверху правил и инструкций. Артикулы, регламенты, уставы и другие акты, регулирующие деятельность органов государственной власти, а также жесткий контроль над их исполнением – все эти меры были направлены на модернизацию российского общества. Они были наполнены смыслом, новыми идеями, открывшими перед молодым поколением реформаторов большие перспективы. Не случайно в петровскую эпоху

выросла целая плеяда выдающихся деятелей – «птенцов гнезда Петрова», которые и в последующем продолжали соблюдать заложенные Петром I принципы управления государством, направленные на его процветание. Одним из них был Василий Никитич Татищев, инженер-артиллерист, историк, географ, знаток горного дела, сторонник и активный проводник политики Петра I.

Государственная деятельность В. Н. Татищева имела непосредственное отношение к истории Башкортостана, в частности к изменению судебной системы в крае, что, на наш взгляд, еще слабо исследовано.

В 1720 г. В. Н. Татищев был направлен на Урал для организации казенной горнодобывающей промышленности. Здесь он впервые вошел в контакт с местным башкирским населением, которое было хорошо осведомлено о богатствах уральских недр, среди башкир было немало знатоков горного дела [3, с. 16–24]. Но вскоре В. Н. Татищев был отозван в Санкт-Петербург по доносу заводчиков Демидовых, которым появление принципиального и требовательного представителя власти на Урале явно было не по душе.

Знание В. Н. Татищевым особенностей региона, его опыт управления горными заводами оказались востребованными в 1734 г. при организации широкомасштабной экспедиции, предпринятой правительством Анны Иоанновны для открытия сухопутно-морского торгового пути в страны Средней и Юго-Восточной Азии. Маршрут экспедиции должен был пройти через Башкирию: новопостроенный город на р. Орь – на границе между башкирскими и казахскими землями, территорию Младшего Казахского жуза; а морским путем – через Аральское море и далее – по среднеазиатским рекам до Индии. Первоначально экспедиция называлась «кигиз-кайсацкой» (так называли в то время казахов), но после того, как этот проект был успешно провален, она стала называться «Оренбургской» по названию города на р. Орь (ныне – г. Орск), а экспедиция – комиссией, на которую было возложено управление Башкирией. В 1737 г. инициатор и первый начальник экспедиции И. К. Кирилов скончался, оставив после себя огромную территорию, охваченную башкирским восстанием (1735–1740 гг.). Начальником Оренбургской комиссии был назначен В. Н. Татищев.

В. Н. Татищеву удалось выработать свою тактику в решении сложных задач, связанных с управлением Башкирией. Он понимал бесполезность многих мер, принимаемых со стороны российского правительства. Экономическая самостоятельность башкир, обусловленная вотчинным правом на земли, отсутствие крепостной зависимости, достаточные развитые институты самоуправления, которые существовали во внутренней жизни башкирского общества, делали их независимыми от царских чиновников.

Башкиры упорно продолжали отстаивать свои права, закрепленные по условиям их добровольного вхождения в состав Российского государства, что нередко приводило к открытому восстанию. В. Н. Татищев видел причины башкирских непокорностей и своеволий в традиционном устройстве внутреннего самоуправления башкирского общества.

В первой трети XVIII в. особо актуальным становится установление единой системы управления на всей территории Российской империи. А потому правительственная власть все чаще посягает на самоуправление башкир. Согласно указу Сената от 31

мая 1734 г. ограничивалась и деятельность третейских судов, которые отныне не могли создаваться в каждом населенном пункте, а только в «знатных селениях, куда челобитчики и ответчики съезжаться и судиться должны» [4, с. 164]. Но вместе с тем власть по-прежнему позволяла осуществлять правосудие, основываясь на обычаях народов, населяющих край.

Более решительные меры, направленные против башкирского самоуправления и местного суда, правительство осуществит вследствие подавления восстаний башкир 1735–1736 гг., вызванных в совокупности посягательствами на вотчинные права, попытками насильственной христианизации мусульманского населения и другими причинами. Прежде всего речь идет об указе Сената 11 февраля 1736 г., согласно которому башкирам было разрешено продавать свои вотчинные земли дворянам, мишарям и тептярям, что изменило правовой режим земельной собственности башкир, тем самым способствуя их интеграции в систему российского законодательства. Тем самым были созданы благоприятные условия для промышленной и сельскохозяйственной колонизации Башкирии.

Свое мнение о способах прекращения башкирских восстаний и новых принципах в организации управления Башкирским краем В. Н. Татищев обстоятельно изложил еще в 1724 г. после возвращения с Урала в трактате «Представление о причинах башкирских волнений и о мерах для улучшения управления башкирами» [5, с. 481–483].

В этой обширной аналитической записке он сначала дал общую характеристику башкирскому обществу, также отметил, что башкиры никому из царских чиновников были неподсудны. Только на ежегодных йыйынах (съездах) под Уфой, «для которого они всягодно из разных отдаленных мест ко Уфе съезжаются многолюдством», в результате обсуждения принимались коллегиальные решения. В этих съездах Татищев видел главную опасность. Башкиры, как он отмечал, не только «в тех съездах о делах своих имеют советы». Там решались и другие вопросы, имеющие для башкир принципиальное значение.

В. Н. Татищев считал, что невозможно покорить башкир только репрессивными мерами. Немаловажное значение он придавал обучению их представителей русской грамоте, что способствовало бы установлению взаимопонимания царской администрации с местным населением. «Есть и та причина, – писал он, – что между оными грамоте имеющих никого нет и, когда указ придет, то они перевести ни выразуметь обстоятельно не могут и приемлют за невыразумением правильное в непристойное. Или и то случается, что посыльные читают им и требуют не то, что написано, за которое от них бывают споры и посланным смертныя убивства, а потом притчина большим замешаниям» [5, с. 481]. Таким образом многие проблемы, по его мнению, возникали из-за различных подходов башкир и царских чиновников к взаимопониманию. Эту мысль он повторил и в другой своей работе, дошедшей до нас под названием «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах»: «Чтоб законы один другому ни в чем противен не был, дабы как судящие, так судящиеся не имели случая законы по своим прихотям толковать и тем коварством законы скрытно нарушать» [6, с. 125].

Чтобы предотвратить в будущем выступления башкир и окончательно подчинить их царской власти, В. Н. Татищев предлагал ряд мер. Прежде всего следовало «разделить» башкир «под разные суды, подобием как казанския татара розделены бы-

ли по пригородам». Для этого необходимо было в удобных местах построить городки, и в каждом из них назначить особых судей, чтобы башкиры не имели возможности ездить в Уфу. Для безопасности судей он предлагал дать несколько солдат с ружьем [5, с. 482].

Следует особо подчеркнуть, что В. Н. Татищев придавал соблюдению законов в государстве исключительно важное значение. В своей практической деятельности он строго придерживался их и требовал того же от своих подчиненных. «Воля законодателя есть во всех законах, что всякия обиды, коварства и обманы пресечь, обиженного оборонить, а обидящего смирить и наказать, немощного от руки сильного защитить», – эти слова были, можно сказать, девизом всей его жизни [6, с. 128].

Многие идеи В.Н.Татищева о праве, суде и судопроизводстве, обоснованные им еще в 1724 г., были реализованы в 1737–1739 гг., когда он в лице начальника Оренбургской комиссии фактически был единовластным царским наместником в Башкирии. При нем в Башкирии наступило временное затишье, появилась возможность заняться обустройством крепостей и организацией среднеазиатской торговли [3, с. 16–24]. Он вскрыл многие злоупотребления должностных лиц, которые и стали причиной недовольства местного населения. Большое внимание он уделит вопросам реорганизации судебной-правовой системы башкирского общества.

В июле 1737 г. в г. Мензелинске В. Н. Татищевым был созван генеральный совет, состоявший из чиновников разных ведомств, находившихся в Башкирии. Одним из главных вопросов было расчленение Башкирии на отдельные административно-территориальные единицы с прикреплением их к городам. Так, в г. Осе, например, который находился «в самом удобном месте, но от Казани удален», было решено назначить особого воеводу. Под начало воеводы г. Осы подпадали русские дворцовые крестьяне до Сарапула, Гайнинская волость Уфимского уезда с башкирским населением. Красноуфимская крепость, к которой были приписаны близлежащие волости и деревни, стала пригородом г. Уфы. Эти новые территориальные округа в административном отношении были приписаны к Уфимской провинциальной канцелярии.

На генеральном совете было также решено основать Исетскую провинцию в Зауралье и перенести центр управления Пермской провинцией из Соликамска в Кунгур. Вскоре по представлению В. Н. Татищева указом от 3 августа 1737 г. башкирское Зауралье, которое прежде было приписано к Сибирской губернии, было от нее отделено и образована Исетская провинция.

Выделение новых административно-территориальных единиц должно было привести к упорядочению судебной системы. На генеральном совете башкиры были разделены «под разные суды и правления», а внутри башкирского общества учреждалась должность старшин, подчиненных местной царской администрации. Это было по сути начало судебной реформы в Башкирии, у истоков которой стоял В. Н. Татищев.

Подводя итоги данного исследования, можно отметить, что административно-судебные преобразования имели очень большое значение не только для укрепления правопорядка в Башкирии и включения всей ее территории в единое правовое поле России, но и для укрепления государства и права Российской империи в XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Буканова Р.Г. 450-летие добровольного вхождения Башкирии в состав России и его историческое значение (к вопросу о русско-башкирских отношениях в XV–XVI вв.) // Укрепление межрегионального взаимодействия библиотек, обслуживающих этнические группы населения: материалы межрегион. семинара-практикума, посвящ. 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. – Уфа, 2007. – С. 64–70.
2. Дмитриев А. К истории Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации // Пермская старина. Вып. VIII. – Пермь: Типография Н. П. Каменского, 1900. – 172 с.
3. Буканова Р.Г., Фешкин В.Н. Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. – Уфа: Китап, 2007. – 320 с.
4. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа: Китап, 2006. – 504 с.
5. Татищев, В. Н. Представление о причинах башкирских волнений и о мерах для улучшения управления башкирами // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 481–483.
6. Татищев, В.Н. Избранные произведения / под общ. ред. С.Н. Валка. – Л.: Наука (Ленинградское отделение). – 464 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bukanova, R.G. The 450th anniversary of the voluntary entry of Bashkiria into Russia and its historical significance (on the issue of Russian–Bashkir relations in the 15th–16th centuries) // Strengthening the interregional interaction of libraries serving ethnic groups: Materials of an interregional workshop dedicated to the 450th anniversary voluntary entry of Bashkiria into Russia. – Ufa, 2007. – S. 64–70.
2. Dmitriev, A. On the history of Trans–Ural trade. Bashkiria at the beginning of Russian colonization // Perm Antiquity. Vol. Viii. – Perm: Printing house of N.P. Kamensky, 1900. – 172 p.
3. Bukanova, R. G., Feshkin V.N. Bashkirs in the works of Russian scientists and researchers. – Ufa: Kitap, 2007. – 320 p.
4. Asfandiyarov, A.Z. Bashkiria after becoming part of Russia (second half of the XVIth – first half of the XIXth century). – Ufa: Kitap, 2006. – 504 p.
5. Tatishchev, V. N. The idea of the causes of Bashkir unrest and measures to improve the management of the Bashkirs // Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part I. – M.–L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1936. – S. 481–483.
6. Tatishchev, V.N. Selected Works / Ed. S.N. Valka. – Leningrad: Science. Leningrad branch. – 464 p.

УДК 340.1

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10027

Минникес Илья Анисимович

профессор кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) доктор юридических наук
E-mail: iaminnikes@yandex.ru

Minnikes Ilya Anisimovich

professor of the Department of theory and history of state and law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia) Doctor of law
E-mail: iaminnikes@yandex.ru

**ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ
(к постановке проблемы)**

Введение: в статье обосновывается существование нового самостоятельного вида толкования права – индивидуального. Автор исходит из того, что любое толкование изначально индивидуально, когда это касается внутренней стороны толкования – процесса уяснения истинного смысла правового предписания. На второй стадии толкования в процессе разъяснения возможно коллективное (коллегиальное) толкование, которое понимается как совокупность индивидуальных толкований. Предлагаются дополнения к существующим классификациям, касающимся видов толкования.

Материалы и методы: методологическая основа исследования представлена общим диалектическим методом научного познания в сочетании с методом формально-юридического анализа и иными специально-юридическими методами.

Результаты исследования: на основе проведенного анализа действующего российского законодательства предлагаются дополнения к существующим классификациям, касающимся видов толкования. При классификации толкования права по субъектам предлагается выделять индивидуальное и коллективное (коллегиальное) толкование. При делении толкования на официальное и неофициальное критерием классификации предлагается считать не субъект толкования, а степень обязательности результатов толкования.

Выводы и заключения: многие устоявшиеся традиционные подходы в теории толкования нуждаются в дополнительном анализе и возможно в частичном пересмотре с учетом сложившихся правовых реалий и тенденций развития современного общества.

Ключевые слова: толкование права, уяснение смысла правового предписания, разъяснение смысла правового предписания, виды толкования, индивидуальное толкование, коллективное (коллегиальное) толкование.

INDIVIDUAL INTERPRETATION (to problem statement)

Introduction: the article substantiates the existence of a new independent type of interpretation of law – individual interpretation. The author proceeds from the fact that any interpretation is initially individual, when it comes to the inner side of the interpretation – the process of understanding the true meaning of the legal requirement. At the second stage of interpretation, in the process of clarification, a collective (collegial) interpretation is possible, which is understood as a set of individual interpretations. Proposed additions to the existing classifications relating to types of interpretation.

Materials and methods: the methodological basis of the research is represented by the General dialectical method of scientific knowledge in combination with the method of formal legal analysis and other special legal methods.

Results: based on the analysis of the current Russian legislation, additions to the existing classifications relating to the types of interpretation are proposed. When classifying the interpretation of law by subjects, it is proposed to distinguish individual and collective (collegial) interpretation. The division of interpretation at formal and informal classification criteria are considered to be not a subject of interpretation, and the degree of obligation of results interpretation.

Summary and conclusions: many established traditional approaches in the theory of interpretation need further analysis and possibly partial revision in view of the existing legal realities and trends in the development of modern society.

Key words: interpretation of law, understanding of the meaning of a legal order, explanation of the meaning of a legal order, types of interpretation, individual interpretation, collective (collegial) interpretation.

Несмотря на то, что вопросы толкования в праве постоянно находятся в поле зрения российских и зарубежных исследователей, об индивидуальном толковании такого, к сожалению, сказать нельзя. О виде толкования, суть которого состоит в том, что оно исходит от индивидуального субъекта, в юридической литературе практически не упоминается.

В работах российских юристов конца XIX–начала XX в., которые стали теоретической основой для всех последующих исследований в области общей теории права, ничего не говорится об индивидуальном толковании [2; 14; 11], равно как и в фундаментальном труде Е.В. Васьковского, непосредственно посвященном проблемам толкования [2].

В советской юриспруденции наблюдается такая же тенденция. Авторы многолетнего курса «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» такого вида толкования, как индивидуальное толкование не выделяют [5, с. 467–489]. Аналогичную картину мы видим и в других работах ведущих советских теоретиков [6; 13; 12].

Правда, С.С. Алексеев использовал термин «индивидуальное толкование», но как синоним термина «казуальное толкование». Он говорил о разъяснении нормативного акта, которое обязательно только для конкретного случая [1, с. 310–311]. Автор понимал «индивидуальное толкование» в другом значении, он не имел в виду толкование, которое исходит от индивидуального субъекта.

Не выделяется индивидуальное толкование как самостоятельный вид и в современных исследованиях [9; 10].

В учебной литературе по теории государства и права (по крайней мере, в тех учебниках и учебных пособиях, которые известны автору настоящей статьи) такой вид толкования, как индивидуальное не выделяется.

Возникает вопрос: а существует ли такой вид толкования, как индивидуальное толкование? Думается, что да. Когда субъект единолично толкует правовую норму, очевидно, что это индивидуальное толкование, т.е. исходящее от индивида, от одного субъекта.

Вопрос об индивидуальном толковании напрямую связан с вопросом о субъекте толкования. Данному вопросу в работах по теории толкования также уделялось мало внимания. Е.В. Пирмаев в диссертации о судебном толковании совершенно справедливо отмечает, что во многих фундаментальных исследованиях по проблемам толкования зачастую нет даже специального раздела (главы, параграфа) о субъекте толкования. Этот вопрос рассматривается тогда, когда авторы пишут либо о видах толкования, либо об актах толкования [7, с. 81]. Но даже в этом случае индивидуальное толкование не называется.

Почему сложилась такая ситуация? Неужели в данном вопросе все так понятно, что нет необходимости уделять ему особое внимание? Думается, что нет. Возникает целый ряд проблем как теоретического, так и практического плана, которые делают индивидуальное толкование вопросом, который заслуживает самого пристального внимания.

В первом приближении видятся следующие направления исследования.

Индивидуальное толкование – основа любого другого вида толкования.

Изначально любое толкование всегда индивидуально. Оно исходит от конкретного субъекта и отражает степень его профессиональной подготовленности (при любом толковании) и полномочия (при официальном толковании). Именно индивидуальное толкование лежит в основе всех других видов толкования, будь то официальное или неофициальное, аутентическое или легальное, нормативное или казуальное, либо любой другой вид толкования.

Но когда толкование дает коллегиальный орган, то возникает еще один вопрос: эту совокупность индивидуальных толкований либо коллективное (коллегиальное) толкование нужно понимать как-то иначе?

Чтобы ответить на него, необходимо помнить о двоякой природе толкования, его стадийности.

С.С. Алексеев подчеркивал, что толкование – это деятельность, которая складывается из двух основных элементов: а) уяснения содержания нормативного предписания и б) его разъяснения [1, с. 290].

Более подробно позицию изложил А.Ф. Черданцев: «...с одной стороны, под толкованием права понимается определенный мыслительный процесс, направленный на установление содержания норм права путем выявления значений и смысла терминов и выражений (знаков естественного языка), заключенных в нормативных актах. Такое понимание толкования обозначается обычно путем выражения “уяснение смысла (содержания) норм права”. Оно находит свою характеристику в совокупности способов толкования. С другой стороны, под толкованием права (норм права, закона) понимается результат мыслительного процесса (уяснения), который фиксируется в совокупности языковых высказываний, отражающих содержание норм права» [13, с. 5–6].

Применительно к проблеме индивидуального толкования важно отметить следующее. Когда речь идет об уяснении смысла правовой нормы (внутренней стороне толкования), то оно всегда индивидуально. Каждый субъект толкования единолично, по-своему уясняет смысл правового предписания. Когда же речь идет о разъяснении (внешней стороне толкования), то оно складывается из суммы индивидуальных толкований, которые в процессе обсуждения могут сформироваться в коллективную (коллегиальную) позицию. Например, в соответствии со ст. 30 «Коллегиальность» федерального конституционного закона Российской Федерации «О Конституционном суде Российской Федерации» «рассмотрение дел и вопросов и принятие решений по ним производятся Конституционным судом Российской Федерации коллегиально. Решение принимается только теми судьями, которые участвовали в рассмотрении дела в судебном заседании».

На то, что коллегиальное толкование – это совокупность индивидуальных толкований, еще более четко указывает содержание ст. 70. «Совещание судей по принятию итогового решения» федерального конституционного закона Российской Федерации «О Конституционном суде Российской Федерации», которая гласит: «...В ходе совещания судьи Конституционного суда Российской Федерации вправе свободно излагать свою позицию по обсуждаемому вопросу и просить других судей уточнить их позиции. Число и продолжительность выступлений на совещании не могут быть ограничены.

В протоколе совещания в обязательном порядке фиксируются вопросы, ставившиеся на голосование, и результаты голосования. Протокол подписывается всеми присутствовавшими судьями и не подлежит оглашению».

Во многом в пользу существования индивидуального толкования говорит и то, как в уголовном судопроизводстве урегулирована процедура коллегиального рассмотрения уголовных дел. Так, ст. 301 УПК РФ «Порядок совещания судей при коллегиальном рассмотрении уголовного дела» наглядно показывает, что коллегиальное решение – это совокупность индивидуальных решений (а, следовательно, и индивидуальных толкований):

«1. При постановлении приговора в совещательной комнате, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, председательствующий ставит на разрешение вопросы в порядке, установленном *статьей 299* настоящего Кодекса (в ред. Федерального закона от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ).

2. При разрешении каждого вопроса судья не вправе воздержаться от голосо-

ния, за исключением случаев, предусмотренных *частью третьей* настоящей статьи. Все вопросы разрешаются большинством голосов. Председательствующий голосует последним.

3. Судье, голосовавшему за оправдание подсудимого и оставшемуся в меньшинстве, предоставляется право воздержаться от голосования по вопросам применения уголовного закона. Если мнения судей по вопросам о квалификации преступления или мере наказания разошлись, то голос, поданный за оправдание, присоединяется к голосу, поданному за квалификацию преступления по уголовному закону, предусматривающему менее тяжкое преступление, и за назначение менее сурового наказания».

Во многом схожий порядок предусмотрен и в гражданском судопроизводстве: «Вопросы, возникающие при рассмотрении дела судом в коллегиальном составе, разрешаются судьями большинством голосов. Никто из судей не вправе воздержаться от голосования. Председательствующий голосует последним» (ст. 15 ГПК РФ «Порядок разрешения вопросов судом в коллегиальном составе»).

То, что коллективное решение принимается путем голосования, и то, что каждый участвующий в выработке коллективного (коллегиального) решения обязан высказать свое мнение, по сути подтверждает высказанную точку зрения о том, что коллективное (коллегиальное) толкование представляет собой совокупность индивидуальных толкований. Но при этом лицо не согласное с коллективной позицией, может оставаться при своем мнении. Действующее законодательство дает судье право выразить свое особое мнение, если он не согласен с решением суда по рассматриваемому делу (ст. 76 федерального конституционного закона Российской Федерации «О Конституционном суде Российской Федерации», ст. ст. 301, 389.33 УПК РФ, ст. 15 ГПК РФ и др.).

Институт особого мнения также говорит в пользу того, что коллективное (коллегиальное) толкование – это совокупность индивидуальных толкований.

Приведенные примеры касаются только официального, а точнее судебного толкования. Но думается, что деление толкования на индивидуальное и коллективное (коллегиальное) применимо и к другим видам толкования.

Индивидуальное и коллективное (коллегиальное) толкование – виды толкования по субъектам и дополнение к существующим классификациям.

Признание такого вида, как индивидуальное толкование неизбежно влечет пересмотр существующих классификаций, касающихся видов толкования.

В российской научной и учебной литературе существует устоявшаяся точка зрения, что по субъектам толкование подразделяется на официальное и неофициальное. Так, Ф.Н. Фаткуллин считал, что «толкование считается официальным, когда оно осуществляется компетентным органом или должностным лицом в силу служебного долга имеет юридически значимые последствия. Оно, наоборот, признается неофициальным, если дается любым иным лицом, не связано с исполнением им служебных обязанностей и не имеет строгого юридического значения» [12, с. 248]. Аналогичной точки зрения придерживались и придерживаются многие другие авторы [6; 13; 9].

Но ведь должностное лицо вправе дать и неофициальное толкование, высказав свое мнение о содержании правовой нормы в публичном выступлении, во время дискуссии или в научной статье. В данном случае мнение будет исходить от уполномоченного лица, но не иметь юридически значимых последствий.

Представляется, что в подходе, который в российской юридической науке является самым распространенным, классификация осуществляется не по одному критерию, а по двум, что является нарушением принципа дихотомии. Не случайно один из ведущих специалистов в теории классификации С.С. Розова подчеркивала, что основа классификация – это правильно выбранный критерий классификации [8].

Думается, вопреки распространенному мнению, следует считать, что при делении толкования на официальное и неофициальное основанием (критерием) классификации будет выступать не субъект толкования, а степень обязательности результата толкования.

Поэтому когда речь идет о толковании права по субъектам, то предлагается изначально выделять индивидуальное и коллективное (коллегиальное) толкование, каждое из которых также может делиться на виды.

И наконец, как и для всякого вида толкования, для индивидуального толкования крайне важен вопрос об его эффективности.

Автор статьи в соавторстве с Е.В. Пирмаевым уже обращался к этой проблеме в рамках судебного толкования, и были выделены следующие критерии его эффективности: 1) однозначность толкования; 2) устойчивость толкования; 3) применимость толкования [5, с. 116].

В какой-то мере эти критерии применимы и к индивидуальному толкованию. Но так как индивидуальное толкование не ограничивается только судебным толкованием, есть все основания предположить, что подход к критериям эффективности индивидуального толкования в целом может быть более широким. Но это уже предмет другого исследования.

Следует отметить, что вопросы, поднятые в настоящей статье, ставятся не только в российской юриспруденции, но и интересуют исследователей из других стран. Так, в свое время известный польский теоретик права Е. Врублевски, разрабатывая теоретическую модель применения права, очень основательно исследовал вопрос о правовых соображениях (аргументах) при толковании права [15, s. 137–158] (книга издана к 25-летию гибели профессора Е. Врублевски и включает его избранные труды по теории государства и права). Такие правовые соображения (аргументы) могут исходить только от индивида, и именно на них строится индивидуальное толкование.

Таким образом, проблема индивидуального толкования является значимой как с точки зрения теории права, так и юридической практики, вызывает несомненный интерес в российской и зарубежной юриспруденции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. – Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с.
2. Васильковский Е.В. Учение о толковании и применении гражданских законов: цивилистическая методология. – Ч. 1. – Одесса, 1901. – 400 с.
3. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб.: Тип. Н.К. Мартынова, 1886. – 364 с.

4. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. – М.: Юрид. лит., 1973. – 648 с.
5. Минникес И.А., Пирмаев Е.В. Проблемы эффективности судебного толкования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 3 (82). – С. 111–117.
6. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – 166 с.
7. Пирмаев Е.В. Судебное толкование (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2019. – 194 с.
8. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. – Новосибирск: Наука, 1986. – 224 с.
9. Смирнов А.В., Манукян А.Г. Толкование норм права: учебно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2008. – 144 с.
10. Терехов Е.М. Мониторинг интерпретационных актов как средство оптимизации правоинтерпретационной деятельности: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 192 с.
11. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1917. – 227 с.
12. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 336 с.
13. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.
14. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Часть теоретическая: Философия права. – Т. 1: вып. 1–4. – М.: Тип. Бр. Башмаковых, 1910. – 839 с.
15. Wroblewski J. Pisma wybrane. – Warszawa: Wolters Kluwer, 2015. – 480 s.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Alekseev S. S. General theory of law: in 2 t. – Т. 2. – М.: Yurid. lit, 1982. – 360 p.
2. Vaskovskiy E. V. The Doctrine of interpretation and application of civil laws: civil methodology. – Part 1. – Odessa: "Ekon» type., 1901. – 400 p.
3. Korkunov N. M. Lectures on the General theory of law. – SPb.: Type. N. K. Martynova, 1886. – 364 p.
4. Marxist-Leninist General theory of state and law: Socialist law. – М.: Yurid. lit., 1973. – 648 p.
5. Minnikes I. A., Pirmaev E. V. Problems of efficiency of court interpretation // Vestnik of East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2017. – № 3 (82). – P. 111–117.
6. Pigolkin A. S. Interpretation of normative acts in the USSR. – Moscow: Gosyurizdat, 1962. – 166 p.
7. Pirmaev E. V. Judicial interpretation (theoretical and legal research): dis. ... kand. the faculty of law. Sciences. – Irkutsk, 2019. – 194 p.
8. Rozova S. S. Classification problem in modern science. – Novosibirsk: Science, 1986. – 224 p.

9. Smirnov A.V., Manukyan G. A. the interpretation of the law: training manual. – М.: Prospect, 2008. – 144 p.
10. Terekhov E. M. Monitoring of interpretative acts as a means of optimization of law-interpretation activity: monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2017. – 192 p.
11. Trubetskoy E. N. Lectures on the encyclopedia of law. – М: Type. A. I. Mamontova, 1917. – 227 p.
12. Fatkullin F. N. Problems of theory of state and law: lectures. – Kazan: Kazan publishing house. University press, 1987. – 336 p.
13. Cherdantsev A. F. Interpretation of Soviet law. – М.: Yurid. lit., 1979. – 168 p.
14. Shershenevich G. F. General theory of law: theoretical Part. Philosophy of law. – Vol. 1: Vol. 1–4. – М: Type. Br. Bashmakov, 1910. – 839 p.
15. Wroblewski J. Pisma wybrane. – Warszawa: Wolters Kluwer, 2015. – 480 s.

УДК: 342.7.03(470)

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10028

Самигуллин Венир Калимуллович
профессор кафедры конституционного
права Уфимского юридического
института МВД России
доктор юридических наук, профессор

Samigullin Venir Kalimullovich
professor of constitutional law Ufa Law
Institute of the Ministry of the Interior of
Russia doctor, professor

Казамиров Анатолий Иванович
доцент кафедры конституционного
права Уфимского юридического
института МВД России
кандидат юридических наук, доцент

Kazamirov Anatoly Ivanovich
associate Professor of the Department of
Constitutional Law at Ufa Law Institute
of the Interior of Russia, Candidate of
Law, Associate Professor

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Введение: в статье в постановочном плане в свете современного российского конституционного права рассматривается сложная и многоплановая проблема – правовая защита прав и свобод человека и гражданина. Определены разновидности правовой защиты. Отстаивается фундаментальная идея, что правовая защита прав и свобод человека и гражданина – особый канал регулирования общественных отношений, механизм которого требует глубокого и всестороннего исследования.

Материалы и методы: нормативно-правовую основу исследования образует Конституция Российской Федерации и основанное на ней законодательство, решающее вопросы, направленные на правовую защиту прав и свобод человека и гражданина, тех благ, что представляют ценность для общества и его государственности. Методологическую основу исследования составляет общий диалектический метод познания, носящий универсальный характер, а также индукция и дедукция, анализ и синтез, сравнение и другие научные методы, способы и приемы.

Результаты исследования: уточнено соотношение понятий «регулирование», «обеспечение», «охрана», «защита». Установлено, что в Конституции Российской Федерации правовая защита используется, с одной стороны, как средство государства для обеспечения того, что для него является благом, ценностью. А с другой стороны, различными субъектами права в качестве средства защиты своих прав и свобод, законных интересов. Доказано, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации и принятыми нормативными правовыми актами (прежде всего, федеральными законами) сформировались судебная и внесудебная защита, которая допускает досудебную и постсудебную защиту прав и свобод человека и гражданина. Определенное внимание уделено институту самозащиты.

Выводы и заключения: правовая защита прав и свобод человека и гражданина – особый канал правового регулирования общественных отношений. Его механизм требует глубокого и всестороннего исследования.

Ключевые слова: защита, права и свободы, судебная и внесудебная защита, медиация, омбудсмен, уровни.

LEGAL PROTECTION: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS

Introduction: the article in a production plan terms of modern Russian constitutional law considers a complex and multifaceted problem - the legal protection of the rights and freedoms of man and citizen. Varieties of this legal protection are identified. The fundamental idea is upheld that the legal protection of the rights and freedoms of man and citizen is a special channel for regulating social relations, the mechanism of which requires deep and comprehensive research.

Materials and methods: the legal ground of the study is formed by the constitution of the Russian Federation and legislation based on it that addresses issues aimed at the legal protection of the rights and freedoms of man and citizen, of those benefits that are of value to society and its statehood. The methodological basis of the study is the general dialectical method of cognition, which is universal in nature, as well as induction and deduction, analysis and synthesis, comparisons and other scientific methods, methods and techniques.

Results: the correlation of the concepts of “regulation”, “provision”, “protection”, “protection” is clarified. It is established that in the Constitution of the Russian Federation legal protection is used, on the one hand, as a means of the state to ensure that it is a good, a value to it. And on the other hand, by various legal entities as a means of protecting their rights and freedoms, legitimate interests. It has been proved: according to the Constitution of the Russian Federation and normative legal acts adopted in accordance with it (primarily federal laws), judicial and extrajudicial protection has been formed that allows for pre-trial and post-judicial protection of the rights and freedoms of man and citizen. Particular attention is paid to the institution of self-defense.

Summary and conclusions: legal protection of human and civil rights and freedoms is a special channel of legal regulation of public relations. Its mechanism requires deep and comprehensive research.

Key words: defense, rights and freedoms, judicial and extrajudicial protection, mediation, ombudsman, levels.

В общей теории права и государства активно используются такие понятия, как «регулирование», «обеспечение», «охрана», «защита», что находит разнообразное преломление в отраслевых юридических науках, законодательстве и в практике его реализации (применения). Конституционное право в этом ряду не образует исключения. Здесь тоже используются все эти понятия, но особенно активно используются

понятия «охрана» и «защита». Каково соотношение между ними? Можно ли их отождествлять? Или необходимо рассматривать как различные понятия?

Представляется, что «охрана» и «защита» близкие, но различные понятия. «Охрана» более отвечает обеспечению сохранности и действия права в объективном смысле, объектов правового регулирования. Отсюда – кадры правоохранительных органов (они предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов); охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры (пп. «л», «д» ст. 72 Конституции Российской Федерации). А «защита» в большей степени относится к обеспечению осуществления субъективного права, в более широком смысле – прав и свобод человека и гражданина, тех ценностей, что составляют ядро гуманистического права.

В юридическом отношении более привлекательным является понятие «правовая защита», тем самым сразу происходит отмежевание от произвольных форм, при которых недобросовестные лица, спекулируя идеей защиты, могут устанавливать не добро и справедливость, а сеять зло и несправедливость. Анализ Конституции Российской Федерации и принятых в соответствии с ней нормативных правовых актов (прежде всего, федеральных законов) позволяет заключить: в Конституции Российской Федерации правовая защита используется, с одной стороны, как средство государства для обеспечения того, что для него является благом, ценностью. А с другой стороны, различными субъектами права реализуется в качестве средства защиты своих прав и свобод, законных интересов.

Рассмотрим первый аспект проблемы.

В ст. 2 Конституции Российской Федерации декларируется, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Хотя органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции Российской Федерации), права и свободы человека и гражданина, являясь непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность не только законодательной и исполнительной государственной власти, а и местного самоуправления, равно обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции Российской Федерации).

В условиях федеративной государственности исключительно важно решение вопроса о предметах ведения Федерации и ее субъектов. Конституция Российской Федерации (ст. ст. 71, 72, 73, 76) решает этот вопрос, различая предметы ведения Российской Федерации и предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти, они осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов.

При этом регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; гражданство Российской Федерации; регулирование и защита прав национальных мень-

шинств (пункт «в» ст. 72); определение статуса и защита государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации (пункты «в», «н» ст. 72) образуют предметы ведения Российской Федерации. А защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; координация вопросов здравоохранения; защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита, включая социальное обеспечение; защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических групп (пункты «б», «ж», «м» ст. 72) находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Таким образом, Конституция Российской Федерации, различая понятия «регулирование и защита» и «защита» первое рассматривает как предмет ведения Российской Федерации, а второе – как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Обратимся ко второму аспекту проблемы.

Современное российское конституционное право, исходя из принципа разделения властей, по которому государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, и органы законодательной, исполнительной и судебной власти (ст. 10), уделяет особое внимание судебной власти, суду, правосудию.

И это справедливо. Если вникнуть в суть государства, государственности, государственного устройства общества, то можно прийти к выводу, что в корне понятия «государство» не слово «государь», как считают те, кто является приверженцем вождизма, а слово «суд».

История показывает, что в древних государствах первыми лицами были отнюдь не военные предводители, а судьи, т. е. рассудительные люди, склонные к анализу, обладающие способностями разбираться в психологии людей, в тонкостях человеческих отношений, умеющие выносить справедливые решения. Таковыми по преданиям были, например, Соломон, Моисей, Мухаммед. На более близких к современности стадиях развития человеческого общества и его государственности эта традиция отступила на второй план. На первый план стали все чаще выдвигаться военные предводители – лица волевые, решительные, склонные к быстрым решениям, которые отнюдь не всегда были справедливыми, хотя и эффективными. Вспомним, как поступил с гордиевым узлом Александр Македонский. Он не стал распутывать его, а просто взял и разрубил. Создается впечатление, что в современных условиях государственно организованное общество в плане приоритетов власти возвращается к истокам: судебная власть, суд, правосудие вновь выдвигаются на передний план. В научной правовой среде формируется мнение, что в правовом государстве, тесно связанном с гражданским обществом, парламент – его сердце, правительство – мозг, а суд – душа.

Часть 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Согласно части второй этой же статьи «решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд».

По Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом, создание чрезвычайных судов не допускается. Судьи независимы, несменяемы, неприкосновенны (ст. ст. 118, 120–122 Конституции Российской Федерации).

Таким образом, в стране на конституционно-правовой основе формируется судебная защита прав и свобод человека и гражданина.

Но общество конфликтно, суды перегружены разнообразными юридическими делами. Нередки случаи, когда судьи не укладываются в установленные сроки рассмотрения дел. В следственной и судебной практике не изжит обвинительный уклон. Нередки судебные ошибки. Встречаются и вовсе неправосудные решения.

Отчасти в силу обозначенных обстоятельств, но главным образом по причине того, что действующая Конституция Российской Федерации, провозглашая частную собственность равной с другими видами и формами собственности, легализуя предпринимательскую деятельность, открыла простор для развития рыночных отношений, ныне установилась еще и практика внесудебной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Сформировались две формы внесудебной защиты прав и свобод человека и гражданина досудебная и постсудебная.

Досудебная защита прав и свобод человека и гражданина весьма развита, например, в области трудовых отношений [4, 5]. Эта защита используется и в гражданско-правовых отношениях. ГК РФ (ст. 8) устанавливая, что гражданские права и свободы возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают права и обязанности, определяют пределы осуществления гражданских прав и способы их защиты (ст. ст. 9, 12). В развитие правила «иные способы защиты гражданских прав, предусмотренные законом» в области гражданско-правовых отношений установилась такая форма досудебной защиты гражданских прав, как медиация.

Медиатор (его можно именовать посредником или примирителем) – одно лицо или несколько лиц (два и более, группа лиц), которые, вступая в конфликтные отношения между их участниками, в качестве третьей, нейтральной и независимой стороны, не заинтересованной в данном конфликте, помогают (содействуют) конфликтующим сторонам разрешить имеющийся спор.

В России действует федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» вступивший в силу с 1 января 2011 г. [1]. Этим законом устанавливается внесудебная процедура урегулирования гражданско-правовых споров при участии нейтральных лиц (медиаторов) как альтернатива судебному или административному разбирательству. Определяется сфера применения – урегулирование гражданских, семейных и трудовых споров. При этом процедура медиации не может применяться в об-

ласти гражданских, трудовых, семейных отношений, если результаты урегулирования спора могут затронуть интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы. Например, по делам о несостоятельности (банкротстве).

Установлены требования к соглашению о проведении процедуры медиации. Соглашение заключается в письменной форме и должно содержать сведения: о сторонах, предмете спора, медиаторе (медиаторах) или организации, осуществляющей оказание услуг по проведению процедуры медиации, порядке проведения процедуры медиации, условиях участия сторон в оплате расходов, связанных с проведением процедуры медиации, сроке проведения процедуры медиации (он не должен превышать 180 дней). При этом медиатор и стороны должны принимать все возможные меры к тому, чтобы указанная процедура была завершена в срок не более 60 дней.

Назначение медиатора производится по взаимному соглашению сторон. Услуги по проведению процедуры медиации могут оказываться как на платной, так и на бесплатной основе. В законе прописаны также процедуры медиации – внесудебная, досудебная и судебная, предусматривающие проведение процедуры медиации на любой стадии судебного разбирательства.

Установлены требования к медиаторам. Они могут осуществлять свою деятельность и на профессиональной основе (лица, достигшие возраста 25 лет, имеющие высшее профессиональное образование и прошедшие курс обучения по программе подготовки медиаторов, утверждаемой в порядке, определяемом Правительством РФ), и на непрофессиональной основе (лица, достигшие возраста 18 лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости). Определены также особенности правового положения саморегулирующихся организаций медиаторов и их основные функции.

В. Ф. Яковлев, придавая большое значение развитию медиации в Российской Федерации (иногда его называли даже отцом, основателем российской медиации), писал: «...формально роль медиатора малозначима, а по существу, конечно, это ключевая фигура. Это хороший специалист, который, будучи компетентным, независимым и беспристрастным, помогает сторонам найти взаимоприемлемое решение» [3, с. 721].

К ведению Государственной думы согласно п. «е» ч. 1 ст. 103 Конституции Российской Федерации относится «назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека, действующего в соответствии с федеральным конституционным законом». Таким законом является федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», принятый Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ и действующий ныне в редакции от 31 января 2016 г.

При характеристике Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации могут использоваться и используются различные термины и понятия (должность, лицо, должностное лицо, государственный орган, служба, институт, гарант, агент), которые в юридико-конструктивном отношении не совсем стыкуются между собой. Тем не менее, он (Уполномоченный) наделен законодателем существенными

привилегиями, значительными полномочиями, часть которых представлена как его компетенция. С этой точки зрения показательны, например, следующие статьи ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»: 12, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36 36.1, 36.2 и др.

Можно смело утверждать, что к настоящему времени в механизме современной российской государственности сформировалась российская модель омбудсмена. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации – аналог омбудсмена, который сложился на Западе и зарекомендовал себя в целом положительно.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации не является «конкурирующей фирмой» по отношению ко всем государственным и негосударственным структурам, осуществляющим правозащитную деятельность. Он не отменяет и не изменяет компетенции никаких государственных органов, обеспечивающих защиту прав и свобод человека и гражданина и восстановление их в случае нарушения. Он действует как дополнительный инструмент (средство, рычаг) к существующим средствам защиты прав и свобод человека и гражданина. То, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации – дополнительный инструмент по отношению к другим формам защиты прав человека, не умаляет его места, роли и значения в механизме современной российской государственности. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Конституцией Российской Федерации (п. «е» ст. 103) отнесен к первому виду государственных должностей категории «А» наряду еще с 21 должностью (Президент Российской Федерации ст. ст. 11, 80, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации – ст. 101 и др.). В декабре 2014 г. Бюро Международного координационного комитета национальных правозащитных институтов Совета по правам человека ООН подтвердило в отношении Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации высший аккредитационный статус «А» на период с 2013 по 2019 г.

В плане компетенции основное содержание деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – повседневная защита личности от произвола должностных лиц и государственных органов любого уровня. Полноценное выполнение этих функций Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации позволяет своевременно выявлять общие недостатки в деятельности органов исполнительной власти, обобщать типичные нарушения прав человека, предлагать пути их устранения.

Главное в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – рассмотрение жалобы (шире – обращения).

Заявители этих жалоб граждане Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства. Уполномоченный рассматривает жалобы на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих. Но при одном условии. Необходимо, чтобы заявитель обжаловал соответствующие решения или действия (бездействие) в судебном либо в административном порядке ранее и рассмотрение его жалобы в первом или во втором порядке его не устроило, т. е. с принятым решением он не согласен.

Принципиально важно то, что Уполномоченный не рассматривает жалобы на решения палат Федерального Собрания Российской Федерации и законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Вместе с тем подача жалобы Уполномоченному по правам человека в субъекте Российской Федерации не является основанием для отказа.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации реагирует лишь на вступившие в законную силу судебные решения и приговоры, с которыми заявителем не согласны, считая, необоснованными и незаконными, нецелесообразными и несправедливыми. Хотя Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, рассматривая жалобы, выносит решения лишь рекомендательного характера, случается, что ему удается добиться пересмотра уже вступивших в законную силу решений и приговоров судов. Отметим также следующее. Для усиления гарантий успешной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации российское законодательство предусматривает юридическую ответственность за вмешательство в его деятельность.

Таким образом, по Конституции Российской Федерации и принятых в соответствии с ней нормативных правовых актов (прежде всего, федеральных законов) сформировалась судебная и внесудебная защита, которая допускает досудебную и постсудебную защиту прав и свобод человека и гражданина.

Особую разновидность защиты прав и свобод человека и гражданина образует самозащита. Она предусмотрена в ГК РФ (ст. 14), Трудовом кодексе РФ (ст. ст. 379, 380), Кодексе РФ об административных правонарушениях (ст. 19), УК РФ (ст. 37). Самозащита (необходимая оборона) допускается, но способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для ее пресечения.

В ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации закреплено: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно». Как правило, юридическая помощь оказывается в целях защиты прав и свобод человека и гражданина. Следовательно, по признаку возмездности можно указать на правовую защиту, осуществляемую на возмездных началах, и на правовую защиту, осуществляемую на безвозмездных началах. Юридическую помощь при правовой защите на обоих началах оказывают адвокаты, которые руководствуются федеральным законом от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2]. Этот закон принципиально отличается от советского законодательства, посвященного адвокатуре. Сильной и привлекательной стороной его является положение о том, что им обеспечивается необходимый баланс интересов общества и человека, адвоката и его клиента.

С точки зрения предмета нашего рассмотрения важны ст. 33 и ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации. В них говорится, что граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, то каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Феде-

рации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Это ведет к образованию нескольких уровней правовой защиты прав и свобод человека и гражданина. По меньшей мере, четырех: местный, региональный, федеральный, международный.

В данной статье обозначены лишь некоторые стороны проблемы правовой защиты прав и свобод человека и гражданина, которая обширна и многопланова. Основная цель ее – в постановочном плане показать, что сегодня в Российской Федерации на основе Конституции сложилась достаточно развитая система правовой защиты прав и свобод человека и гражданина. Представляется, что правовая защита прав и свобод человека и гражданина – особый канал правового регулирования общественных отношений, механизм которого требует глубокого и всестороннего исследования. Чтобы страна не превратилась в общество сутяжников, необходимо формировать правозащитную культуру граждан, должностных лиц, всех лиц, состоящих в гражданско-правовых, трудовых, служебных и иных правоотношениях. Нельзя забывать, что, прежде всего, это активная социально полезная деятельность, позитивная, конструктивная и творческая. Важно каждому обрести свою «нишу» в социальной жизни, где ему комфортно. И лишь в случае наличия фактов препятствия позитивному самоутверждению в социуме, нарушения прав и свобод человека и гражданина, прав и обязанностей, образующих специально-юридическое содержание соответствующих правоотношений, необходимо прибегать к соответствующим видам, формам и способам правозащиты, рассматривая их как вынужденные меры борьбы за добро и справедливость, право, закон, правозаконность, правопорядок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Справочно-правовая система «Консультант Плюс». Версия Проф. – М., 2013.
2. СЗ РФ. – 2002. – № 23. Ст. 2102.
3. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды. Становление и развитие. – М.: Статут, 2013.
4. Мурзина Е. А. Медиация как способ защиты трудовых прав // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 1 (84). – С. 47–52.
5. Страхов Р.А. Рассмотрение коллективного трудового спора в трудовом арбитраже: проблемы и пути их решения // Закон и право. – 2018. – № 8. – С. 83–86.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Reference and legal system "Consultant Plus". Version Prof. – M., 2013.
2. Sourcebook of the legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 23. – Article 2102.
3. Akovlev V. F. Selected works. Vol. 3: rbitration court. Formation and development. – M.: Statute, 2013.
4. Murzina E. A. Mediation as a way of protecting labor rights // Siberian Law Journal. – 2019. – № 1 (84). – P. 47–52.
5. Strakhov R.A. Consideration of a collective labor dispute in labor arbitration: problems and solutions // Law and Law. – 2018. – № 8. – P. 83–86.

УДК 342

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10029

Шелегов Юрий Владимирович

доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: shelegoff@list.ru

Shelegov Yury Vladimirovich

associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines
of the East-Siberian Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation
candidate of Law Sciences
E-mail: shelegoff@list.ru

Шелегов Владимир Георгиевич

доцент кафедры автомобильных
дорог Иркутского национального
исследовательского технического
университета
кандидат технических наук
E-mail: shelvg@mail.ru

Shelegov Vladimir Georgiyevich

Associate Professor of the Department
of Highways of the Irkutsk National Research
Technical University's
Candidate of Technical Sciences
E-mail: shelvg@mail.ru

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА

Введение: в статье рассматриваются особенности избирательной системы Российской Федерации, анализируется насколько она соответствует уровню развития российского общества, насколько позволяет реализовать принцип народовластия. Рассматриваются сильные и слабые стороны пропорциональной и мажоритарной избирательных систем. Исследуется роль и значение преференциальных механизмов при реализации пропорциональной избирательной системы.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, конституционно-правовое законодательство, научные исследования в области конституционного права. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили выявить недостатки действующей избирательной системы, связь избирательной системы с институтами гражданского общества; раскрыть влияние пропорциональной избирательной системы на формирование многопартийной системы, установить недостатки избирательной системы Российской Федерации.

Выводы и заключения: исследованные особенности избирательной системы России позволили выявить ряд положительных и отрицательных особенностей ее организации, на основе чего были сделаны предложения по модернизации отечественного избирательного законодательства. Предлагается при сохранении смешанной избирательной системы установить открытые списки при голосовании по пропорциональной системе. Списки должны формироваться избирателями при предварительном голосовании за порядок списочного состава партии. Предлагается допустить к участию в выборах депутатов от общественных организаций и беспартийных кандидатов при формировании представительного законодательного органа.

Ключевые слова: избирательная система, избирательные права, выборы, народовластие, политические партии.

RUSSIAN ELECTION SYSTEM: SEARCHING FOR A COMPROMISE

Introduction: the article considers the features of the electoral system of the Russian Federation, analyzes how it corresponds to the level of development of Russian society, how much it allows realizing the principle of democracy. The strengths and weaknesses of the proportional and majority electoral systems are examined. The role and importance of preferential mechanisms in the implementation of a proportional electoral system is investigated.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, Constitutional Law, and scientific research in the field of constitutional law. The methodological basis of the study was the general dialectic method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of comparison, analysis, generalization and description.

Results of the study: revealed the shortcomings of the current electoral system, the relationship of the electoral system with civil society institutions; exposed the influence of a proportional electoral system on the formation of a multi-party system, to establish the shortcomings of the electoral system of the Russian Federation.

Conclusions and conclusions: the studied features of the electoral system of Russia revealed a number of positive and negative its organization features, based on which proposals were made to modernize the domestic electoral legislation. While maintaining a mixed electoral system, it is proposed to establish open lists for voting on a proportional system. Lists must be formed by voters in a preliminary vote for the order of the party's payroll. It is proposed to allow deputies from public organizations and non-party candidates to participate in the elections when making up a representative legislative body.

Key words: electoral system, suffrage, elections, democracy, political parties.

Избирательная система играет важнейшую роль в реализации принципа народовластия. Ее организация говорит о многом. Во-первых, как реализуется в государстве непосредственная или представительная демократия, во-вторых, как осуществляется связь государственных институтов с институтами гражданского общества, в-третьих, какую ответственность народные представители несут перед своими избирателями.

Представляется, что свободные прямые выборы – оплот истинной демократии, важнейший компонент демократического государства, они позволяют реализовать народовластие и обеспечивают истинную легитимность органам государственной власти.

Избирательные механизмы имеют огромное значение для реализации народовластия. Избирательная система должна способствовать активизации участия граждан в выборах.

В случае низкой явки избирателей можно говорить о невысоком уровне правосознания и правовой культуры общества, либо о том, что граждане не доверяют избирательной системе. Что является прямым указанием на необходимость ее модернизации.

В каждом государстве своя специфика избирательной системы, соответствующая историческим, культурным особенностям. Избирательная система в России имеет длительную историю. Первые выборы были проведены в 1917 г. Это были выборы в Учредительное собрание [6, с. 21–22]. В советский период свободные выборы были невозможны по причине установления однопартийной системы и тоталитарного политического режима.

Современная избирательная система России начала формироваться относительно недавно. В Конституции РФ не прописана организация избирательной системы, но в ней говорится о народовластии, устанавливается, что народ является единственным источником власти.

Законодатель апробировал многие избирательные механизмы на выборах разного уровня для максимальной реализации этого принципа. Однако до сих пор ни в науке, ни на практике не сложилось единого мнения об избирательной системе России: как необходимо формировать Государственную думу, законодательные органы субъектов, как избирать главу субъекта, главу муниципального образования?

С момента принятия Конституции, установления основ конституционного строя ведется научная дискуссия о том, как должна быть организована избирательная система [12, с. 209]. Для определения преимуществ и недостатков различных избирательных систем необходимо рассмотреть их особенности.

Как известно, существует две базовые избирательные системы, остальные являются производными. Итак, мажоритарная и пропорциональная избирательные системы. В соответствии с мажоритарной системой проходит кандидат, получивший большинство голосов избирателей. Выделяют мажоритарную систему относительного большинства, квалифицированного и абсолютного [10, с. 175].

В соответствии с мажоритарной системой относительного большинства лидирует тот кандидат, который, соответственно, набрал относительное большинство голосов, опередив тем самым своих оппонентов.

Нужно отметить, что такой избирательный механизм не позволяет отразить интересы всех избирателей, потому что при использовании такой системы для формирования законодательного представительного органа большинство депутатов займут свои кресла при незначительном опережении других кандидатов на получение заветного мандата, что в свою очередь не будет объективно выражать волю народа. Если же такой механизм будет применяться при проведении выборов президента, то к власти придет лидер по воле менее половины избирателей, что также не будет способствовать его легитимности.

Безусловно, более высокому уровню легитимности выбранных представителей народа, главы государства будет способствовать мажоритарная систем абсолютного большинства, когда для получения мандата или должности требуется набрать больше половины голосов избирателей.

Однако не всегда получается на президентских выборах набрать такой процент голосов, поэтому для объективной картины политической воли избирателей должен проводиться второй тур [7, с. 415]. Именно такой механизм в настоящее время используется в избирательной системе Российской Федерации.

В первом туре избиратели голосуют за кандидата, которому они отдают предпочтение, а во втором – за кандидата, который в большей степени устраивает их политические предпочтения, чья программа больше схожа с программой кандидата, за которого они голосовали в первом туре. Это имеет огромное значение для реализации воли народа, который в соответствии с Конституцией РФ является единственным источником власти

Но, несмотря на все положительные моменты данной избирательной системы, многие исследователи считают, что она способствует прохождению в парламент представителей только крупных партий, высказываются мнения, что подобная система бессмысленна при многопартийности, а работает только в двухпартийной системе. Она выгодна в первую очередь крупным партиям и не позволяет представителям небольших партий заполучить депутатский мандат, что также ограничивает представительство в парламенте интересов меньшинства [1, с. 12].

Не меньший интерес для исследования представляет и мажоритарная система квалифицированного большинства. Несмотря на то, что эта система не использовалась в Российской Федерации, можно выявить ее достоинства и недостатки, опираясь на опыт ее использования другими государствами.

Суть подобной системы в том, что заранее устанавливается процент, который позволяет пройти кандидатам на выборах – 2/3 голосов всех избирателей или 67 %. Во-первых, это преимущественно два тура, соответственно затраты бюджета. Во-вторых, опять же это еще больший стимул для формирования двухпартийной системы и курс на отказ от многопартийности.

Как положительный фактор можно отметить объективное выявление мнения всех избирателей даже по тем кандидатам, которые по их личному рейтингу идут на втором месте. Но из оставшихся кандидатов после первого тура они представляются избирателям более предпочтительными.

Характеризуя в целом мажоритарную избирательную систему, можно заключить, что она больше подходит для двухпартийной системы, и не способствует формированию многопартийности, не отражает интересы меньшинства [5, с. 19], а лишь дает компромиссный для них вариант при проведении второго тура выборов.

В отличие от мажоритарной пропорциональная избирательная система, напротив, способствует многопартийности и обеспечению выражения мнения меньшинства при формировании парламента.

Пропорциональная система заключается в голосовании за открытые или закрытые партийные списки. Эту систему всегда поддерживали небольшие левые партии, что позволяло им, набрав относительно небольшой пороговый процент голосов, обеспечить себе депутатские мандаты в представительном законодательном органе, кроме того, эта система обеспечивает представительство интересов меньшинства [7, с. 403], что имеет огромное значение для реализации принципа народовластия. В отличие от мажоритарной системы при формировании представительного законодательного органа отражается реальное мнение электората [7, с. 403; 8, с. 138].

При пропорциональной системе избиратель выбирает не кандидатов, а партию [2, с. 3]. Это совершенно иной подход к формированию законодательного представительного органа. Именно такой механизм использовался при формировании Государственной думы в 2004–2014 гг.

Говоря о плюсах пропорциональной избирательной системы, нужно отметить, что она пропорционально набранным голосам предоставляет депутатские мандаты всем партиям, набравшим так называемый минимум, проходной процент избирательных голосов. Это укрепляет многопартийную систему.

Но есть и отрицательные аспекты в рассматриваемой системе. Во-первых, она не позволяет получить депутатский мандат беспартийным кандидатам, что в определенной мере ограничивает механизм народовластия, пассивное избирательное право граждан. Во-вторых, при голосовании по закрытым спискам избиратели не знают, кого они выбирают. Проходят те кандидаты, которые оказались нужными партии. Именно руководство партии решает, кто войдет в списки, какая очередность кандидатов в списке.

Некоторые авторы отмечают, что пропорциональная система способствует идейному расслоению общества [11, с. 56]. Партии используют различные приемы, для привлечения на свою сторону избирателей, формируют определенную идеологию, за которую голосуют граждане. Пропорциональная система не позволяет гражданам иметь представителей от своего одномандатного округа. Когда избиратель голосует, ему очень важно знать за кого именно он голосует. Он знает, что сможет обратиться к представителю лично. Связь населения со своими представителями в законодательном представительном органе очень важна.

Говоря об особенностях пропорциональной системы, нужно упомянуть о том, что не всегда списки кандидатов должны быть скрыты от избирателей. Существует так называемое преференциальное голосование, когда избиратель может выбрать не только партию, но и проголосовать за конкретного кандидата из списка [3, с. 109].

Полагаем, что наиболее удачный вариант пропорциональной системы – это пропорциональная система с открытыми списками и системой преференциального вотума. Подобный механизм целесообразен, по нашему мнению, как на федеральном уровне, так и на региональном при проведении выборов в законодательный представительный орган субъекта Российской Федерации.

Проведение выборов с открытыми списками позволит повысить интерес избирателей, будет способствовать укреплению связи политических партий с избирателями. Последние будут голосовать адресно. По большому счету такой механизм избирательной системы – это что-то среднее между классической пропорциональной и мажоритарной системой. Избиратели могут активно участвовать в формировании законодательного органа.

Закрепленный в Конституции принцип народовластия наиболее эффективно может быть реализован, если перед выборами в законодательный представительный орган будет проводиться предварительное голосование за списочный состав партий, участвующих в выборах [4].

Когда избиратель участвует в формировании списков кандидатов, кандидаты выдвигаются не по инициативе руководства партии, а самими гражданами. Это способствует увеличению доверия избирателей как к партиям, так и к избирательной системе.

Депутаты, не прошедшие в списки, могут при смешанной системе участвовать в выборах по одномандатным округам и самостоятельно как самовыдвиженцы. Право участвовать в выборах в депутаты законодательных органов самовыдвиженцам и членам общественных организации будет способствовать развитию демократии, укреплению связи государства и гражданского общества и, как следствие, повышению правосознания общества, что, в свою очередь, напрямую связано с явкой избирателей, которая в современных условиях оставляет желать лучшего.

Считаем, что низкая явка избирателей напрямую связана с легитимностью избирательной системы. Граждане не идут на выборы, не осознавая значимости своего голоса, понимая, что списки представителей от партий формируются лишь с учетом мнения партийной верхушки, подозревая, что тот, кто проспонсировал предвыборную кампанию, тот и попал в число первых в партийных списках. А личностные качества при формировании списков играют второстепенную роль.

Предлагаемые избирательные механизмы призваны развеять тень недоверия, призвать избирателя к участию в реализации народовластия.

Безусловно, избирательная система соответствует уровню развития общества, особенностям правовой культуры граждан. Общество должно быть готово к таким преобразованиям, усложняющим механизм выборов. Конечно, нельзя списывать, что это затраты, но затраты на развитие демократических механизмов, на повышение легитимности выборов законодательных органов.

Преференциальные механизмы пропорциональной избирательной системы предлагается вводить точно, на уровне субъектов федерации, муниципальных образований, проводить при этом анализ явки, легитимности выборов и представительных органов.

Демократические способы управления государством применяются в России не так давно, поэтому у нас нет исторически сформированных правовых особенностей в этой области. Особенности формируются в настоящее время на наших глазах.

В странах с устоявшимися демократическими традициями, исторически сформированными правовыми институтами, позволяющими реализовать народовластие, есть и свои особенные избирательные системы, которые учитывают и уровень правосознания, и правовую культуру общества, и политические предпочтения. Избирательные механизмы в некоторых демократических государствах развивались на протяжении не одного столетия,

Необходимо четко понимать, какую цель должны преследовать избирательные системы – формирование однопартийного законодательного представительного органа удобного для реализации единой политики государства, или стремление к реальному народному представительству, реализации народовластия в прямом смысле этого слова.

Кандидаты в депутаты или на иную выборную должность в органы государственной власти должны соответствовать по уровню образования и практическому опыту тем задачам, которые им предстоит решать. Это чрезвычайно важный момент, ему в настоящее время не уделяется достаточного внимания в действующем законодательстве.

Предъявление более высоких требований к кандидатам актуально в настоящее время, когда уровень образования общества достаточно высок. Есть отличные специалисты в области права, экономики, которые смогут внести дельные законопроекты, на высоком уровне в целом решать поставленные перед ними задачи, только это действительно должны быть ученые, внесшие вклад в развитие права и экономики.

При изменении требований к кандидатам в депутаты и другие выборные должности непременно произойдет и изменение в требованиях к членам партии, особенно к тем, кто намерен попасть в списочный состав на выборах.

Таким образом, конституционно-правовые отношения тесно связаны с развитием институтов гражданского общества. Применение в государстве той или иной избирательной системы способствует развитию либо многопартийной политической модели, либо двухпартийной.

Как было отмечено ранее, пропорциональная система способствует многопартийности, в то время как мажоритарная развитию двухпартийной системы. Надо отметить, что применение пропорциональной системы активно способствует развитию партий, в том числе и в субъектах федерации. Конституционно-правовые нормы в области избирательных отношений оказывают мощнейшее влияние на развитие институтов гражданского общества, такие как политические партии, общественные организации и др.

Конечно, пропорциональная система в свое время оказала известное влияние на формирование и развитие политических партий в России, но эта система ограничивала конституционные права граждан. Так в ч. 2 ст. 32 Конституции говорится, что «граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в

референдуме»¹. Однако по пропорциональной системе граждане не могут быть избраны в Государственную думу непосредственно, а только если они являются членами партии (и то по спискам этой партии). Таким образом, нормы избирательного права ограничивали прямое действие Конституции и ущемляли права граждан, установленные Конституцией.

Также пропорциональная избирательная система ограничивала прямое действие ст. 3 Конституции РФ и противоречила ст. 18, которая гласит, что «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти...»².

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что пропорциональная избирательная система даже с преференциальными механизмами не должна применяться без мажоритарной. Так называемая смешанная система, когда половина депутатов избирается по партийным спискам, вторая по одномандатным округам наибольшим образом способствует реализации конституционных норм и развивает институты гражданского общества.

Смешанная избирательная система, бесспорно, сводит к минимуму недостатки пропорциональной и мажоритарной систем [9, с. 48]. Избиратель при смешанной системе может проголосовать и за партию, программа и идеи которой его в большей степени устраивают, и за кандидата в депутаты по одномандатному округу. Тем самым он может рассчитывать, что его интересы будут отстаиваться представителем непосредственно от того округа, где он проживает. Осознание этого очень важно для граждан. Это укрепляет их связь с непосредственными представителями от одномандатного округа, за которого они отдали свои голоса на выборах, обеспечивает легитимность представительного законодательного органа.

Однако смешанная избирательная система, действующая в России в настоящее время, в большей мере обеспечивает народовластие, чем пропорциональная, но все же она далека от идеальной. В первую очередь по той причине, что нет возможности беспартийным кандидатам выдвигать свою кандидатуру на выборы в Государственную думу. Во вторую очередь общественные организации не могут представить кандидата на выборы в указанный представительный орган даже по мажоритарному механизму, предусмотренному смешанной избирательной системой Российской Федерации.

Полагаем, что в демократическом государстве, в котором народ является единственным источником власти, в законодательном представительном органе должны его представлять не только члены политических партий, но и представители других общественных организации и непосредственные представители от народа – самовыдвиженцы.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Там же.

Возвращаясь к беспартийным кандидатам, нужно отметить, что они могут быть включены в список партий и реализовать свое пассивное избирательное право. Однако, будучи включенным в партийные списки, беспартийный берет на себя ответственность за партийную программу, идеологию, цели и задачи партии. Он не вправе провозглашать свою собственную программу, цели и задачи.

Кандидаты от партий, от общественных организаций и самовыдвиженцы должны обладать равными правами при реализации своего пассивного избирательного права. Равными правами должны обладать и политические партии, и общественные объединения. Это также имеет важнейшее значение для реализации народовластия и развития институтов гражданского общества.

Как отмечалось ранее, возможность представлять кандидатов в депутаты от общественных объединений будет способствовать развитию институтов гражданского общества и повышать уровень правосознания общества.

Провозглашенный Конституцией принцип народовластия может еще более эффективно реализовываться, если на уровне федерального законодательства закрепить обязательное предварительное голосование граждан за кандидатов, которые будут занесены в партийные списки для выборов по пропорциональной системе [4].

К сожалению, в соответствии с действующим избирательным правом партийные списки на выборы формируются руководством партии. Избиратель не может не то чтобы выбрать, но и узнать, за кого он голосует.

Учитывая то, что пропорциональная избирательная система может реализовываться и с открытыми списками, считаем целесообразным установить именно такой пропорциональный избирательный механизм, когда списки будут открыты для избирателя. Более того, избиратель, как указывалось выше, должен участвовать в формировании этих списков через предварительное голосование за списочный состав партии, подаваемый на выборы в представительный орган.

Граждане смогут участвовать в формировании депутатского состава не только через голосование по одномандатным округам, но и через предварительное голосование за списки, а затем через голосование по пропорциональной системе. Это повысит ответственность избирателя за формирование представительного органа, обеспечит высокий уровень легитимности избранного органа власти.

В пользу того, что назрела необходимость перемен в избирательной системе, говорит низкая явка избирателей на выборы.

Полагаем, что при использовании рассмотренных выше избирательных механизмов не только возрастет легитимность выборного органа, но и эффективно будут реализовываться избирательные права граждан, а также право на управление делами государства через представителей.

Смешанная избирательная система в большей степени обеспечивает конституционные права граждан, реализацию принципа народовластия, нежели пропорциональная или мажоритарная системы в отдельности.

Избирательная система нуждается в модернизации в соответствии с уровнем развития общества:

во-первых, необходимо закрепить на уровне федерального законодательства использование открытых списков при голосовании по пропорциональной системе. Причем эти списки должны формироваться избирателями при предварительном голосовании за порядок списочного состава политической партии;

во-вторых, необходимо допустить к участию в выборах депутатов от общественных организаций и беспартийных кандидатов при формировании представительного органа;

в-третьих, нужно повысить требования к образованию и опыту работы кандидата в депутаты. Считаем, что это должны быть профессиональные юристы или экономисты с богатым опытом трудовой или научной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абдулхаликова Е.М. Избирательная система: от смешанной к мажоритарной или пропорциональной // Конституционное и муниципальное право. – 2002. – № 3. – С. 12.

2. Авакьян С.А. Какая избирательная система лучше? // Российская Федерация сегодня. – 2004. – № 23. – С. 3.

3. Байрамбекова А.Н. Избирательная система Республики Дагестан // Вестник ДГУ. – 2011. – Вып. 2. – С. 109.

4. Величинская Ю. Н. Праймериз: демократическая ценность, проблемы применения в отечественной избирательной практике, перспективы институционализации // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 8. – С. 29–36.

5. Гончарова И.А. Возвращение к смешанной избирательной системе на выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 3. – С. 19.

6. Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. – М., 2005. – 333 с.

7. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России. – М., 2009. – С. 415.

8. Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. – 1995. – № 5. – С. 136–146.

9. Малый А.Ф. Смешанная избирательная система: существует ли она? // Рос. юстиция. – 2014. – № 6. – С. 48–50.

10. Морозова О.С. Влияние типа избирательной системы на функционирование политической системы общества // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 2. – С. 175–179.

11. Мясников А.П. Пути совершенствования Российской избирательной системы // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2004. – № 4. – С. 56.

12. Политаев П.П. Влияние трансформации избирательной системы на рост противоправных избирательных технологий в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2013. – Т. 2. – № 5. – С. 209–213.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Abdulkhalikova E.M. Electoral system: from mixed to majority or proportional // Constitutional and municipal law. – 2002. – No 3. – P. 12.
2. Avakyan S.A. Which electoral system is better? // Russian Federation today. – 2004. – No. 23. – P. 3.
3. Bayrambekova A.N. The electoral system of the Republic of Dagestan // Herald of the DSU. – 2011. – Issue. 2. – S. 109.
4. Velichinskaya Yu. N. Primaries: democratic value, problems of application in domestic electoral practice, prospects for institutionalization // Constitutional and municipal law. – 2015. – No. 8. – P. 29–36.
5. Goncharova I.A. Return to the mixed electoral system in the elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. – 2014. – No 3. – S. 19.
6. Ivanchenko A.V., Kynev A.V., Lyubarev A.E. Proportional electoral system in Russia: history, current status, prospects. – M., – 2005. – 333 s.
7. Kynev A.V., Lyubarev A.E. Parties and elections in modern Russia. – M., – 2009. – S. 415.
8. Leiphart A. Constitutional alternatives for new democracies // Polis. – 1995. – No 5. – P. 136–146.
9. Small A.F. Mixed electoral system: does it exist? // Russian justice. – 2014. – No 6. – P. 48–50.
10. Morozova O.S. The influence of the type of the electoral system on the functioning of the political system of society // Theory and practice of social development. – 2013. – No 2. – P. 175–179.
11. Myasnikov A.P. Ways to improve the Russian electoral system // North-Caucasian Legal Bulletin. – 2004. – No 4. – S. 56.
12. Politaev P.P. The effect of the transformation of the electoral system on the growth of illegal electoral technologies in modern Russia // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. – 2013.– Vol. 2. – No 5. – P. 209–213.

УДК: 343.2/.7

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10030

Бердникова Ольга Петровна
доцент кафедры криминалистики
Уральского юридического института
МВД России
кандидат юридических наук

Berdnikova Olga Petrovna
associate Professor of the Department
of criminology Ural Law Institute of the
Ministry of internal Affairs of Russia
Ph. D.

Ржанникова Светлана Сергеевна
старший преподаватель кафедры
криминалистики Уральского
юридического института МВД России

Rzhannikova Svetlana Sergeevna
senior lecturer of the Department of crimi-
nology Ural Law Institute of the Ministry of
internal Affairs of Russia

Пермяков Андрей Леонидович
заместитель начальника кафедры
криминалистики Восточно-
Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук

Permyakov Andrey Leonidovich
Deputy Head of the Department of Forensic
Science of the East-Siberian Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation candidate of law

ХИЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВА УМЕРШИХ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Введение: в статье рассматриваются особенности квалификации двух видов преступного посягательства: хищение вещей, находящихся при теле умершего, и незаконное изъятие изделий из драгоценных металлов, неразрывно связанных с телом умершего.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует уголовное законодательство РФ. Кроме теоретических положений, основу исследования составила также эмпирическая база, содержание которой составляют материалы судебно-следственной практики по преступлениям исследуемой категории. Применялись современные общенаучные методы познания социальных процессов и явлений.

Результатом исследования явилось то, что авторы на основании анализа особенностей квалификации преступлений определенной группы и изучения судебно-следственной практики разработали ряд криминалистически значимых положений о применении специальных знаний при расследовании.

Выводы и заключения: полученные результаты исследования уголовно-правовых аспектов рассматриваемой проблемы позволили сделать ряд выводов, имеющих значение в практической деятельности в области правоприменения при расследовании преступлений рассматриваемой категории.

Ключевые слова: квалификация, хищение, тело умершего, расследование преступлений, осмотр трупа, типичные ситуации, специальные знания.

THEFT OF PROPERTY FROM THE DEAD: CRIMINAL AND FORENSIC ASPECTS

Introduction: The work considers the peculiarities of qualification of two types of criminal assault: theft of things in the body of the deceased, and illegal seizure of articles from precious metals inextricably connected with the body of the deceased.

Materials and methods: the normative basis of the study forms the criminal legislation of the Russian Federation. In addition to theoretical provisions, the basis of the study was also an empirical base, the content of which is formed by the materials of judicial and investigative practice on crimes of the investigated category. Modern popular scientific methods of knowledge of social processes and phenomena were used.

The result of the study is that the authors, on the basis of an analysis of the characteristics of the characterization of crimes of a certain group and a study of judicial and investigative practice, developed a number of forensic provisions on the application of specialized knowledge in the investigation.

Conclusions and conclusions: The results of the research of the criminal legal aspects of the problem under consideration have led to a number of conclusions of relevance in the practice of law enforcement in the investigation of crimes of the category under consideration.

Key words: qualification, theft, body of the deceased, investigation of crimes, examination of the corpse, typical situations, special knowledge.

Проблемы хищения имущества, находящегося на телах умерших или при них, сравнительно редко являются предметом научных изысканий. В основном это связано с тем, что ранее проблемы упадка нравственности не являлись открытой темой для обсуждения. Однако в последнее время в связи с нестабильной экономической ситуацией в стране, падением уровня доходов населения, ростом безработицы, увеличением количества страдающих алкогольной и наркотической зависимостями, на фоне почти стопроцентной закредитованности некоторых слоев населения происходит снижение духовной и нравственной культуры общества. Рост потребительства, вседозволенности, распущенности привели к актуальности темы, связанной с хищениями имущества, принадлежавшего умершим.

Вот только несколько примеров хищения имущества умерших, произошедших за последние два года: житель Кемерово, находясь с умершим в приемном покое морга, снял с его тела золотую цепочку с крестиком; санитарка Котельничского патологоанатомического отделения Кировского областного бюро судебно-медицинской экспертизы похитила с трупа женщины, погибшей на пожаре, золотые серьги и два кольца; сотрудник патологоанатомического отделения в Белогорске совершил кражу мобильного телефона, находящегося при трупе, ну и совсем вопиющий случай: двое участковых уполномоченных г. Энгельс Саратовской области при проверке сообщения о неприятном запахе в подъезде одного из домов обнаружили тело 68-летнего

мужчины и его мобильный телефон. Используя сим-карту умершего, полицейские подключили мобильный банк, при помощи которого перевели около 40 тыс. рублей со счета мужчины на счет одного из родственников участковых¹.

Между тем ещё в Древней Руси имущество умерших являлось предметом правовой охраны. Русская Правда относила его хищение к категории надругательства над телами умерших и местами их захоронения. Устав князя Владимира предусматривал положения, устанавливающие уголовное наказание за преступления против религии, к которым относились: хищение вещей с трупов, порча крестов, изъятие частиц со священных предметов. Эти преступления наказывались смертной казнью [1].

В настоящее время существуют определенные затруднения в правильной квалификации хищений имущества, принадлежавшего умершим, а также некоторые особенности получения доказательственной информации при расследовании таких уголовных дел.

Хищение, уничтожение или повреждение, совершенное в отношении имущества, находившегося при умершем или на нем, согласно положениям гражданского законодательства принадлежит родственникам умершего, соответственно, в силу своей вещной ценности может быть предметом преступлений против собственности. При этом не имеет значения, что на первоначальных этапах обнаружения преступления и его расследования определение действительного потерпевшего затруднено и оттянуто во времени [2].

Кроме украшений и ювелирных изделий, которые могут быть на теле умершего, определенную ценность представляют предметы, изготовленные из драгоценных металлов, зубные протезы (коронки), которые также выступают предметом хищения². В данном случае следует отграничить друг от друга два возможных вида преступного посягательства: собственно хищение вещей, находящихся при теле умершего, и незаконное изъятие изделий из драгоценных металлов, неразрывно связанных с телом умершего.

По своей правовой сути это два принципиально отличных друг от друга вида преступного посягательства, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. ст.158 и 244 УК РФ.

Так, если виновный незаконно изымает и обращает в свою собственность собственность третьих лиц, иным образом незаконно распоряжается ценными вещами с тела умершего, то в зависимости от стоимости данных вещей его действия надлежит квалифицировать по ст. 158 УК РФ как кражу. В редком случае это может быть грабёж (ст. 161 УК РФ), если действия виновного являются очевидными для третьих лиц и виновный осознаёт факт очевидности своих действий. Ценности, находящиеся при теле умершего, вопреки расхожему мнению не подлежат захоронению вместе с телом, а являются объектом наследования, поскольку могут быть использованы по функциональному назначению независимо от факта жизни или смерти их владельца. Предполагается, что чаще всего подобные преступления совершаются тайно, поэтому

¹ URL: <https://staryiy.livejournal.com/2069171.html> (дата обращения 13.11.2019).

² Уголовное дело № 2-24/2015 // Архив Верховного суда Карачаево-Черкесской республики. 2015 г.

вариант, при котором действия виновного по изъятию ценных вещей с тела умершего образуют состав открытого хищения чужого имущества, не рассматривается.

Отдельно стоит выделить ситуацию, когда с трупов изымаются ценные вещи, неразрывно связанные с телом умершего, например, золотые зубные коронки. Зубная коронка, будучи установленной в зубо-челюстном аппарате человека, становится вещью, неразрывно связанной с конкретным человеком, поскольку выполняет функцию защиты зуба от внешнего воздействия, ее обычно сложно самостоятельно, не прибегая к услугам специалиста, снять или заменить. Она становится хоть и искусственной, но все же частью тела человека. Данная «вещь» не наследуется и не входит в наследственную массу, подлежит захоронению вместе с телом умершего, поэтому ее изъятие не образует состава хищения, однако действия виновного независимо от того, кем он является, в данном случае подлежат квалификации по ст. 244 УК РФ, как надругательство над телами умерших. При этом, по-нашему мнению, неважно, произошло это до захоронения или после.

А.М. Хужин и А.А. Шутова считают, что, если хищение имущества умершего совершается до момента захоронения, то указанные действия необходимо квалифицировать по ст. 158 УК РФ, а после захоронения – по ст. 244 УК РФ [3].

Факт того, что зубная коронка, отделённая от тела умершего, имеет материальную ценность (в зависимости от вида содержащегося в ней драгоценного металла, его количества), не оспаривается. Однако, по нашему мнению, в случае ее изъятия с трупа отношения собственности не будут являться объектом посягательства, поскольку в действия виновного при наличии корыстной цели, являющейся обязательным признаком состава хищения, в первую очередь направлены на осквернение трупа покойного путём нарушения его целостности. Труп не может являться субъектом права собственности или объектом правоотношений в сфере собственности с определенной стоимостью, а для квалификации деяния как хищения необходимо причинение материального ущерба собственнику.

Мы также разделяем мнение Р.А. Исмагилова, что изъятие с трупа вещей, не имеющих неразрывной связи с телом умершего, сопровождающееся умышленными действиями, направленными на повреждение тела умершего, например, отрубание пальцев с целью снятия имеющихся на трупе колец образует идеальную совокупность двух составов преступлений. В этом случае действия виновного должны квалифицироваться как по ст. 158 УК РФ, так и по ст. 244 УК РФ [4].

Таким образом, исходя из вида объекта, на который было совершено посягательство, зависит квалификация действий виновного, от которой, в свою очередь, зависит методика расследования преступления.

Учитывая, что наиболее часто на сегодняшний день совершаются тайные хищения имущества умерших еще до их захоронения, и они не связаны с повреждением трупов, рассмотрим некоторые особенности расследования преступлений, квалифицированных по ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Обычно круг лиц, имеющих доступ к телу умершего с момента его обнаружения и до момента захоронения, ограничен, невелико и количество мест, где тело покойного может пребывать до захоронения. Данные обстоятельства сразу ограничивают для лица, ведущего расследование, поиск предполагаемого места совершённого

хищения и предполагаемый субъектный состав: врачи, прибывшие на вызов для фиксации факта смерти; сотрудники полиции, прибывшие на место происшествия для проведения осмотра; работники специализированной организации, оказывающей услуги по перевозке тел умерших в морг или патологоанатомическое отделение медицинского учреждения на территории муниципального образования, сотрудники морга или медицинского учреждения; работники приёмного покоя и патологоанатомического отделения; работники организации, оказывающей ритуальные услуги. Именно эти лица имеют доступ к телу умершего с момента наступления смерти до момента захоронения.

При некриминальном характере наступления смерти типичной является ситуация, когда по вызову лиц, обнаруживших умершего, для фиксации факта смерти прибывает дежурный врач или бригада скорой медицинской помощи, участковый уполномоченный полиции для проведения осмотра места происшествия, а также представители специализированной организации, оказывающей услуги по перевозке тел умерших. Первоначально медицинские работники фиксируют факт смерти, затем участковый уполномоченный производит осмотр и выписывает направление тела умершего в морг (патологоанатомическое отделение), указывая в нём ценные вещи и деньги, имеющиеся на теле умершего и при теле, после чего без изъятия ценностей тело передаётся сотрудникам специализированной организации для транспортировки в морг (патологоанатомическое отделение). Сотрудники специализированной организации доставляют тело умершего в морг и на основании направления участкового уполномоченного передают его на хранение или для проведения патологоанатомического вскрытия, при этом санитар морга обязан снять с тела умершего все имеющиеся на нём ценные вещи и одежду, внести опись ценностей и имущества, находившегося на теле, в журнал поступления тел умерших, после чего сдать все ценности на хранение.

Именно на указанном этапе чаще всего и происходит хищение. Благодаря расхожему заблуждению, что вещи и ценности, находящиеся на теле умершего, никому не принадлежат, у лиц, имеющих доступ к телу, возникает умысел на их незаконное изъятие. Далеко не всегда лица, призванные обеспечить сохранность тела и вещей при нём, её гарантируют.

Рассмотрим типичную ситуацию совершения преступлений данной категории. В Свердловской области в одной из квартир был обнаружен труп пожилого мужчины. По причине длительного нахождения в квартире на теле имелись гнилостные изменения. Первоначальным осмотром была зафиксирована смерть предположительно от естественных причин, а также наличие на шее умершего цепи из металла жёлтого цвета с нательным крестом из металла жёлтого цвета, кольца из металла жёлтого цвета на безымянном пальце правой руки. Наличие на теле умершего ценных вещей было отражено прибывшим на место происшествия участковым уполномоченным в составленном им направлении тела в патологоанатомическое отделение для хранения и проведения судебно-медицинского вскрытия. Тело было доставлено в патологоанатомическое отделение местной больницы, где при приёме его на хранение санитар не смог снять ценные вещи и сделал в журнале приёма тел умерших запись об их наличии на теле, перечислив все ценности.

В дальнейшем при выдаче тела родственникам умершего было установлено, что ценности пропали и на хранении в патологоанатомическом отделении не находятся. При этом на шее и безымянном пальце правой руки трупа имеются следы воздействия инструмента.

В ходе разбирательства по факту утраты ценностей было установлено, что после поступления тела и сопроводительных документов в медицинскую организацию, неизвестным лицом в направлении, выписанное участковым, внесена путём закрашивания первоначального текста с помощью пасты-корректора иная запись в целях сокрытия факта наличия на теле ценных вещей. Все сотрудники медицинского учреждения, имевшие доступ к телу умершего с момента его доставления в медучреждение и до момента выдачи родственникам, дали объяснения о непричастности к факту хищения¹.

Расследование подобных преступлений и сбор доказательственной информации без применения специальных знаний весьма затруднены.

Почерковедческим исследованием было установлено, что надпись в направлении внесена одним из санитаров патологоанатомического отделения.

Исходя из описанной ситуации можно выделить категории специальных знаний, которые могут быть полезны для установления лица (лиц), совершившего преступление. Учитывая наличие документа с признаками изменения его первоначального содержания и внесения новых записей, не соответствующих действительности, необходимо привлечь к участию в расследовании специалиста в области почерка. Установить причастность лица к совершению данного преступления поможет проведение почерковедческой экспертизы, на разрешение которой могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Пригодна ли запись «...» в строке «...» для идентификации исполнителя?
2. Выполнена ли запись «...» в строке «...» лицом (лицами), образцы почерка которого представлены?

Чем тщательнее следователь подойдёт к вопросу изъятия и получения образцов для сравнительного исследования, тем выше вероятность получения результата экспертизы, пригодного для расследования. В распоряжение эксперта необходимо предоставить экспериментальные (отобранные для целей производства экспертизы), условно свободные (выполненные после возбуждения дела, но не связанные с назначением экспертизы) и свободные (выполненные до наступления события преступления) образцы почерка проверяемых лиц.

При отборе экспериментальных образцов необходимо учитывать тип листа/документа, на котором выполнена проверяемая запись в части наличия или отсутствия линовки, поскольку расположение текста на листе относительно имеющихся в нём строк или иных записей также является одним из признаков почерка. Кроме того, при подборе текста, который проверяемое лицо будет записывать, необходимо учитывать буквенный состав проверяемой записи. Следует подбирать слова, содержащие как можно больше совпадающих с проверяемой записью букв и буквосочетаний для проверки и определения экспертом устойчивых признаков начертания как отдельных букв, так их соединения между собой в тексте.

¹ Постановление Новоуральского городского суда Свердловской области № -112/2019 // Архив Новоуральского городского суда.

При отборе условно свободных и свободных образцов необходимо основываться на тех же критериях, что приведены для целей получения экспериментальных образцов. Учитывая, что в силу профессиональной деятельности медицинские работники и работники медучреждений заполняют большое количество документации, трудностей с получением данного типа образцов возникать не должно.

На вопрос о первоначальном содержании документа и способе его изменения позволит ответить проведение технико-криминалистической экспертизы документа, на разрешение которой следует поставить вопросы:

1. Имеются ли в представленном документе признаки изменения первоначального содержания?
2. Если да, то какие и каким способом внесены?

В рассматриваемом случае направление документа для проведения технико-криминалистической экспертизы целесообразно после проведения почерковедческой, поскольку рукописный текст, изменяющий первоначальное содержание, нанесён поверх слоя корректора, закрашивающего первоначальную запись. Либо назначить проведение комплексной экспертизы, сэкономив тем самым время и обеспечив комплексность исследования доказательства.

Далее, поскольку на теле умершего при осмотре были обнаружены следы воздействия постороннего предмета, использованного для удаления с тела ювелирных изделий, необходимо применение специальных познаний в области трасологии и судебной медицины. При проведении трасологического исследования представляется возможным установить инструментом какого вида могли быть причинены данные повреждения. Назначение же комплексной трасологической и судебно-медицинской экспертизы позволит отграничить повреждения, образовавшиеся в результате разложения трупа, от причинённых вследствие механического воздействия.

Учитывая техническое развитие современного общества, обоснованным будет предположить наличие средств видеонаблюдения, обеспечивающих фиксацию лиц. Материалы видеозаписей, полученные с помощью технических средств видеонаблюдения, зачастую позволяют установить фактические обстоятельства дела [5], поэтому имеют существенное значение в раскрытии, в том числе и имущественных преступлений. С помощью устройств видеонаблюдения, установленных в местах пребывания людей (в учреждениях) и на пути их следования, удастся установить условия, время, способ совершения деяния, последовательность действий участников событий, отдельные параметры их внешности и другие обстоятельства преступления.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. В зависимости от обстоятельств преступления хищение имущества с тел умерших можно квалифицировать по ст. ст. 158, 161 или 244 УК РФ.
2. Если похищенное имущество неразрывно связано с личностью умершего, не наследуется и не входит в наследственную массу, а подлежит захоронению вместе с телом умершего (например, зубные коронки, протезы, кардиостимуляторы), его изъятие не образует состава хищения, действия виновного, независимо от того, кем он является, подлежат квалификации по ст. 244 УК РФ, как надругательство над телами умерших.

3. Для эффективного сбора доказательственной информации по данной категории дел необходимо использование специальных знаний в различных областях науки (почерковедение, технико-криминалистическое исследование документов, габитоскопия, трасология, судебная медицина и др.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. – М.: Юрид. лит., 1984. Т. I: Законодательство Древней Руси. – 432 с.
2. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ постатейный). – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
3. Хужин А.М., Шутова А.А. О квалификации преступлений в отношении имущества умершего: уголовно-правовой и гражданско-правовой аспекты // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 182–186.
4. Исмагилов Р.А. Проблемы квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 6 (44), ч. 1. – С. 75–78.
5. Подволоцкий И.Н. Перспективы комплексного исследования портретных видеоизображений судебными экспертами // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12. – С. 166–174.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Russian legislation of the X–XX centuries: In nine volumes. – М.: Jurid. lit., 1984. T. I. Legislation of Ancient Russia. – S. 432.
2. Lopashenko N.A. Crimes in the economic sphere: Author's commentary on the criminal law (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) (article by article). – М.: Walters Clover, 2006. – 720 p.
3. Khuzhin A.M., Shutova A.A. On the qualification of crimes in relation to the property of the deceased: criminal law and civil law aspects // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 2 (46). – S. 182–186.
4. Ismagilov R.A. Problems of qualification of theft of property from the bodies of the deceased and their burial places. – Tambov: Literacy, 2014. – №. 6 (44), part 1. – P. 75–78.
5. Podvolotsky I.N. Prospects for a comprehensive study of portrait video by forensic experts // Actual problems of the Russian law. – 2018. – №. 12. – P. 166–174.

УДК 343.3.7

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10031

Кубанов Осман Сагитович
адъюнкт 3 факультета кафедры
организации деятельности органами
внутренних дел ЦКШУ
Академии управления
МВД России
E-mail: 6563044@mail.ru

Kubanov Osman Sagitovich
post graduate student 3 faculty
department of organization activities
of law enforcement agencies CKSHU
of the Academy of management
of the Interior Ministry of Russia
E-mail: 6563044@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ МВД РОССИИ ПРИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Введение: в статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы организационно-правового обеспечения подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России при предупреждении преступлений в сфере агропромышленного комплекса, в том числе возникающих в процессе межведомственного взаимодействия на управленческом уровне. Предложены некоторые концептуальные решения вопросов взаимодействия органов внутренних дел и государственных органов исполнительной власти, осуществляющих деятельность в сфере сельского хозяйства.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляет уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, а также государственные программы по обеспечению продовольственной безопасности и развития агропромышленного комплекса.

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод познания, способствующий системному и разноаспектному рассмотрению специфики совершения преступлений в сфере агропромышленного комплекса. Кроме того, в процессе исследования применялись методы описания, обобщения, сравнения.

Результаты исследования: организационно-правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел в условиях развития агропромышленного комплекса занимает основополагающую роль при предупреждении преступлений рассматриваемой категории и должно претерпевать изменения, отвечающие современным вызовам криминогенных структур.

Выводы и заключения: в целях повышения эффективности предупреждения преступлений, совершаемых в сфере агропромышленного комплекса и реализации

государственных программ по продовольственной безопасности и развития агропромышленного комплекса, необходимо более эффективно и целенаправленно совершенствовать организационно-правовые механизмы взаимодействия органов внутренних дел и государственных органов, осуществляющих свои полномочия в сфере сельского хозяйства.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, управление, взаимодействие, предупреждение преступлений, государственная программа развития агропромышленного комплекса, продовольственная безопасность.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PECULIARITIES OF THE ECONOMIC CRIME DEPARTMENT OF THE INTERNAL MINISTRY OF RUSSIA IN THE PREVENTION OF CRIMES IN THE AGRICULTURAL SECTOR

Introduction: the article discusses some problematic issues of organizational and legal support of economic security and anti-corruption units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the prevention of crimes in the agricultural sector, including those arising in the process of interagency cooperation, at the management level. Some conceptual solutions to the issues of interaction between the internal affairs bodies and state executive bodies that operate in the field of agriculture have been proposed.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is the criminal and criminal procedure legislation of the Russian Federation, as well as government programs to ensure food security and the development of the agro-industrial complex.

The methodological basis of the study was a general dialectical method of knowledge, which promotes a systematic and multi-faceted consideration of the specifics of crimes committed in the field of agro-industrial complex. In addition, in the process of research methods of description, generalization, comparison were used.

Results of the research: the organizational and legal support of the activities of the internal affairs bodies, in the conditions of the development of the agro-industrial complex, plays a fundamental role in preventing crimes of the category in question and must undergo changes that meet the contemporary challenges of criminal structures.

Conclusions and conclusions: in order to improve the prevention of crimes committed in the agricultural sector and the implementation of state programs on food security and the development of the agricultural sector, it is necessary to more effectively and purposefully improve the organizational and legal mechanisms of interaction between the internal affairs bodies and state bodies exercising their authority in the field of agriculture.

Key words: agro-industrial complex, agriculture, management, interaction, crime prevention, state program for the development of the agro-industrial complex, food security.

Агропромышленный комплекс (далее – АПК) является крупнейшим межотраслевым комплексом, объединяющим в себе несколько отраслей экономики, направленных на производство и переработку сельскохозяйственного сырья и получения из него продукции, доводимой до конечного потребителя. Являясь по своей сути крупнейшим рынком труда, АПК призвано обеспечить большую часть трудовых и экономических потребностей населения, соответственно вопросы организационно-правового регулирования в указанной сфере являются одними из основных направлений государственной политики. По мнению А.В. Тихоновой, во всем мире сельскохозяйственное производство активно поддерживается государствами с помощью различных инструментов. Эти вопросы в России после вступления ее во Всемирную торговую организацию приобрели особую актуальность. Поддержка аграриев рассматривается как один из основных факторов повышения конкурентоспособности территории. Это связано со следующими факторами:

- длительный период окупаемости инвестиций приводит к низкой инвестиционной привлекательности отрасли;
- влияние природных, климатических условий (большая часть территории Российской Федерации находится в зоне рискованного земледелия) приводит к большим рискам, связанным с окупаемостью капитала и получением прибыли;
- быстрый износ производственных фондов сельскохозяйственного назначения вследствие работы в неблагоприятных условиях (при работе с минеральными удобрениями и т.п.);
- процесс внедрения достижений научно-технического прогресса замедлен по сравнению с другими отраслями;
- неэластичность, медленное реагирование сельскохозяйственного производства на условия и требования рынка;
- диспаритет цен между стоимостью аграрной продукции и стоимостью ресурсов, необходимых для производства [8, с. 52–53].

Следует помнить, что понятие АПК неразрывно связано с такой отраслью экономики, как сельское хозяйство и сельскохозяйственное производство. Под сельским хозяйством традиционно принято понимать отрасль народного хозяйства по выращиванию культурных растений и разведению животных для получения продукции растениеводства и животноводства, а также первичную переработку этой продукции [4, с. 708]. В соответствии с федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» под сельскохозяйственным производством признается совокупность видов экономической деятельности по выращиванию, производству и переработке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, в том числе оказание услуг.

Основные направления деятельности в сфере сельского хозяйства в настоящий момент определены Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы¹ (далее – Программа). Она предусматривает комплексное развитие всех отраслей и подотраслей, а также сфер деятельности агропромышленного комплекса с уче-

¹ Об утверждении Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы: постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717.

том вступления России во Всемирную торговую организацию. Среди основных целей программы можно назвать:

- обеспечение продовольственной безопасности страны;
- повышение конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках;
- повышение финансовой устойчивости товаропроизводителей агропромышленного комплекса;
- устойчивое развитие сельских территорий;
- воспроизводство и повышение эффективности использования земельных и других ресурсов, а также экологизация производства.

Достижение запланированных целей будет осуществляться за счет применения следующих экономических инструментов:

- субсидии на проведение закупочных и товарных интервенций на рынках сельскохозяйственной продукции, а также залоговых операций;
- таможенно-тарифное регулирование с учетом конъюнктуры внутреннего и мирового рынков;
- совершенствование системы налогообложения в сельском хозяйстве;
- совершенствование экономических механизмов в рамках федерального закона «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» [8, с. 53].

При реализации условий Программы и ее отдельных подпрограмм, связанных с поддержкой и развитием молочного скотоводства, мясного скотоводства, тепличного овощеводства, садоводства и виноградарства, семеноводства, научно-технического обеспечения развития АПК, государством производятся значительные финансовые вливания в сферу АПК в виде субсидий, дотаций, грантов и т. д.

Как следствие вышесказанного, особое место занимает деятельность, направленная на декриминализацию АПК, которая нашла свое отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹.

В обозначенном ключе особого внимания заслуживает отрасль сельского хозяйства, уровень развитости которой во многом определяет состояние продовольственной безопасности государства, под которой в современной науке понимается уровень обеспеченности государства соответствующими ресурсами, потенциалом и гарантиями удовлетворять потребности населения в продуктах питания не ниже медицинских научно обоснованных норм. Преступления в сфере АПК, бесспорно, посягают на охраняемые уголовным правом правоотношения собственности и интересы государства, так как возникает угроза обеспечению продовольственной безопасности страны.

В этой связи актуальность представляют все научные разработки, так или иначе направленные на раскрытие и предупреждение преступлений в сфере АПК. Рассматривая указанную совокупность, необходимо отметить, что в криминалистической деятельности уже разработаны достаточно интересные с практической точки зрения положения и методики предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений в сфере

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

АПК, это работы таких ученых, как Ю.Н. Демидов [9], А.И. Долгова [1], В.И. Омигов [5], С.В. Пахомов [6], Ю.В. Смирнов [7]. Однако они не получили должной реализации с точки зрения совершенствования организационных и правовых механизмов, внедрения в практическую деятельность на управленческом уровне, в числе которых особое значение придавалось бы организации взаимодействия органов внутренних дел с государственными органами исполнительной власти в сфере сельского хозяйства (министерства и управления сельского хозяйства субъектов). Важность указанного межведомственного взаимодействия обусловлена эффективностью мер предупредительного характера, т. е. речь идет о предупреждении преступлений в сфере АПК.

Несмотря на ряд принимаемых мер по декриминализации сектора АПК, уровень его состояния трудно назвать удовлетворительным. Подтверждением процесса активной криминализации является количество преступлений экономической направленности, совершаемых в ключевых отраслях агропромышленного комплекса, а также суммы причиненного материального ущерба. За последние пять лет только в отрасли сельского хозяйства подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее – ЭБ и ПК) было выявлено свыше 35 тыс. преступлений, сумма причиненного ущерба составила около 30 млрд руб. Приходится констатировать тот факт, что значительное количество преступлений совершается путем нецелевого использования государственных средств, выделяемых для поддержки АПК.

В соответствии с Положением о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации¹ можно с уверенностью сказать, что к числу основных задач подразделений ЭБ и ПК территориальных органов МВД России на региональном уровне относится организация предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений экономической и коррупционной направленности, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших в сфере АПК (согласно должностной инструкции (регламента) сотрудника оперативного подразделения).

Противодействие экономическим преступлениям в сфере АПК является одним из приоритетных направлений служебной деятельности названных подразделений. Пожалуй, верным будет и то, что основная функция территориальных органов МВД России на региональном уровне, связанная с противодействием преступлениям в сфере АПК, возложена преимущественно на подразделения ЭБ и ПК, в связи с чем наиболее правильным, на наш взгляд, считается рассматривать проблематику декриминализации сектора АПК через призму оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБ и ПК.

В контексте предмета исследования данной статьи предлагаем рассмотреть деятельность подразделений ЭБ и ПК территориальных органов МВД России на региональном уровне, преимущественно связанную с предупреждением преступлений, совершаемых в сфере АПК, что является самым эффективным способом декриминализации рассматриваемой сферы. Не вызывает сомнения тот факт, что успешность принятия

¹ Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 16 марта 2015 г. № 340.

мер упреждающего характера во многом зависит от уровня межведомственного взаимодействия с государственными органами исполнительной власти, наделенных соответствующими полномочиями в сфере АПК, и в первую очередь с министерствами и управлениями сельского хозяйства субъектов Российской Федерации, так как они являются распорядителями средств государственной поддержки, выделенных на развитие АПК. Кроме того, министерства и управления сельского хозяйства субъектов заслуживают особого внимания еще и потому, что именно они в первую очередь подвергаются криминогенному воздействию со стороны сельскохозяйственных товаропроизводителей, вынашивающих преступные замыслы по хищению средств государственной поддержки (субсидий, дотаций, грантов) путем предоставления документов о своем финансово-хозяйственном положении, содержащих недостоверные сведения.

На наш взгляд, организация межведомственного взаимодействия с вышеуказанными органами государственной власти, непосредственно в момент определения получателей средств государственной поддержки, позволит наиболее эффективно предупредить преступления экономической и коррупционной направленности на стадии их планирования. Нельзя сказать, что межведомственное взаимодействие между органами внутренних дел и государственными органами исполнительной власти, наделенных соответствующими полномочиями в сфере сельского хозяйства, отсутствует полностью. Разумеется оно есть, и в отдельных субъектах Российской Федерации налажено на достаточно высоком уровне. Стоит отметить, что далеко не последнюю роль в успешном налаживании межведомственного взаимодействия играют личностные характеристики руководителей ведомств, их способность находить точки соприкосновения в управленческом подходе. Действенные организационные и правовые механизмы позволяют оперативно реагировать на преступные проявления [2; 3]. В качестве положительного примера межведомственного взаимодействия территориальных органов МВД России на региональном уровне и государственных органов исполнительной власти, наделенных соответствующими полномочиями в сфере сельского хозяйства, хотелось бы привести субъект Российской Федерации – Карачаево-Черкесскую Республику. Так, в июне 2018 г. проводилось заседание ведомственной комиссии из числа работников Министерства сельского хозяйства Карачаево-Черкесской Республики с целью определения получателей субсидий на развитие семейных животноводческих ферм. Общее количество сельскохозяйственных товаропроизводителей, подавших заявки на получение субсидии, составило 48 человек. Обязательным условием данной федеральной целевой программы являлось софинансирование, т. е. наличие на расчетном счету сельскохозяйственного товаропроизводителя денежных средств в размере не менее 50 % от заявленной к получению субсидии. В состав ведомственной комиссии по определению получателей субсидии в качестве представителя органов внутренних дел был включен сотрудник ЭБ и ПК, которому заблаговременно был предоставлен список лиц, подавших заявки на получение средств государственной поддержки в рамках федеральной целевой программы «Развитие семейных животноводческих ферм» в 2018 г. Оперативно-розыскными мероприятиями, связанными с наведением справок в банковских организациях, сотрудником ЭБ и ПК был определен круг сельскохозяйственных товаропроизводителей из 24 человек (50 % от общего числа), которые на момент заседания ведом-

ственной комиссии не соответствовали условиям, предъявляемым федеральной целевой программой, т. е. на их банковских счетах фактически отсутствовали денежные средства, которые были предусмотрены в качестве обязательного софинансирования, однако каждый из них предоставил на рассмотрение ведомственной комиссии выписку о движении денежных средств по принадлежащему им расчетному счету. Информация была доведена сотрудником ЭБ и ПК до председателя ведомственной комиссии, и лица, участвующие в возможном совершении мошеннических действий, были удалены из списка получателей средств государственной поддержки. В отношении указанных лиц были инициированы проверки на предмет наличия в их действиях преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Несомненно, подобные меры профилактического характера стали возможны благодаря тем специальным полномочиям, которыми наделены подразделения ЭБ и ПК при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Будет неправильным упрекнуть работников Министерства сельского хозяйства в том, что лица, вынашивающие преступные замыслы, все же попадают в списки получателей субсидий, так как в самом положении о Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации отсутствует обязательство работников министерства по активному контролю и проведению встречных проверок по предоставленным документам до выдачи государственных субсидий, а предусмотренная законом ответственность за недостоверность предоставленных сведений полностью возложена на сельскохозяйственного производителя, т. е. в министерствах и управлениях сельского хозяйства Российской Федерации отсутствуют действенные механизмы предупреждения необоснованной выдачи государственной поддержки, а последующее выявление, пресечение и раскрытие фактов хищения бюджетных средств возложено на органы внутренних дел. При этом не стоит забывать и о такой важной составляющей противодействия преступлениям в сфере АПК, как размер возмещенного ущерба, что, по нашему мнению, является главным показателем эффективности деятельности подразделений ЭБ и ПК. Как правило, похищенные деньги в очень короткие сроки используются на личные цели недобросовестного сельскохозяйственного производителя по его собственному усмотрению. Актуальна проблема установления имущественных прав обвиняемого с целью наложения ареста на его движимое и недвижимое имущество. Недостатки современного законодательства, весьма успешно позволяют преступникам скрывать свои доходы, а также движимое и недвижимое имущество.

Именно поэтому очень важным представляется предупреждение (профилактика) преступлений рассматриваемой категории. Значимость подобного подхода заключается в предотвращении необоснованной выдачи средств государственной поддержки, т. е. в действенном сохранении бюджетных средств и их эффективного использования.

На наш взгляд, значимость организации эффективного межведомственного взаимодействия обусловлена рядом следующих проблем, существующих в современном АПК.

1. Ввиду того, что в соответствии со Стратегией национальной безопасности и Посланием Президента Федеральному Собранию сектор агропромышленного комплекса является одним из приоритетных направлений деятельности государства, наблюдается активный рост отрасли, как следствие, и рост криминогенных проявлений. Существую-

щие организационные и правовые механизмы деятельности органов внутренних дел не успевают адекватно реагировать на развитие отрасли и существующие в ней криминальные системы.

2. Не отработан механизм взаимодействия органов внутренних дел с органами исполнительной власти в сфере сельского хозяйства с целью предупреждения преступлений, связанных с хищениями бюджетных средств, выделенных на развитие отрасли; преступлений в сфере кредитования сельскохозяйственной деятельности; преступлений в сфере реализации федеральных целевых программ.

3. Отсутствует стратегический механизм предупредительных мер; не отработана проблематика организационного характера в сфере профилактики преступлений, совершаемых в отраслях агропромышленного комплекса.

Важность межведомственного взаимодействия территориальных органов МВД России на региональном уровне в лице подразделений ЭБ и ПК и государственных органов исполнительной власти, наделенных полномочиями в сфере сельского хозяйства, в лице министерств и управлений сельского хозяйства заключается в том, что сочетание относительно открытого принципа деятельности одних с гласными и негласными разведывательными возможностями других, позволит предупреждать преступления в сфере АПК на стадии их подготовки. Как было сказано выше, нельзя сказать, что межведомственного взаимодействия нет вовсе, мы говорим о том, что оно не носит постоянного, систематического характера. На наш взгляд, только систематический подход к данной проблеме способен решить проблему нецелевого использования бюджетных средств. В современных условиях, когда жизненно необходимо наращивать темпы роста внутреннего валового продукта (ВВП) с целью обеспечения потребностей населения в продуктах питания, организации рынка труда и стабильного роста экономики, вопрос оптимизации и эффективного использования бюджетных средств приобретает статус первоочередной государственной заинтересованности, что подтверждается положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации и обращений Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации.

Несмотря на активное внедрение планового метода работы и многочисленных распоряжений о проведении совместных проверочных мероприятий, которые носят кратковременный характер, на сегодняшний день, на уровне федерального законодательства организационный и правовой механизм межведомственного взаимодействия территориальных органов МВД России на региональном уровне с государственными органами исполнительной власти, наделенными соответствующими полномочиями в сфере сельского хозяйства, не закреплен. Актуальным и правильным будет на законодательном уровне закрепить необходимость межведомственного сотрудничества и оперативного обмена информацией между указанными ведомствами. На наш взгляд, издание совместного приказа на высшем уровне позволило бы закрепить на долгосрочную перспективу основные векторы межведомственного взаимодействия, что в свою очередь благоприятно сказалось бы на деятельности подразделений ЭБ и ПК при предупреждении преступлений в сфере АПК.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с.
2. Можаяева И. П. Научно обоснованная система процессуальных, управленческих и криминалистических мер по повышению эффективности организационного обеспечения деятельности органов расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3 (43).
3. Можаяева И. П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития: монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 352 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка: 80 000 слов. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
5. Омигов В.И. Особенности выявления и раскрытия преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 19. – С. 75–78.
6. Пахомов С.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере агропромышленного комплекса и их криминалистическая классификация // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1 (88). – С. 32–42.
7. Смирнов Ю.В. Совершенствование механизма государственной поддержки АПК: на примере Республики Марий Эл: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Киров, 2004.
8. Тихонова А.В. Значение налоговых льгот и государственных субсидий для стимулирования агропромышленного комплекса России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 7 (241).
9. Уголовно-правовая охрана бюджетных средств: социально-бюджетная преступность: учебное пособие / Ю.Н. Демидов. – Домодедово. 2007. – 230 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Dolgova A.I. Crime, its organization and criminal society. – M.: Russian criminological association, 2003. – 572 p.
2. Mozhaeva I. P. A scientifically substantiated system of procedural, managerial and criminalistic measures to increase the effectiveness of organizational support for the activities of crime investigation bodies // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 3 (43).
3. Mozhaeva I. P. Forensic doctrine of the organization of crime investigation: formation and development prospects: monograph. – M.: Yurlitinform, 2018. – 352 p.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Dictionary of the Russian language: 80,000 words. 4th ed. – M.: LLC “A TEMP”, 2006. – 944 p.
5. Omigov V.I. Features of the identification and disclosure of crimes in the field of agriculture // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – No. 19. – S. 75–78.

6. Pakhomov S.V. The criminal law characteristics of crimes in the field of agriculture and their forensic classification // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 1 (88). – S. 32–42.

7. Smirnov Yu.V. Improving the mechanism of state support for the agricultural sector: the example of the Republic of Mari El: author. dis. ... can. econ. sciences. – Kirov. 2004.

8. Tikhonova A.V. The value of tax incentives and state subsidies to stimulate the agro-industrial complex of Russia // Financial analytics: problems and solutions. – 2015. – No. 7 (241).

9. Criminal legal protection of budget funds: social and budget crime: a training manual / Yu.N. Demidov. – Domodedovo, 2007. – 230 p.

УДК: 343.01

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10032

Николаев Константин Дмитриевич
заместитель начальника кафедры
уголовного права Омской академии
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: kkn83@mail.ru

Nikolaev Konstantin Dmitrievich
Deputy Head of the Department of Criminal Law
of the Omsk Academy of the Ministry of Internal
affairs of the Russian Federation
Candidate of Law Sciences, Associate Professor
E-mail: kkn83@mail.ru

О ПОНЯТИИ МЕТОДОЛОГИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Введение: в статье рассматриваются подходы к определению понятия «методология». Указывается значение выделяемых уровней методологии по вертикали и соответствующих элементов методологии по горизонтали для осуществления уголовно-правовых исследований. Методология уголовно-правовых исследований рассматривается как совокупность методов, приемов, принципов и правил, применение которых при использовании законов и форм мышления приводит к новым знаниям в области уголовного права.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное законодательство, иные нормативные акты, правовые акты, имеющие отношение к уголовному праву. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: уточнены отдельные положения, относящиеся к методологии уголовно-правовых исследований, проанализировано содержание уровней методологии по вертикали и соответствующих элементов методологии по горизонтали для осуществления уголовно-правовых исследований, выработано авторское понятие методологии уголовно-правовых исследований.

Выводы и заключения: проанализированы подходы к определению понятия «методология», что позволило сформулировать авторское понятие методологии уголовно-правовых исследований. Отмечается, что методология исследований в сфере уголовного права является базовой по отношению к исследованиям в областях других наук криминального блока

Ключевые слова: методология, метод, исследование, уголовное право, юридическая наука, новые знания.

ON THE CONCEPT OF CRIMINAL LAW RESEARCH METHODOLOGY

Introduction: the article discusses approaches to the definition of the concept of “methodology”. The value of the distinguished levels of the methodology vertically and the corresponding elements of the methodology horizontally for the implementation of criminal law research is indicated. The methodology of criminal law research is considered as a combination of methods, techniques, principles and rules, the application of which, when using laws and forms of proper thinking, leads to new knowledge in the field of criminal law.

Materials and methods: the normative basis of the research is constituted by the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation, other normative acts, legal acts related to criminal law. The methodological basis of the study was the general dialectic method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of comparison, analysis, generalization and description.

Results of the research: clarified certain provisions related to the methodology of criminal law research, analyzed the content of the levels of the methodology vertically and the corresponding elements of the methodology horizontally for criminal law research, developed the author's concept of the methodology of criminal law research.

Summary and conclusions: the approaches to the definition of the concept of “methodology” are analyzed, which allowed us to formulate the author's concept of the methodology of criminal law research. It is noted that the research methodology in the field of criminal law is basic in relation to research in other areas of the criminal unit.

Key words: methodology, method, research, criminal law, legal science, new knowledge.

Для любого научного исследования наиболее важным, ключевым аспектом является методология, на основе которой это исследование осуществляется. С учетом многоаспектности и сложности данной темы остановимся лишь на некоторых, наиболее важных, с нашей точки зрения, общих моментах. Как справедливо отмечал А.Н. Аверьянов: «Анализ методологических проблем системного познания и преобразования мира нельзя вести достаточно эффективно, не определив четко сущность основных понятий данной области познания. Более того, именно определение понятий, выявление их содержания, роли, места среди других категорий и составляет главную часть формирования той или иной методологии» [1, с. 11]. Поэтому изначально следует обратиться к содержанию соответствующих понятий. Вообще «метод, способ подхода к явлениям окружающей действительности; приемы исследования...» [2, с. 377], «способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь» [3, с. 309], «способ получения информации (снятие неопределенности) об объекте исследования» [4, с. 21] – это справедливо относительно метода юридической науки, под которым понимается «совокупность приемов, принципов и правил, с помощью которых постигается предмет, получаются новые знания» [5, с. 79]. Необходи-

димо отметить, что «логос, философский термин, впервые встречающийся у Гераклита Эфесского, который обозначал им всеобщую закономерность мира», отсюда – «логика – наука о законах и формах правильного мышления» [2, с. 277], которая зародилась еще в античности и уже тогда являлась наукой, изучающей и разрабатывающей правила осуществления основных мыслительных процессов. Методология же определяется как «1. Учение о научном методе познания... 2. Совокупность методов, применяемых в отдельных науках» [3, с. 309]. Следовательно, если трактовать буквально, то методология – это совокупность методов, приемов, принципов и правил, применение которых при использовании законов и форм правильного мышления приводит к новым знаниям.

Вообще «методология (от метод и ...логия), учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности» [6, с. 164]. Следует отметить, что выделяются следующие уровни методологии по вертикали: философский, общенаучный и конкретно-научный. Философский уровень методологии включает основные всеобъемлющие (всеобщие) принципы, законы, общие понятия и методы. Общенаучный уровень характеризуется определенными общими принципами, законами, понятиями и методами, позволяющими достичь наибольшего эффекта при проведении исследований в разных областях знания. Конкретно-научный уровень включает набор принципов, законов, понятий и методов, позволяющих добиться максимального результата в ходе исследования в какой-то определенной сфере. Исходя из этого «методология определяется как философское учение о методах познания и преобразования действительности, о применении принципов мировоззрения к процессу познания, к духовному творчеству вообще и к практике... Методологию иногда понимают также как определенную систему методов, которые применяются в процессе познания в рамках той или иной науки» [7, с. 12].

Учитывая изложенное, «методологией можно назвать набор положений, принципов, исследовательских приемов» [4, с. 26]. Ученые отмечают, что «таким образом, можно выделить двойственность методологии: учение о методах, и сама совокупность методов познания той или иной предметной области» [7, с. 12]. Исследователь, работающий в определенной области знаний, в процессе изучения того или иного явления, несомненно, опирается на конкретно-научную методологию, отражающую совокупность закономерностей, принципов, понятий, приемов и методов, характеризующих изучение объекта и предмета исследования.

А.Н. Аверьянов обоснованно отмечал: «В ряду исследований в области методологии особое место занимает системный подход и в целом “системное движение”... Само “системное движение”... дифференцировалось, разделялось на различные направления. Основными из них являются: общая теория систем; системный подход; системный анализ; философское осмысление системности мира» [1, с. 6]. В то же время саму методологию можно рассматривать как систему. Так, «горизонтальная структура методологии как системы включает, с одной стороны, понятийно оформленные объективные законы, тенденции развития материи и, с другой стороны, субъективные качества познающего и преобразующего человека. Эти две стороны единого процесса познания взаимосвязаны... от их взаимодействия зависит общественная

полезность конечных результатов деятельности личности» [1, с. 16]. Таким образом, «во-первых, методология как наука представляет собой систему объективных законов, осознанных и понятых человеком, систему определенных способов познания и одновременно систему качеств исследователя, определяющих и направление, и цель, и характер исследования. Во-вторых, отдельные принципы методологии высшего уровня могут в своей конкретизации применительно к определенной области познания принимать форму общенаучных и конкретно-научных методов, не меняясь в своей сущности ...такое значение принимает философский принцип системности, используемый для конкретно-целевого анализа различных систем» [1, с. 26]. С этих позиций важно определить содержание понятия «методология», применительно к уголовно-правовым исследованиям, ведь «формирование развитой системы категорий и понятий представляет собой важнейшую задачу и предназначение науки, константу ее бытия» [8, с. 47].

Говоря о понятии методологии уголовно-правовых исследований, следует учитывать, что «уголовное право РФ является одной из профилирующих отраслей в национальной системе права. Данная отрасль права как профилирующая (фундаментальная) регулирует такие виды общественных отношений, которые по своему глубинному содержанию требуют качественного своеобразного, исходного по специфике правового регулирования; она юридически первична, т.е. содержит исходный правовой материал, который затем так или иначе используется при формировании правовых режимов других отраслей и вследствие этого выступает в качестве заглавной части отраслей уголовно-правового цикла» [9, с. 91]. А.А. Нечепуренко справедливо отмечает, что «именно на основе науки уголовного права происходит накопление знаний о базовых явлениях уголовно-правовой реальности посредством формализации их признаков в одноименных категориях» [8, с. 48].

Учитывая изложенное, методология уголовно-правовых исследований – это совокупность методов, приемов, принципов и правил, применение которых при использовании законов и форм правильного мышления приводит к новым знаниям в области уголовного права.

С методологической точки зрения уголовно-правовые исследования (впрочем, как и исследования в других областях) должны базироваться на определении основных понятий (включая их сущность и содержание), их соотношении с другими категориями, а также методе юридической науки, как совокупности способов, приемов и правил, с помощью которых получается информация и новые знания об объекте исследования.

При проведении уголовно-правовых исследований в большинстве случаев фигурирует конкретно-научный уровень методологии. Задействование же других уровней методологии, выделяемых по вертикали (философского и общенаучного), очень важно при проведении теоретических исследований высокого уровня. Например, философский принцип системности может использоваться при исследовании системы уголовного права (уголовного права как системы).

Горизонтальная структура методологии уголовно-правовых исследований включает понятийно оформленные объективные законы, тенденции развития объекта

познания и качества ученого, осуществляющего исследование в области уголовного права, как субъекта познания. Чем выше уровень исследователя, тем качественнее его научная деятельность.

В завершение отметим, что Н.И. Панов обоснованно относит ряд отраслевых наук к фундаментальным по отношению к другим наукам блока (конституционное право для наук государственного блока, гражданское право – для гражданско-правового блока, уголовное право – для криминального блока) [10, с. 22–28]. Соответственно, методология исследований в сфере уголовного права будет являться базовой по отношению к исследованиям в областях других наук криминального блока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аверьянов А.Н. Системное познание мира: методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
2. Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 2: К–Праща. – М.: Большая советская энциклопедия, 1954. – 720 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1984. – 816 с.
4. Герасимов Б.И., Дробышева В.В., Злобина Н.В. [и др.]. Основы научных исследований. – М.: Форум: ИНФА-М, 2015. – 272 с.
5. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.В. Малько. – М.: Проспект, 2017. – 1136 с.
6. Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 16: Мезия–Моршанск. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – 615 с.
7. Косьмин А.Д., Метелев Е.А., Косьмина Е.А. Теория и методология познания. – М.: Экономика, 2006. – 480 с.
8. Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: опыт комплексного исследования. – Омск: Омская академия МВД России, 2008. – 284 с.
9. Денисова А.В. Системность российского уголовного права: проблемы философской и юридической интерпретации. – Самара: Самар. университет, 2014. – 160 с.
10. Панов Н.И. Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки // Правоведение. – 2006. – № 4. – С. 22–28.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Averyanov A.N. Systemic knowledge of the world: methodological problems. – M.: Politizdat, 1985. – 263 p.
2. Encyclopedic Dictionary: in 3 vols. T. 2: K–Prascha. – M.: Great Soviet Encyclopedia, 1954. – 720 p.
3. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: approx. 57,000 words / ed. N.Yu. Swedovoi. – M.: Rus. lang., 1984. – 816 p.
4. Gerasimov B.I., Drobysheva V.V., Zlobina N.V., Nizhegorodov E.V., Terekhova G.I. Fundamentals of scientific research. – M.: FORUM: INFA-M, 2015. – 272 p.
5. Legal encyclopedic dictionary / ed. A.V. Malko. – M.: Prospect, 2017. – 1136 p.

6. The Great Soviet Encyclopedia: in 30 vol. V. 16: Mezia–Morshansk. – M.: Soviet Encyclopedia, 1974. – 615 p.

7. Kosmin A.D., Metelev EA, Kosmina EA Theory and methodology of knowledge. – M.: CJSC "Publishing House "Economics", 2006. – 480 p.

8. Nechepurenko A.A. Testing in the criminal law of the Russian Federation: the experience of a comprehensive research. – Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. – 284 p.

9. Denisova A.V. Consistency of Russian criminal law: problems of philosophical and legal interpretation. – Samara: Publishing house "Samara University", 2014. – 160 p.

10. Panov N.I. Methodological aspects of the formation of the conceptual apparatus of legal science // Jurisprudence. – 2006. – № 4. – P. 22–28.

УДК: 343.912

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10033

Пархоменко Дмитрий Александрович
доцент кафедры уголовного права и
криминологии Иркутского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: parkhomenkoda@mail.ru

Parkhomenko Dmitry Aleksandrovich
associate Professor of the Department of
Criminal Law and Criminology of the Ir-
kutsk Law Institute (branch) of the all-
Russian state University of justice (RPA of
the Ministry of justice of Russia)
PhD, associate Professor
E-mail: parkhomenkoda@mail.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ВПЕРВЫЕ СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КАК НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Введение: с признанием лица, совершившего преступление, центральной фигурой уголовного права обращается внимание на недооценку данного обстоятельства при дифференциации уголовной ответственности, что, в свою очередь, производно от игнорирования таких лиц при определении основных направлений уголовно-правовой политики и ее целей. Формулируется ряд предложений по персонификации уголовно-правовой политики в этом направлении.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует уголовное законодательство, регламентирующее основания освобождения от уголовной ответственности, а также формулирующее основные положения, связанные с условиями освобождения от уголовной ответственности. Методологической основой исследования служит общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к характеристике основания и условий освобождения от уголовной ответственности, раскрыть их содержание и сделать выводы, касающиеся оптимизации уголовного законодательства в части регламентации освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, и реализации уголовной политики в данном направлении.

Выводы и заключения: тенденции формирования основных направлений уголовной политики в рассмотренной области позволяют сделать вывод о необходимости повышения эффективности уголовно-правовых норм, обеспечивающих дифференциацию уголовной ответственности лиц, впервые преступивших черту уголовного закона с лицами, совершившими преступление повторно.

Ключевые слова: уголовная и уголовно-правовая политика, дифференциация уголовной ответственности, кратность преступлений, лица, совершившие преступления, лица, впервые совершившие преступления.

DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY OF PERSONS WHO COMMITTED A CRIME FOR THE FIRST TIME AS A FOCAL POINT OF A CRIMINAL LAW POLICY

Introduction: With the recognition of the person who committed the crime, the central figure of criminal law the attention is paid to the underestimation of this circumstance in the differentiation of criminal liability, which, in turn, is derived from ignoring such persons in determining the focal point of criminal law policy and determining its goals. A number of proposals for the personification of the criminal law policy in this direction are mentioned.

Materials and Methods: criminal legislation that regulates the legal basis of the grounds for exemption from criminal liability and that formulates the main provisions of conditions of exemption from criminal liability is a normative framework of the research. The methodological basis of the research is the General dialectical method of scientific knowledge that is universal. Methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description are used.

Results: allowed clarifying certain provisions relating to the characteristics of the grounds and conditions of exemption from criminal liability and to reveal their content and draw conclusions concerning the optimization of criminal legislation in terms of regulation of exemption from criminal liability of persons who have committed a crime for the first time and criminal law enforcement.

Summary and Conclusion: the analyzed tendencies of formation of the focal point of criminal policy in the considered area allow to draw a conclusion about the necessity of the increase of efficiency of criminal law norms in case of regulating the differentiation of criminal liability of the persons who transgressed line of the criminal law for the first time with the persons who committed a crime repeatedly.

Key words: criminal and criminal law policy, differentiation of criminal liability, multiplicity of crimes, persons who committed crimes, persons who committed crimes for the first time.

Оценивая современное состояние исследований, посвященных уголовной или уголовно-правовой политике, невольно обращает на себя внимание отсутствие среди них работ, предметом которых выступали бы лица, совершившие преступление, безотносительно видовой характеристики последних. Случайно ли это? Представляется, что нет, поскольку ни в одном из попавших в поле нашего зрения определений понятия уголовной или уголовно-правовой политики мы не увидели даже упоминаний о лицах, совершивших преступление, т. е. о лицах, из-за которых такая политика и существует и охране от преступных посягательств которых она посвящена. В этой связи уместно вспомнить вопрос, которым в свое время задавался Н.С. Таганцев: «что» или «кто» выступает «объектом карательного права» – преступное деяние или лицо, его совершившее? [19, с. 79]. Сам же автор давал ответ на этот вопрос: преступное деяние выступает основанием возникновения и осуществления карательной власти; только при доказанности учиненного данным лицом преступного деяния оно может быть признано уголовно виновным и подлежащим наказанию [19, с. 79]. Вместе с тем было бы теоретически неверно и практически крайне вредно считать объектом карательного воздействия только преступное деяние, забывая лицо, его учинившее. В том случае, когда мы рассматриваем преступление как продукт деятельности дееспособного субъекта, проявившего в нем свою вину, можно говорить о том, что «объектом карательного воздействия государства является лицо, учинившее законом деяние, признанное виновным в нем и отвечающее не только по поводу этого деяния, но и за это деяние» [19, с. 79–81]. Такое определение объекта карательного воздействия предполагает, говоря современным языком, в типологии личности преступника на первое место ставить их классификацию с выделением преступников по привычке и преступников случайных, что обуславливает неодинаковую ответственность и различия в уголовной наказуемости деяний, ими совершенных [19, с. 81]. На наш взгляд, это исчерпывающий ответ, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме. Его можно лишь уточнить применительно к воздействию, основанному на уголовном законе: последний в нормах своей Особенной части призван реагировать на любое общественно опасное и виновно совершенное деяние, как правило, безотносительно того, кто является его субъектом и в который раз в жизни этого субъекта такое имеет место быть. В этом плане ни о каком уголовно-правовом воздействии говорить не приходится, если не считать таковым сам факт криминализации того или иного вида деяния. Уголовно-правовое воздействие в рассматриваемом контексте начинается там и тогда, где и когда возникает вопрос об ответственности за содеянное, в этом случае без субъекта ответственности – теперь уже и субъекта преступления – не обойтись.

Лицо, совершившее преступление, является центральной фигурой в уголовном праве. Несмотря на то, что это лишь одна из сторон отношения, образующего предмет уголовно-правового регулирования, появление и наличие, формы и методы деятельности второй стороны – государства в лице компетентных органов – здесь напрямую обусловлены и зависят от роли первой. Можно утверждать, что благодаря именно ли-

цам, совершившим преступления, и в целях уголовно-правового воздействия на них собственно и существует уголовное право.

Отличительной чертой УК РФ 1996 г. выступает дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категории совершенного преступления. На основе и в рамках предусмотренной в ст.15 УК РФ категоризации преступлений происходит последующая дифференциация уголовной ответственности, в том числе с учетом личности субъекта преступления определенной категории.

Вместе с тем в отечественном уголовном законодательстве дифференциация уголовной ответственности традиционно осуществляется не только в зависимости от того, *что* совершено, но и с учетом того, *кто* совершил. Характеристика лица, совершившего преступление, складывается из ряда признаков, отраженных в уголовном законе, и в этой связи уголовная ответственность дифференцируется (подразделяется, различается) по различным основаниям: в зависимости от возраста, пола, гражданства, служебного, должностного положения, правового статуса и т.п. Практически во всех нормативных актах уголовно-правового характера отечественный законодатель предпринимает попытки дифференцировать уголовную ответственность и в зависимости от того, сколько раз в жизни лицо, способное нести уголовную ответственность (ст. 19 УК РФ), совершило преступление: один раз (однократно) или более одного раза (неоднократно). Именно в этом значении принято говорить о кратности преступлений [10, с. 946; 4, с. 173] и оно, на наш взгляд, не равнозначно понятию множественности преступлений, которая, по мнению Э.Г. Шкредовой, «является одним из условий дифференциации уголовной ответственности посредством освобождения от нее» [21, с. 66]. Множественность преступлений в предусмотренных в УК РФ формах ее выражения (совокупность и рецидив) – это одно из проявлений кратности преступлений, наряду с однократным преступлением. Поэтому, во-первых, не множественность, а кратность преступлений должна выступать основанием дифференциации уголовной ответственности; во-вторых, множественность преступлений, а точнее ее формы и разновидности могут выступать основанием дифференциации уголовной ответственности «внутри» самой множественности, и только на этом уровне дифференциации освобождение от уголовной ответственности при наличии множественности можно считать одним из средств такой дифференциации.

О дифференциации уголовной ответственности в сфере множественности преступлений пишут Л.Л. Кругликов и А.В. Васильевский. При этом авторы исходят из презумпции, что лицо, совершившее несколько преступлений, представляет повышенную общественную опасность в сравнении с совершившим одно преступление, повышается и суммарно причиненный им вред [12, с. 91]. Вполне уместна здесь ссылка и на работу А.И. Долговой, в которой верно замечается, что «вероятность повторных преступлений во многом зависит от реагирования на первое преступление» [10, с. 746]. Однако не так бесспорно продолжение этой мысли А.И. Долговой, соответственно, и безоговорочное цитирование ее Л.Л. Кругликовым и А.В. Васильевским: «оценка лица, совершившего несколько преступлений, зависит от того, подвергалось ли оно мерам уголовно-правового воздействия» [12, с. 91]. Во-первых, оценка

лица, совершившего несколько преступлений, должна отличаться, прежде всего, от оценки лица, совершившего одно преступление. Наверное, при прочих равных условиях результаты таких оценок должны быть различны. Во-вторых, не совсем ясно, какое значение в рассматриваемом суждении придается лишь факту, а не результату уголовно-правового воздействия. Наконец, возникает вопрос о том, какая цель преследуется такой дифференциацией уголовной ответственности? Если, как пишут авторы, «создать для правоприменителя желаемый режим при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное преступление» [12, с. 62] – это одна ситуация, в которой во главу ставится правоприменитель. Если же такой режим создается для правоприменителя в целях более оптимальной и справедливой оценки содеянного, в котором внимание фокусируется на лице, совершившем преступление, – это несколько иная и принципиально другая с точки зрения предупреждения новых преступлений ситуация.

Так или иначе, но и в рассмотренной позиции Л.Л. Кругликова и А.В. Васильевского факт совершения одного преступления упоминается для того, чтобы оттенить факт совершения нескольких преступлений, а о факте совершения преступления впервые не упоминается вообще.

Говоря о совершении преступления впервые через призму кратности преступлений, мы противопоставляем такое преступление (однократное) именно неоднократно преступлений. Обращаем внимание на это обстоятельство потому, что отечественное уголовное законодательство различных периодов по-разному регламентирует однократность и особенно неоднократно преступлений применительно к одному и тому же лицу. До настоящего времени в теории уголовного права нет единства мнений о соотношении таких понятий, как неоднократно, повторность, совокупность и рецидив [22; 7; 15; 9, с.12; 3, с. 8]. На наш взгляд, первое из них является наиболее общим при характеристике множественности преступлений, то есть при совершении одним лицом не одного, а нескольких юридически самостоятельных преступлений при наличии возможности уголовного преследования как минимум по двум из них. В этой связи заслуживает поддержки идея Т.В. Серковой о том, чтобы институт множественности преступлений именовать «институтом неоднократно преступного поведения». Резонно замечание автора и о том, что совершение одним лицом двух преступных деяний вряд ли образует множественность преступлений [17, с. 10].

Таким образом, развивая изложенное выше положение Н.С. Таганцева, можно говорить о том, что, во-первых, именно лицо, совершившее преступление, а не само преступление выступает объектом карательного воздействия, основанного на уголовном законе. И такого рода «примат деятеля над деянием» [8, с. 35] представляется вполне закономерным. Во-вторых, лицо, совершившее преступление, – объект не просто карательного, но избирательно карательного воздействия, особенно, если речь идет о факте совершения таким лицом преступления впервые и недопущения совершения им новых преступлений. Отмеченное обстоятельство дает, на наш взгляд, основание говорить и об уголовно-правовой политике в отношении лиц, впервые совершивших преступление, т. е. рассматривать таких лиц в качестве объекта уголовно-правовой по-

литики, что не совсем согласуется с традиционной постановкой этого вопроса в криминологии, для которой объект уголовной и уголовно-правовой политики в том числе – это преступность и ее виды. Между тем рассмотрение лиц, совершивших преступления впервые, в качестве объекта уголовно-правовой политики согласуется с отношением «субъект – объект», рассматриваемым в качестве исходного в социальной политике, где объект – это то, на что направлена такая политика [16, с. 26; 18, с. 115].

Дифференциация и последующая индивидуализация уголовной ответственности как принципиальное направление уголовно-правовой политики [13, с. 79], как метод ее осуществления, по справедливому замечанию Н.А. Лопашенко, заключается в максимальном учете при привлечении к уголовной ответственности квалификации преступлений и назначении наказания степени и характера совершенного лицом преступления, обстоятельств его совершения и некоторых личных характеристик виновного [14, с. 313]. Уточним: во-первых, очевидно, что параметры такого учета должны быть закреплены в уголовном законе и, во-вторых, учет не должен ограничиваться лишь стадией назначения наказания, его некоторые личностные параметры должны влиять и на стадию исполнения наказания или иной меры уголовно-правового характера.

Тем не менее среди оснований дифференциации уголовно-правовой политики крайне редко называется лицо, совершившее преступление (или личность преступника), и практически игнорируется лицо, совершившее преступление в первый раз. Это имеет место даже в тех исследованиях, где предметом внимания выступает такой объект уголовно-правовой политики, как рецидивная преступность [5; 23; 2]. Аналогичный подход мы обнаруживаем в большинстве работ Л.Л. Кругликова, как одного из самых авторитетных специалистов в вопросах дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания в уголовном праве. В этой связи в одной из последних из них автор пишет: «Дифференциация ответственности лиц, преступивших уголовный закон, представляет собой одно из генеральных направлений уголовно-правовой политики любого цивилизованного общества в сфере борьбы с преступностью» [11, с. 3]. Однако и в таком общем ракурсе внимание автора на лицо, совершившее преступление, долго не задерживается. Рассматривая типовую характеристику личности виновного как основание дифференциации ответственности и наказания в уголовном праве, Л.Л. Кругликов по сути лишь однажды, да и то в общей форме, прямо сказал об уголовно-правовом значении данного обстоятельства [11, с. 32], уделяя традиционно основное внимание характеристике таких обстоятельств, как повторение, рецидив, судимость и т.п. В этой связи уместно поставить вопрос: а нужна ли вообще особая уголовно-правовая политика в отношении лиц, впервые совершивших преступление. А если нужна, то существует ли она реально?

Поставленные вопросы являются риторическими хотя бы потому, что российское уголовное законодательство, особенно современное широко оперирует этим понятием. Достаточно четко просматривается и цель уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление (т. е. того конечного результата, на достижение которого политика направлена), – *предупреждение совершения новых преступлений такими лицами*. Постановка цели и конкретные шаги к ней не просто

согласуются с решением задач уголовного законодательства Российской Федерации (ч. 1 ст. 2 УК РФ), но и определяют наиболее оптимальный режим их решения. Цель может быть конкретизирована в рамках действия отдельных институтов уголовного права, прежде всего института наказания. В ч. 2 ст. 43 УК РФ идет речь об общем и специальном предупреждении преступлений. При существующем скептическом отношении к самой идее закрепления целей уголовного наказания в уголовном законе, при всеми осознаваемой нереальности достижения этих целей в правоприменении, особенно в части специального предупреждения, почему бы одну из них не скорректировать и тем самым не актуализировать в отношении лиц, впервые совершивших преступление: *приоритетной целью уголовного наказания считать предупреждение совершения нового преступления лицом, совершившим преступление в первый раз в жизни*. С легальным определением такой цели наказания в данных официальной статистики преступности и судимости вполне реально отразить и результаты ее достижения, естественно, при наличии такой заинтересованности со стороны уполномоченных субъектов уголовной и уголовно-правовой политики. Говоря словами русского правоведа, профессора Н.А. Неклюдова, это будет той государственной мудростью, основанной на уголовной статистике, против которой бессильна всякая статистика [1, с. 30].

Заметим, что наши суждения о необходимости усовершенствования уголовно-правовой политики в отношении лиц, впервые совершивших преступление, не являются оригинальными. Говоря о необходимости понижения уровня репрессивности действующего уголовного законодательства, авторы известной «Уголовной политики 2017» называют одним из двух способов такого понижения «последовательное проведение принципа максимального благоприятствования лицу, впервые совершившему преступление, и сохранение жесткой карательной политики в отношении рецидива преступлений или сознательного игнорирования гуманизма государства в отношении совершенного преступления» [20, с. 33–34].

Как отмечает И.М. Клейменов, «...в классической школе криминологии уголовная политика представляет собой рациональное использование наказания» [6, с. 261]. Добавим: хорошая уголовная политика – это рациональное использование уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, не допускающее отторжения преступника от общества. Нужно бороться за тех, кто совершил преступление в первый раз и быть безжалостными к тем, для кого это стало нормальным явлением, а потому «неизлечимым».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бажанов С.В. Уголовно-процессуальная политика, экономика и право. – Владимир, 2003. – 363 с.
2. Волков В.Б. Предупреждение рецидивной преступности в исправительных учреждениях: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – 177 с.
3. Галиакбаров Р.Р., Фролов Е.А. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права: учебное пособие. – Свердловск, 1967. – 20 с.
4. Иншаков С.М. Криминология: учебник. – М., 2000. – 432 с.

5. Карпушина М.В. Рецидивная преступность женщин, освободившихся из мест лишения свободы, и ее предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2013. – 222 с.
6. Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2015. – 486 с.
7. Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. – СПб., 2011. – 915 с.
8. Красиков Ю.А. Доктрина русского уголовного права: истоки и тенденции развития // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. – С. 34–36.
9. Криволапов Г.Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву: учебное пособие. – М., 1974. – 32 с.
10. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. – М., 2010. – 1008 с.
11. Кругликов Л.Л. Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном праве: учебно-методическое пособие. – Ярославль, 2016. – С. 8–13.
12. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
13. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 1998. – 296 с.
14. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 339 с.
15. Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 173 с.
16. Осадчая Г.И. Социальная политика, социальное управление и управление социальной сферой. – М., 2004. – 334 с.
17. Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2016. – 223 с.
18. Социальная работа: теория и практика / отв. ред. Е.И. Холостова, А.С. Сорвина. – М., 2007. – 427 с.
19. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: В 2 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1994. – 393 с.
20. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г.А. Есаков, Р.А. Долотов, М.А. Филатова [и др.]. – М., 2017.
21. Шкредова Э.Г. Влияние института множественности преступлений на освобождение от уголовной ответственности по законодательству стран СНГ // Современное право. – 2006. – № 2. – С. 65–70.
22. Шкредова Э.Г. Множественность преступлений (исторический аспект). – М., 2011. – 184 с.
23. Щербаков С.В. Рецидивная преступность: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 169 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bazhanov S. V. Criminal procedure policy, Economics and law. –Vladimir, 2003. – 363 P.

2. Volkov V. B. Prevention of recidivism in correctional institutions: Dis. kand. the faculty of law.sciences'. – Kazan, 2004. – 177 p.
3. Galiakbarov R. R., Frolov E. A. Plurality of criminal acts as an institution of Soviet criminal law. Textbook. – Sverdlovsk, 1967. – 20 P.
4. Inshakov S. M. Criminology: textbook. – M., 2000. – 432 P.
5. Karpushina M. V. Recidivism of women released from prison, and its prevention: Dis. kand.the faculty of law.sciences'. – Ryazan, 2013. – 222 p.
6. Kleymenov I. M. Comparative criminology: criminalization, crime, criminal policy in the context of globalization: Dis. ...doctor the faculty of law. sciences'. – Omsk, 2015. – 486 P.
7. Kozlov A. P., Sevastyanov A. P. Single and multiple crimes. – SPb., 2011. – 915 p.
8. Krasikov Yu. A. the doctrine of the Russian criminal law: origins and trends // Modern trends in criminal policy and criminal law. – M., 1994. – P. 34–36.
9. Krivolapov G. G. Multiplicity of crimes under Soviet criminal law: textbook. – M., 1974. – 32 P.
10. Criminology: the textbook / Under the editorship of A. I. Debt. – M., 2010. – 1008 P.
11. Kruglikov L. L. Differentiation and individualization of responsibility in criminal law: educational and methodical manual. – Yaroslavl, 2016. P. 8–13.
12. Kruglikov L. L., Vasilevsky A.V. Differentiation of responsibility in criminal law. – SPb., 2002. – 300 P.
13. Lesniewski-Kostareva T. A. Differentiation of criminal liability. Theory and legislative practice. – M., 2000. – 296 P.
14. Lopashenko N. A. Fundamentals of criminal law impact: criminal law, criminal legislation, criminal law policy. – SPb., 2004. – 339 P.
15. Malkov V. P. Multiplicity of crimes and its forms under Soviet criminal law. – Kazan, 1982. – 173 P.
16. Osadchaya G. I. Social policy, social management and management of the social sphere. – M., 2004. – 334 P.
17. Serkova T. V. Repeated criminal behavior: theoretical and applied research: Dis. kand.the faculty of law.sciences'. - Nizhny Novgorod, 2016. – 223 P.
18. Social work: theory and practice / Resp. ed. by E. I. Kholostova, A. S. Sorvina. – M., 2007. – 427 P.
19. Tagantsev N. S. Russian criminal law. Lectures. Part of the overall. - In 2 vols. – M., 1994. – 393 P.
20. Criminal policy: road map (2017-2025) / G. A. Esakov, R. A. Dolotov, M. A. Filatova, M. A. redchits, P. p. Stepanov, K. A. Tsai. – M., 2017.
21. Shkredov E. G. Influence of Institute of plurality of crimes exemption from criminal responsibility according to the legislation of the CIS countries // Modern law. – 2006. – № 2. – P. 65–70.
22. Shkredov E. G. the Multiplicity of crimes (the historical aspect). – M., 2011. – 184 p.
23. Shcherbakov S. V. Recurrent crime: criminological characteristics and prevention: Dis. kand. the faculty of law sciences'. – M., 2009. – 169 P.

УДК: 343.2

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10034

Рогова Евгения Викторовна

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ
доктор юридических наук
E-mail: rev-80@yandex.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna

Professor of the Department of Criminal Law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation
Doctor of Law
E-mail: rev-80@yandex.ru

Гайдай Мария Константиновна

начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России
доктор социологических наук
E-mail: mkgfip@mail.ru

Gayday Mariya Konstantinovna

head of the Department of philosophy, psychology and social and humanitarian disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Doctor of sociology
E-mail: mkgfip@mail.ru

РАННЯЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СУЩНОСТЬ, МЕРЫ И СУБЪЕКТЫ

Введение: в статье определяется место и обосновывается значимость ранней профилактики в минимизации преступности несовершеннолетних. Ранняя профилактика рассматривается авторами как важная составляющая здоровой социализации подростков, способствующая их развитию в русле уважения закона и признания главенства права. Рассмотрены педагогические, медицинские, социально-психологические, правовые, организационные меры ранней профилактики. Обозначены субъекты и формы реализации ранней профилактической деятельности.

Материалы и методы: нормативную основу образуют международные правовые акты, национальное законодательство, определяющее основания и формы проведения профилактической работы с несовершеннолетними. Методологической основой исследования стал диалектический метод познания социальных явлений и процессов, позволяющий рассматривать их в постоянном изменении, развитии, а также во взаимосвязи и взаимозависимости. В ходе исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы познания социальной действительности.

Результаты исследования: авторы получили результаты, заключающиеся в том, что ранняя профилактика преступности имеет важное прикладное значение, а своевременное и должным образом организованное ее осуществление позволяет в не-

которой степени влиять на показатели преступности несовершеннолетних в сторону их снижения.

Выводы и заключения: полученные результаты могут служить обоснованием роли ранней профилактики в предупреждении преступности несовершеннолетних, а также позволяют определить действенные меры, составляющие ядро ранней профилактики.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности, ранняя профилактика.

EARLY PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY: ESSENCE, MEASURES AND SUBJECTS

Introduction: The article defines the place and substantiates the importance of early prevention in minimizing juvenile delinquency. The authors consider early prevention as an important component of the healthy socialization of adolescents, contributing to their development in line with respect for the law and recognition of the rule of law. Pedagogical, medical, socio-psychological, legal, organizational measures for early prevention are considered. The subjects and forms of implementation of early preventive activities are indicated.

Materials and methods: The regulatory basis is formed by international legal acts, national legislation that defines the grounds and forms for carrying out preventive work with minors. The methodological basis of the study was the dialectic method of cognition of social phenomena and processes, allowing us to consider them in constant change, development, as well as in the relationship and interdependence. In the course of the study, general scientific and private scientific methods of cognition of social reality.

Results of the study: in the course of the study, the authors obtained results consisting in the fact that early crime prevention is of rather important applied value and its timely and properly organized implementation allows to some extent to influence juvenile crime indicators in the direction of their reduction.

Conclusions and result: the results can justify the role of early prevention in the prevention of juvenile delinquency, as well as these results allow us to determine the effective measures that make up the core of early prevention.

Key words: minors, juvenile delinquency, crime prevention, early prevention.

Преступность несовершеннолетних выступает объектом повышенного внимания как со стороны государственных органов, так и со стороны общественных организаций. Это неслучайно. Ведь преступность подрастающего поколения представляет собой своеобразный индикатор, характеризующий благоприятное (неблагоприятное) развитие общественных отношений. Учеными уже давно доказано, что преступность несовершен-

нолетних составляет резерв для преступности взрослых. И в настоящее время этот факт сомнению не подлежит [10, с. 426]. Поэтому чем раньше в отношении лиц, особенно несовершеннолетнего возраста, будет осуществляться предупредительное воздействие, тем больше вероятность получить ожидаемый положительный результат, заключающийся в отказе лица от совершения противоправных деяний различных по своей общественной опасности [8, с. 185].

Состояние преступности несовершеннолетних, как свидетельствует проведенное исследование, характеризует не совсем благоприятные процессы, протекающие в нашем обществе. И несмотря на то, что можно наблюдать тенденцию к некоторому снижению числа выявляемых несовершеннолетних преступников, все же их доля в общем числе выявленных лиц, виновных в совершении преступлений, остается достаточно стабильной в последние годы (см. табл.).

Таблица

Количество лиц несовершеннолетнего возраста, виновных в совершении преступлений, в Российской Федерации¹

Годы	Число несовершеннолетних, совершивших преступления	Доля несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления
2009	85 452	7,0
2010	72 692	6,5
2011	65 963	6,3
2012	59 461	5,9
2013	60 761	6,0
2014	54 089	5,4
2015	55 365	5,2
2016	48 589	4,8
2017	42 504	4,4
2018	40 860	4,4

Вопросы предупреждения преступности молодежи, в частности несовершеннолетних, привлекают внимание мирового сообщества [6, с. 42; 7, с. 20]. Анализ содержания международных документов с высокой степенью очевидности свидетельствует о необходимости гуманного подхода к лицам, не достигшим совершеннолетия. В положениях международных документов отмечается, что суды должны внимательно решать вопросы, когда речь идет об изоляции подростков от общества, «содержание под стражей или иное заключение несовершеннолетних должны применяться только то-

¹ По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения 25.09.2019).

гда, когда нет другой альтернативы»¹.

При принятии решений о наказании несовершеннолетних приоритет должен оставаться за мерами уголовно-правового характера без изоляции от общества. Преимущество таких мер состоит в том, что осужденный несовершеннолетний имеет возможность исправления без изоляции от общества, не нарушая его норм и выполняя при этом определенную работу.

В российских нормативных правовых актах находят свое дальнейшее развитие положения международных норм. В частности, в нормативных правовых актах Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации указывается на то, что в целях поддержания нормального развития детей и семей необходимо осуществлять комплекс мероприятий социального, экономического, правового и правоохранительного характера. При этом в России Указом Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 2018–2027 гг. названы Десятилетием детства². Также в целях обеспечения благополучного и безопасного детства была принята Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.03.2017 № 520-р. В Концепции подчеркивается, что «состояние криминогенной ситуации обуславливает необходимость интенсивного развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, ее совершенствования с учетом актуальных необходимых потребностей семьи, общества и государства»³.

На страницах юридической литературы предлагается подразделять осужденных несовершеннолетних на две подгруппы: 1) осужденные к лишению свободы и 2) осужденные к наказаниям без изоляции от общества [4, с. 161]. Профилактическая работа с несовершеннолетними, образующими первую группу, обусловлена режимом воспитательной колонии и достаточно детально регламентирована в нормативных правовых актах. Работа со второй группой вызывает определенные сложности, в связи с чем требуется разработка профилактических мер для несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, к которым относятся штраф, обязательные и исправительные работы.

При осуществлении профилактической работы с несовершеннолетними к ним необходимо применять дифференцированный подход с учетом возрастных особенностей, своеобразия причин преступлений. Следует учитывать особенности формирования девиантного вообще, и преступного, в частности, поведения несовершеннолетних, кото-

¹ Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН.

² Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 // СЗ РФ. 2017. № 23. Ст. 3309.

³ Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года (вместе с «Планом мероприятий на 2017–2020 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года»): распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р // Там же. № 14. Ст. 2088.

рое формируется постепенно, нередко является актом самоутверждения и результатом влияния социального окружения. Групповой характер преступного поведения несовершеннолетних обуславливает различную степень интенсивности протекания такого поведения на разных этапах жизни подростка. При наличии определенных факторов (в том числе социального характера) лицо может быть более или менее активно в нарушении закона. Несовершеннолетние – это особая социальная категория. Ей присущи характерные возрастные особенности, не позволяющие использовать виды и формы профилактической работы, реализуемой в отношении взрослых.

Содержание профилактической работы должно зависеть от того, предупреждается ли в принципе преступное поведение или работа проводится уже с подростком, совершившим преступление. Ранняя профилактика преступности несовершеннолетних предполагает социально-правовую работу с несовершеннолетними, ранее не привлекавшимися к уголовной ответственности. Если же речь идет о комплексе мер профилактического характера, осуществляемых работниками уголовно-исполнительных инспекций в период исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних без изоляции от общества, то значение приобретает профилактика повторной подростковой преступности.

Исходя из изложенного, можно прийти к выводу, что профилактическая работа, проводимая с несовершеннолетними, должна иметь определенную специфику, которая заключается, прежде всего, в том, что ей присущ многоступенчатый характер. Многоступенчатый характер осуществления профилактической работы с несовершеннолетними предполагает различные направления и уровни предупредительного воздействия с учетом определенного контингента лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

Профилактическая работа с несовершеннолетними отличается широким выбором предупредительных мер, к которым можно отнести педагогические, общевоспитательные, культурные, социальные меры по улучшению условий жизни и воспитания подростков [9, с. 60–62].

Основания для проведения профилактической работы определяются нормативными правовыми актами. Как представляется, при осуществлении такой работы значение имеют положения международных правовых актов. Среди таковых можно выделить Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенцию о правах ребенка (1989 г.), Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности у несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы, 1990 г.) и др.

Так, в Конвенции о правах ребенка 1989 г. указывается, что «признается право каждого ребенка, который нарушил уголовное законодательство, обвиняется или признается виновным в его нарушении, на такое обращение, которое способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и основным свободам других и при котором учитывается возраст ребенка и желательность содействия его реинтеграции и выполнению им полезной роли в обществе»¹.

Как показывает проведенный анализ, международное законодательство опре-

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

деляет основную цель социальной политики в отношении несовершеннолетних, которая должна быть направлена на оказание максимального содействия обеспечению благополучия несовершеннолетних, что сведет к минимуму необходимость вмешательства со стороны системы правосудия в их отношении.

Еще одной характерной чертой профилактической работы с несовершеннолетними является то, что в ней участвует значительное число субъектов. Такую работу осуществляют не только правоохранительные органы, но и органы, занимающиеся, например, воспитанием и обучением подростков (школы, колледжи, кружки и различные секции). Также к таковым субъектам можно отнести и специальные органы, и службы, например, специальные учебно-воспитательные учреждения, комиссии по делам несовершеннолетних, центры временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей и др.

Кроме того, профилактическая работа должна проводиться на основании информационно-аналитических данных, которые не следует ограничивать только лишь сведениями из уголовно-правовой статистики. В данном случае необходимо обратить внимание на то, что существующая ныне статистика дает несколько искаженную картину об участии несовершеннолетних в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, за которые им назначаются наказания без изоляции от общества. Преступления, не представляющие большой общественной опасности, имеют высокий уровень латентности. Это объясняется, прежде всего, тем, что такие преступления совершаются несовершеннолетними в среде своих сверстников, которые не сообщают родителям о фактах совершения в отношении них противоправных деяний и не заявляют в правоохранительные органы. Латентной считается и природа явлений, связанных с преступностью несовершеннолетних [2, с. 64].

При осуществлении профилактической работы с несовершеннолетними лицами значение имеет предупредительное воздействие на подростков при незначительном проявлении с их стороны девиантного поведения, т. е. ранняя превенция, имеющая общую цель недопущения совершения несовершеннолетними преступлений.

Направленность профилактических мероприятий на моральное и правовое развитие и совершенствование подрастающего поколения весьма оправдана. От эффективности ранней профилактики преступности среди несовершеннолетних во многом зависит уровень такой преступности, которая, как уже отмечалось, является резервом преступности взрослого населения. Суть такой работы – минимизировать воздействие на подростка условий и факторов его возможной криминализации.

Значение ранней профилактики обусловлено необходимостью вмешательства в процесс криминализации несовершеннолетних на первоначальных этапах его развития. В качестве объекта воздействия при осуществлении ранней профилактики, как формы специального криминологического предупреждения, выступает девиантное и делинквентное поведение подростков. В этой связи результативность ранней профилактики напрямую связана с оперативностью и своевременностью ее реализации [5, с. 214]. Н.Ф. Кузнецова в свое время отмечала, что «семь из десяти преступлений могли быть успешно предупреждены при условии осуществления ранней профилактики и достаточной ее

эффективности на стадии правонарушений» [4, с. 145]. Поэтому при успешной ранней профилактике есть возможность уменьшить число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии.

К достоинствам ранней профилактической работы относится экономичность ее осуществления, так как в основном она реализуется при проведении общеобразовательной работы.

Характеризуя меры, составляющие содержание ранней профилактики, прежде всего необходимо выделять педагогические, медицинские, социально-психологические, правовые, организационные меры.

Педагогические меры реализуются путем организации мероприятий воспитательного характера проводимых с несовершеннолетними: коррекционная работа волевой сферы, организация и реализация социально одобряемой деятельности несовершеннолетних, консультативная помощь несовершеннолетним, не полностью справляющимся с учебными занятиями, привитие интереса к творчеству, повышение уровня самооценки несовершеннолетнего, консультации родителей, воспитывающих детей с отклоняющимися формами поведения. Реализуются они образовательными учреждениями (школами, колледжами, спортивными секциями и т. п.).

Так, например, среди мероприятий, выполняемых образовательными учреждениями в рамках осуществления ранней профилактики, могут быть названы мероприятия по повышению уровня правового сознания родителей и самих учащихся школ, колледжей, использование личностно-ориентированного подхода в воспитании и обучении подростков; мероприятия по предупреждению и разрешению конфликтных ситуаций в целях психологически комфортного обучения и воспитания учащихся; проведение работы по ранней профилактике правонарушений в 1–4 классах с учетом возрастных и психологических особенностей младших школьников.

Некоторые ученые предлагают начинать реализовывать правовое воспитание еще в дошкольном возрасте.

Медицинские меры занимают не менее важное место в ранней профилактике. Субъектами их осуществления являются органы управления здравоохранением и учреждения здравоохранения. Среди мероприятий можно отметить такие, как распространение санитарно-гигиенических знаний среди несовершеннолетних, их родителей (законных представителей); агитация здорового образа жизни, занятий физической культурой и спортом; демонстрация негативного влияния на организм человека таких форм аддиктивного поведения, как курение, алкоголизм, наркомания [3].

В условиях повышенной информатизации, формирующейся зависимости от гаджетов, как следствия низкой самостоятельности и инфантильности подростков, значение имеют социально-психологические меры ранней профилактики. Реализацией социально-психологических мер призваны заниматься специальные центры (службы) психологической коррекции и поддержки, службы, оказывающие помощь по «телефону доверия» родителям или законным представителям, а также самим несовершеннолетним.

Значение в ранней профилактике имеют и правовые меры. Выполняя возложенные государством на органы внутренних дел обязанности, в рамках ранней профилактики выявляются лица, склоняющие несовершеннолетних к совершению противоправных действий, а также те, кто совершает в отношении несовершеннолетних преступные посягательства. Проводится работа с родителями (законными представителями) несовершеннолетних и должностными лицами, не исполняющими или ненадлежащим образом исполняющими свои обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних. В рамках такой предупредительной деятельности сотрудники ОВД в соответствии с нормами закона вносят предложения о применении к ним соответствующих правовых мер, принимают участие в уведомлении родителей (законных представителей) о доставлении несовершеннолетних в подразделения органов внутренних дел в связи с их безнадзорностью и беспризорностью, осуществляют иные меры, направленные на противодействие участию несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров¹.

Организационные меры также можно отнести к мерам ранней профилактики, осуществляемой в отношении несовершеннолетних. Как правило, организационные меры реализуются органами власти, в частности органами социальной защиты населения, центрами занятости. Деятельность названных организаций и их сотрудников направлена на разработку мер по повышению уровня материальной базы сиротских, коррекционных учреждений; жилищных и бытовых условий многодетных и малообеспеченных семей. Одной из организационных мер является создание центров реабилитации лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, организация летнего отдыха и досуга (кружки, спортивные секции) детей; трудоустройство, устройство на учебу.

Подводя итог, отметим, что реализация ранней профилактики имеет важное практическое значение и обусловлена необходимостью предотвращения преступности несовершеннолетних. Создание благоприятных социально-психологических условий здоровой социализации подростков будет способствовать целостности их морально-нравственного развития и может лечь в основу собственного мировоззрения, лишённого нигилистических тенденций и приверженности криминальным субкультурам.

Особая роль ранней профилактики сомнений не вызывает, особенно если в качестве ее объекта выступает лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет. В связи с наличием особого объекта следует отметить, что целью ранней профилактики преступности несовершеннолетних можно признать нравственное оздоровление как самих подростков, так и того общества, членами которого они являются. А скорейшее достижение указанной цели обусловлено своевременностью осуществления мероприятий, составляющих ядро ранней профилактики, проводимых с учетом особенностей психологического развития, правового, а также фактического положения подростков и их ближайшего

¹ Статьи 20–23 федерального закона Российской Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177).

окружения. Необходимо вовремя выявлять несовершеннолетних с антиобщественным поведением для проведения в отношении них мер предупредительного характера в целях недопущения совершения ими в будущем противоправных деяний. В этом отношении нельзя недооценивать возможности правильно организованной ранней профилактики.

В заключение еще раз обратим внимание на те меры ранней профилактики преступлений несовершеннолетних, которые наиболее часто применяются. Среди них можно выделить меры по профилактике наркотизма и алкоголизации подростков, как наиболее социально-негативных явлений, касающихся лиц несовершеннолетнего возраста; меры, направленные на оказание психолого-педагогической помощи подросткам из неблагополучных семей и их близким; меры, направленные на предупреждение вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, прежде всего экстремистского характера, корыстного характера; меры, направленные на пропаганду здорового образа жизни, привитие позитивного отношения к спорту, обучению и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дворянсков И.В. Особенности профилактической работы с несовершеннолетними, осужденными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. – 2018. – Вып. 2. С. 159–164.
2. Демидова-Петрова Е.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: мониторинг региональной практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД. – 2017. – № 4. – С. 64–72.
3. Истомина О.Б., Гайдай М.К. Аддикция как форма девиантности несовершеннолетних // Социокультурные аспекты деятельности силовых структур: сб. науч. статей межведом. науч.-практ. конф., состоявшейся 7 дек. 2018 г. в Восточно-Сибирском институте МВД России: электронное издание сетевого распространения. – Иркутск, 2018.
4. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. – М., 1984. – 208 с.
5. Медведева Л.А. Роль ранней профилактики в предупреждении преступности несовершеннолетних // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2011. – № 8. – С. 213–219.
6. Нигматуллин Р.В. Одиннадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и проблемы координации международного сотрудничества по борьбе с преступностью // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 5. – С. 41–43.
7. ООН – универсальный центр координации по поощрению защиты прав и свобод человека: коллективная монография / А.Х. Абашидзе и др.; под общ. ред. А.Х. Абашидзе, Р.В. Нигматуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 132 с.
8. Рогова Е.В. Ранняя профилактика преступлений, совершаемых несовершеннолетними (на примере Иркутской области) // Проблемы детерминации и предупреждения преступности / под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2017. – С. 185–191.
9. Рогова Е.В. Меры уголовно-правового характера, применяемые к несовер-

шеннолетним: учебное пособие. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2017. – 104 с.

10. Судакова Т.М., Корягина С.А. Медиативные технологии в раннем и непосредственном предупреждении преступного поведения школьников // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. – № 3. – С. 425–433.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Dvoryanskov I.V. Features of preventive work with minors, to punishments and measures of a criminal law nature without isolation from society // Scientific works of FGI RI FPS of Russia. – 2018. – Issue 2. – P. 159–164.

2. Demidova-Petrova E.V. Prevention of juvenile delinquency: monitoring of regional practice // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs. – 2017. – No. 4. – P. 64–72.

3. Istomina O. B., Gaidai M.K. Addiction as a form of juvenile deviance // Electronic publication of network distribution. Sociocultural aspects of the activities of law enforcement agencies: a collection of scientific articles: materials of an interdepartmental scientific and practical conference held on December 7, 2018 at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – Irkutsk, 2018.

4. Kuznetsova N.F. Problems of criminological determination. – M., 1984. – 208 p.

5. Medvedeva L.A. The role of early prevention in the prevention of juvenile delinquency // Bulletin of the RSHU. Series «Economics. Control. Right». – 2011. No. 8. – P. 213–219.

6. Nigmatullin R.V. Eleventh UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders and the Problems of Coordination of International Cooperation on the Fight against Crime // International Public and Private Law. – 2006. – No. 5. – P. 41–43.

7. UN – a universal coordination center to promote the protection of human rights and human rights: a collective monograph / [A.Kh. Abashidze et al.; under the general. ed. O.H. Abashidze, R.V. Nigmatullina]. – Ufa: RIC of BashSU, 2015.– 132 s.

8. Rogova E.V. Early prevention of crimes committed by minors (for example, the Irkutsk region) // Problems of determination and crime prevention. Edited by Professor A.I. Debt. – M.: Russian Criminological Association, 2017. – P. 185–191.

9. Rogova E.V. Criminal measures applicable to minors. textbook. allowance. – Irkutsk: Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017.– 104 p.

10. Sudaikova T.M., Koryagina S.A. Mediation technologies in the early and immediate prevention of criminal behavior of schoolchildren // Bulletin of the Baikal State University. – 2017. –Vol. 27. – No. 3. – P. 425–433.

УДК 343.132

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10035

Арсенова Наталья Васильевна

доцент кафедры уголовного процесса
Барнаульского юридического
института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: androsenkon@mail.ru

Arsenova Natalya Vasilievna

Associate Professor of the Criminal process
Department of the Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia
Candidate of Legal Sciences
E-mail: androsenkon@mail.ru

**ПОЛНОМОЧИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ ЭКСПЕРТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Введение: в статье рассматриваются отдельные проблемы, возникающие в правоприменительной деятельности в связи с отсутствием надлежащей уголовно-процессуальной регламентации полномочий руководителя экспертного учреждения при назначении и производстве судебной экспертизы.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие процессуальный статус руководителя экспертного учреждения. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, методы логической дедукции, индукции, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: на основе анализа нормативных правовых актов, регламентирующих полномочия руководителя экспертного учреждения при назначении и производстве экспертиз по уголовным делам, и специальной литературы делается вывод о наличии пробелов в уголовно-процессуальном регулировании процессуального статуса руководителя экспертного учреждения. Акцентируется внимание на отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации регламентации процессуального порядка производства судебной экспертизы руководителем экспертного учреждения. Остается также нерешенным вопрос о полномочиях руководителя экспертного учреждения по обеспечению контроля за полнотой и качеством проведенных исследований.

Выводы и заключения: предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с целью разрешения выявленных проблем правоприменения.

Ключевые слова: предварительное расследование, судебная экспертиза, заключение эксперта, руководитель экспертного учреждения, полномочия руководителя экспертного учреждения, разъяснение прав, независимость эксперта.

POWERS OF THE HEAD OF THE EXPERT INSTITUTION IN APPOINTMENT AND PRODUCTION OF EXAMINATION ON CRIMINAL CASES

Introduction: the article is devoted to some problems arising in law enforcement, due to the lack of proper of criminal procedural regulation of the powers of the head of the expert institution in the appointment and production of forensic examination.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, Federal laws, subordinate normative legal acts regulating the procedural status of the head of the expert institution. The methodological basis of the study was the General dialectical method of scientific knowledge, methods of logical deduction, induction, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the study: on the basis of the analysis of the normative legal acts regulating powers of the head of expert institution at appointment and production of examinations in criminal cases, and special literature the conclusion about existence of gaps in criminal procedural regulation of the procedural status of the head of expert institution is made. In particular, the Criminal procedure code of the Russian Federation does not regulate the procedural procedure for the production of forensic examination by the head of an expert institution. The issue of the powers of the head of the expert institution to ensure control over the completeness and quality of the research remains unresolved.

Conclusions and results: it is proposed to amend the Criminal procedure code of the Russian Federation in order to resolve the identified problems of law enforcement.

Key words: preliminary investigation, examination, expert opinion, head of the expert institution, powers of the head of the expert institution, explanation of rights, independence of the expert.

При регламентации процессуального порядка назначения и производства судебной экспертизы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) упоминается такой участник, как руководитель экспертного учреждения. В то же время раздел II УПК РФ, регламентирующий участников уголовного судопроизводства, не содержит понятия руководителя экспертного учреждения, не определяет его процессуальный статус.

Многоаспектность судебно-экспертной деятельности предопределяет существование множества нормативных правовых актов, ее регламентирующих. Руково-

датель экспертного учреждения, являясь субъектом судебно-экспертной деятельности, в данных нормативных правовых актах, в том числе подзаконных, освещается.

Понятие руководителя государственного судебно-экспертного учреждения отражено в федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ), в соответствии с которым это директор или начальник (заведующий) государственного судебно-экспертного учреждения либо приравненного к нему специализированного подразделения, осуществляющий функцию руководства при организации и производстве судебной экспертизы в соответствующем учреждении или подразделении.

Отдельные полномочия руководителя экспертного учреждения при назначении и производстве судебной экспертизы регламентирует УПК РФ. Так, в соответствии со ст. ст. 199, 200 УПК РФ руководитель экспертного учреждения уполномочен: поручать производство судебной экспертизы подчиненному эксперту или нескольким экспертам; разъяснять эксперту его права, обязанности и ответственность (ст. 57 УПК РФ); возвращать без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, представленные для ее производства, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности либо отсутствуют специальные условия для проведения исследований, при этом руководитель указывает мотивы, по которым производится возврат; определять комиссионный характер экспертизы наряду со следователем.

Анализ норм Федерального закона № 73-ФЗ позволяет выделить и иные права руководителя экспертного учреждения при назначении и производстве судебной экспертизы. Так, в соответствии со ст. 14 руководитель экспертного учреждения вправе: ходатайствовать перед органом или лицом, назначившими судебную экспертизу, о включении в состав комиссии экспертов лиц, не работающих в данном учреждении, если их специальные знания необходимы для дачи заключения; организовывать производство судебной экспертизы с участием других учреждений, указанных в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы; требовать от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, возмещения расходов, связанных с производством экспертизы и др.

Детализирует процедуру проведения экспертизы и права руководителя экспертного учреждения при ее проведении ведомственное законодательство. В частности, в соответствии с приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511¹ при поступлении материалов экспертизы руководитель изучает постановление о назначении экспертизы, определяет вид, характер и объем предстоящего исследования и на этом основании определяет исполнителя экспертизы и срок производства экспертизы; поря-

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») // КонсультантПлюс (дата обращения 20.08.2019).

док привлечения к проведению экспертизы специалистов иных экспертных, научных и других учреждений; необходимость реализации иных мероприятий, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Кроме того, руководитель проверяет материалы выполненных экспертиз, контролирует соблюдение сроков ее выполнения, полноту проведенных исследований, качество оформления заключения. В случае выявления недостатков руководитель вправе вернуть материалы исполнителю для их устранения.

Следует обратить внимание на то, что Федеральный закон № 73-ФЗ, а также ведомственные нормативные правовые акты регламентируют права и обязанности руководителей только государственных экспертных учреждений. Вместе с тем экспертиза по уголовному делу может быть проведена в негосударственных экспертных учреждениях (п. 60 ст. 5 УПК РФ), деятельность которых не имеет четкой правовой регламентации. Федеральный закон № 73-ФЗ распространяет свою юридическую силу на деятельность негосударственных судебно-экспертных учреждений лишь в части принципов судебно-экспертной деятельности, прав и обязанностей эксперта. Статьи 14 и 15, регламентирующие права и обязанности руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, не распространяются на руководителя негосударственного судебно-экспертного учреждения (ст. 41 Федерального закона № 73-ФЗ).

Таким образом, на сегодняшний день правовое регулирование процессуального статуса руководителя экспертного учреждения нельзя признать совершенным. Отсутствие надлежащей регламентации в УПК РФ полномочий руководителя экспертного учреждения при назначении и производстве экспертизы порождает трудности для правоприменителей и дискуссии среди ученых.

Так, например, адвокат в защиту осужденного К. ходатайствовал об отмене приговора вследствие нарушений уголовно-процессуального закона, которые выразились и в том, что при назначении судебно-технической экспертизы и судебно-фонографических экспертиз следователь не предусмотрел их комплексный или комиссионный характер. Несмотря на это, руководитель экспертного подразделения самостоятельно поручил производство экспертиз нескольким экспертам. Ходатайство стороны защиты о признании недопустимыми доказательствами и исключении из перечня доказательств заключений судебно-технической экспертизы и судебно-фонографических экспертиз в связи с допущенными нарушениями при их производстве рассмотрено судом и обоснованно отклонено¹.

Дискуссионным вопросом также является необходимость регламентации процессуальных возможностей руководителя экспертного учреждения в случае несогласия с выводами эксперта. Несмотря на то, что Федеральный закон № 73-ФЗ предусматривает обязанность руководителя экспертного учреждения обеспечивать контроль за полнотой и качеством проведенных исследований, не нарушая принцип не-

¹ Определение Верховного суда РФ от 17.08.2010 № 75-О10-9СП // КонсультантПлюс (дата обращения 20.08.2019).

зависимости эксперта (ст. 14), однако процессуальных средств для этого у руководителя экспертного учреждения нет. Указанное в Приказе МВД РФ № 511 право руководителя экспертного учреждения возвращать материалы исполнителю в случае выявления недостатков подразумевает право требовать устранения «технических» недостатков (например, неправильное оформление заключения), но не может распространяться на случаи несогласия руководителя экспертного учреждения с выводами эксперта. Иное противоречило бы принципу независимости эксперта, поскольку руководитель не вправе давать эксперту указания, преддрешающие содержание выводов по конкретной судебной экспертизе (ч. 3 ст. 14 Федерального закона № 73-ФЗ).

В научной литературе предлагаются различные пути решения этой проблемы. По мнению А.С. Червинского, следует предоставить руководителю экспертного учреждения в случае несогласия с выводами эксперта право направлять должностному лицу или органу, назначившему судебную экспертизу, сопроводительное письмо к экспертному заключению, в котором сообщить свое мнение по поводу данного заключения [4, с. 10].

Л.В. Лазарева полагает, что следовало бы наделить руководителя экспертного учреждения комплексом прав, направленных на усиление контроля за качеством экспертиз, выполняемых подчиненными экспертами, в том числе правом назначить другого эксперта; при необходимости провести не однородную экспертизу, а комплексную либо повторную экспертизу и др. [2, с.114].

При выявлении существенных недостатков либо экспертных ошибок в заключении эксперта, как считает О.Ю. Антонов, руководитель экспертного учреждения должен иметь право подготовить рецензию на заключение эксперта и направить ее в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу одновременно с рецензируемым заключением эксперта [1, с. 155].

Поддерживая позицию авторов о необходимости регламентации полномочий руководителя экспертного учреждения по обеспечению контроля за полнотой и качеством проведенных исследований, считаем, что, безусловно, контрольная функция руководителя экспертного учреждения не должна быть декларативной.

Руководитель экспертного учреждения, реализуя данную функцию, способен оказать содействие следователю (дознавателю) в оценке заключения эксперта с точки зрения его достоверности. Так, следователю (дознавателю), не обладающему знаниями экспертной методики, сложно определить, правильно ли выбрана методика в соответствии с конкретной экспертной задачей; не было ли оснований для применения других экспертных методик в совокупности с применённой; если использовано несколько экспертных методик, то нет ли противоречий между ними и т. п. [3, с. 11].

Ввиду того, что Федеральный закон № 73-ФЗ в качестве принципа государственной судебно-экспертной деятельности провозгласил независимость эксперта при производстве судебной экспертизы, полномочия руководителя экспертного учреждения по контролю за полнотой и качеством проведенных исследований не должны его нарушать, в связи с чем следует согласиться с мнением авторов, предлагающих ре-

гламентировать право руководителя экспертного учреждения высказывать свою позицию по поводу заключения эксперта (в форме справки, рецензии и т.п., направляемой вместе с заключением эксперта). В данном случае оформленная в письменном виде позиция руководителя экспертного учреждения с точки зрения ст. 74 УПК РФ будет выступать в качестве заключения специалиста, с помощью которого должностным лицом (органом), назначившим экспертизу, проводится оценка полученного заключения и может быть принято решение о проведении дополнительной или повторной судебной экспертизы.

Следующий вопрос, возникающий при анализе полномочий руководителя экспертного учреждения, на который ни УПК РФ, ни Федеральный закон № 73-ФЗ не дают ответа: может ли руководитель экспертного учреждения самостоятельно проводить экспертизу? На данный вопрос, полагаем, следует ответить положительно.

Анализ практики производства судебных экспертиз экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации показывает, что производство экспертизы начальником соответствующего экспертно-криминалистического подразделения достаточно распространенное явление, которое вызвано, как правило, большим количеством порученных экспертиз.

Несмотря на то, что УПК РФ не регламентирует данное право руководителя экспертного учреждения, отдельные ведомственные нормативные правовые акты содержат прямое указание на возможность производства им экспертизы самостоятельно.

Так, в соответствии с Приказом МЧС Российской Федерации от 19 августа 2005 г. № 640¹ руководитель судебно-экспертного учреждения и экспертного подразделения федеральной противопожарной службы может лично выступать в качестве эксперта в соответствии с присвоенной ему экспертной квалификацией (п. 12). Аналогичную норму содержит Приказ Минюста Российской Федерации от 20 декабря 2002 г. № 347² по отношению к экспертным учреждениям системы Минюста России (п. 11).

Производство судебных экспертиз независимо от ведомственной принадлежности экспертного учреждения осуществляется сотрудниками экспертных подразделений, аттестованными на право самостоятельного производства экспертиз по соответствующей экспертной специальности. Следовательно, руководитель, возглавляющий экспертное учреждение (специализированное подразделение), аттестованный на пра-

¹ Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы: приказ МЧС Российской Федерации от 19 авг. 2005 г. № 640 // КонсультантПлюс (дата обращения 20.08.2019).

² Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации: приказ Минюста Российской Федерации от 20 дек. 2002 г. № 347 // КонсультантПлюс (дата обращения 20.08.2019).

во самостоятельно проводить экспертизы по соответствующей специальности, может провести исследование и оформить заключение.

Данный вывод подтверждается решениями судов при рассмотрении вопроса о признании заключения эксперта недопустимым доказательством, где суд, как правило, приходит к выводу, что оснований для признания заключения эксперта недопустимым доказательством у суда не имелось, поскольку установлено, что исследование проведено в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона лицом, обладающим необходимыми познаниями в соответствующей области, заключение соответствует требованиям УПК РФ¹.

При производстве экспертизы руководителем экспертного учреждения он наделяется правами и обязанностями эксперта, предусмотренными УПК РФ и иными нормативными актами.

Возможность производства экспертизы руководителем экспертного учреждения предопределяет необходимость разрешения вопроса: кто должен ему разъяснить права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК РФ? Установление факта разъяснения эксперту прав, обязанностей и предупреждения об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения является весьма важным при оценке заключения эксперта как допустимого доказательства.

Например, судом надзорной инстанции принято решение об отмене всех состоявшихся судебных решений и направлении дела на новое судебное разбирательство в связи с нарушением требований уголовно-процессуального закона, выразившимся в использовании недопустимого доказательства – заключения эксперта. Суд пришел к выводу, что данное заключение получено с нарушением требований УПК РФ и является недопустимым доказательством, поскольку производство судебно-медицинской экспертизы в отношении потерпевшего Н. было поручено судебно-медицинскому эксперту И., которому разъяснены права и обязанности, в том числе он был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, однако экспертное исследование в отношении потерпевшего Н. проведено экспертом Г., который дал соответствующее заключение, но ему не были разъяснены права, обязанности и ответственность эксперта².

По общему правилу разъяснение прав и обязанностей эксперту осуществляется руководителем экспертного учреждения. Возникновение обязанности руководителя экспертного учреждения разъяснять права, обязанности и предупреждать эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения обусловлено наличием поручения органа или лица, назначившего судебную экспертизу (ст. 14 Феде-

¹ Постановление Президиума Ростовского областного суда № 44У-239/2018 4У-2773/2018 от 15 ноября 2018 г. по делу № 1-47/17 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения 20.08.2019).

² Определение Верховного суда РФ от 24 дек. 2008 г. № 49-Д08-107 // Консультант-Плюс (дата обращения 20.08.2019).

рального закона № 73-ФЗ). При отсутствии такого поручения об уголовной ответственности эксперта предупреждает лицо или орган, назначивший экспертизу.

В связи с этим полагаем, что в случае производства экспертизы самостоятельно руководителем экспертного учреждения, разъясняет ему права и обязанности эксперта лицо или орган, назначившие экспертизу (следователь, дознаватель, суд).

Таким образом, руководитель экспертного учреждения при назначении и производстве экспертизы по уголовным делам организует работу по производству экспертиз, осуществляет контрольную функцию, может самостоятельно проводить исследование и оформлять заключение. На законодательном же уровне лишь организационная функция нашла свое отражение. Полномочия руководителя экспертного учреждения по контролю за качеством и своевременностью выполнения экспертизы, а также самостоятельному производству экспертизы нуждаются в совершенствовании.

Решение всех рассмотренных вопросов, возникающих в теории и правоприменительной деятельности, видится в надлежащей правовой регламентации процессуального статуса руководителя экспертного учреждения. В этих целях, полагаем, целесообразно дополнить УПК РФ ст. 57.1 «Руководитель экспертного учреждения», в которой отразить понятие и процессуальный статус руководителя экспертного учреждения, в том числе регламентировать полномочия руководителя по контролю за полнотой и качеством проведенного исследования, право самостоятельно проводить экспертизу, обладая при этом полномочиями эксперта, предусмотренными УПК РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антонов О.Ю. Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве и пути их решения // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 6. – С. 149–157.
2. Лазарева Л.В. Особенности правового статуса субъектов судебно-экспертной деятельности // Там же. – 2019. – № 4. – С. 111–117.
3. Немира С.В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016. – 28 с.
4. Червинский А.С. Уголовно-процессуальный статус руководителя судебно-экспертного учреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2011. – 24 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Antonov O. Yu. Problems of using special knowledge in criminal proceedings and ways of their solution // Actual problems of Russian law. – 2017. – No 6. – P. 149–157.
2. Lazareva L. V. Features of the legal status of subjects of forensic activity // Actual problems of Russian law. – 2019. – No 4. – P. 111–117.
3. Nemira S.V. The reliability of the expert opinion in criminal proceedings: cand. jurid. sci. diss. abst. – Krasnodar, 2016. – 28 p.
4. Chervinsky A. S. Criminal procedure status of the head of a forensic institution: cand. jurid. sci. diss. abst. – N. Novgorod, 2011. – 24 p.

УДК: 343.132.5

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10036

Колегов Антон Леонидович

старший преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел
МВД России

кандидат юридических наук

E-mail: mera_06@mail.ru

Kolegov Anton Leonidovich,

Senior Lecturer, Department of Physical Training for Employees of the Internal Affairs Bodies of the Federal State Budget Institution of Higher Professional Education Tyumen Institute for Advanced Studies of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences

E-mail: mera_06@mail.ru

Волосников Игорь Викторович

старший преподаватель кафедры физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения

квалификации сотрудников органов внутренних дел МВД России

E-mail: V._I_V@mail.ru

Volosnikov Igor Viktorovich

Senior Lecturer Department of Physical Training for Employees of Internal Affairs Bodies of the Federal State Budget Institution of Higher Professional Education Tyumen Institute for Advanced Studies of Employees of Internal Affairs Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: V._I_V@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение: в статье рассматриваются особенности следственного действия по принудительному получению образцов для сравнительного исследования, значение образцов для процесса доказывания по уголовному делу, а также проблемы, возникающие, когда подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший или лица, находящиеся в статусе заподозренного, подозреваемого или обвиняемого, отказываются добровольно предоставлять данные образцы.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляет действующее российское законодательство, опыт зарубежных стран, решения Конституционного суда Российской Федерации, а также решения Европейского суда по правам человека. Рассматриваются точки зрения ведущих российских ученых, занимавшихся изучением данной проблемы, мнения которых о возможности принудительного получения образцов для сравнительного исследования остаются спорными.

Результаты исследования: позволили уточнить позицию законодателя, мнение ученых, а также отношение к данному вопросу законодательств зарубежных стран, выявить практическую значимость возможности принудительного получения образцов для сравнительного исследования в ходе расследования преступлений.

Выводы и заключения: на основании исключения методов опасных для жизни и здоровья человека или методов унижающих его честь и достоинство, а также на основании принципа презумпции невиновности делается вывод о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации о принудительном получении образцов для сравнительного исследования.

Ключевые слова: принудительное получение образцов для сравнительного исследования, экспериментальные образцы.

PROBLEMS OF FORCING SAMPLES FOR COMPARATIVE STUDIES

Introduction: the article discusses the features of the investigative action to force the receipt of samples for a comparative study, the relevance of obtaining samples for the process of proving in a criminal case, as well as practical experience where a suspect, accused, witness, victim or persons who are suspected, suspected or accused refuse to provide these samples voluntarily.

Materials and methods: the normative basis of the study is the current Russian legislation, the experience of foreign countries, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as decisions of the European Court of Human Rights. The author considers the points of view of leading Russian scientists studying this problem, whose opinions on the possibility of forcibly obtaining samples for comparative research remain controversial.

Results of the study: they made it possible to clarify the position of the legislator, the opinion of scientists, as well as the attitude of the legislations of foreign countries to this issue, to reveal the practical significance of the possibility of forced obtaining of samples for a comparative study during the investigation of crimes.

Conclusions and conclusions: on the basis of the exclusion of methods dangerous to human life and health or methods degrading his honor and dignity, as well as on the basis of the principle of the presumption of innocence, a conclusion is reached to make amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the compulsory receipt of samples for comparative research.

Key words: forced receipt of samples for comparative research, experimental samples.

Известно, что наиболее частым и в то же время одним из основных следственных действий является получение образцов для сравнительного исследования, порядок получения которых закреплен в ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹.

Согласно ч. 1 ст. 202 УПК РФ следователь вправе получать образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с ч. 1 ст. 144 настоящего Кодекса у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах.

Допустим, что физическое лицо не является подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу, но в принадлежащем ему помещении производится обыск. Соответственно можно предположить, что оно могло оставить следы рук на объектах, имеющих доказательственное значение по уголовному делу. В этой связи на основании ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь может получить у данного лица образцы следов рук. В этой же части статьи указано, что получение образцов для сравнительного исследования может быть произведено до возбуждения уголовного дела. А это значит, что дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать образцы для сравнительного исследования в рамках производства проверки сообщения о преступлении. Данной нормой законодатель подчеркивает важность этого следственного действия уже на первоначальном этапе получения сведений, которые впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Полученные в ходе предварительной проверки образцы позволят установить отношение заподозренного к совершению преступления, определить данные о количестве совершенных им преступлений, провести проверку выдвинутых следователем (дознавателем) версий.

Однако, как показывает практический опыт, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший или лица, находящиеся в статусе заподозренного, подозреваемого или обвиняемого, отказываются добровольно предоставлять образцы для сравнительного исследования. Основной причиной является изобличение данных лиц в совершении преступления или причастности к нему. Этот факт затрудняет процесс расследования и препятствует установлению обстоятельств по делу.

В качестве примера можно привести уголовное дело по факту кражи продуктов питания из магазина, возбужденное в отношении неустановленного лица. В ходе расследования уголовного дела по подозрению в краже был задержан несовершеннолетний гражданин Х. В процессе осмотра места происшествия следователем были изъяты следы крови с осколков разбитого стекла и оконной рамы. Заподозренный в совершении кражи гражданин Х. в ходе предварительного расследования отказался давать показания и участвовать в следственных действиях, воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ. В этой связи у следователя не было возможности для получения образцов для сравнительного исследования. Сотрудниками уголовного розыска в ходе оперативно-

¹ Далее – «УПК РФ».

розыскных мероприятий у заподозренного Х. были получены образцы потожировых следов. Однако необходимо отметить, что данный способ получения образцов является незаконным. Вследствие чего судебная экспертиза не была назначена¹.

Какая-либо норма, предусматривающая обязанность вышеуказанных лиц представлять образцы для сравнительного исследования, в российском законодательстве отсутствует. Также отсутствует норма, регламентирующая получение образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке.

У зарубежных коллег из Республики Казахстан таких проблем не возникает, поскольку в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан данной теме посвящена целая глава², состоящая из восьми статей. Законодателем предусмотрены: основания и порядок получения образцов; лица и органы, имеющие право получать образцы; лица, у которых допускается изъятие образцов; охрана прав личности при получении образцов; обязательность исполнения постановления о получении образцов, а именно принудительное их получение.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан получению образцов также посвящена целая глава³. Нормы представлены по аналогии с УПК Республики Казахстан.

На сегодняшний день однозначно можно сказать, что остается спорным вопрос о возможности принудительного получения образцов для сравнительного исследования как до возбуждения уголовного дела, так и после. Точки зрения ученых процессуалистов по решению данной проблемы разделились. Одни считают, что применение принудительных мер при получении образцов для сравнительного исследования при отсутствии добровольного согласия лица недопустимо в силу ч. 1 ст. 51 Конституции РФ и что руководствоваться нужно только методом убеждения. Другие считают, что принуждение допустимо, а в некоторых случаях необходимо при соблюдении определенных условий его применения.

Сторонником первой точки зрения является В.Л. Жбанков, который считает, что поскольку законодатель не установил ответственности за отказ от дачи образцов, изымать образцы принудительно в таких случаях следователь не имеет права [2, с. 14–15].

По мнению А.В. Кудрявцевой, с появлением ч. 1 ст. 51 Конституции РФ принудительное получение образцов для сравнительного исследования стало невозможным, поскольку свидетельствовать против самого себя можно, не только давая показания, но также предоставляя свое тело для освидетельствования, личного обыска, получения образцов для сравнительного исследования [9, с. 148].

¹ Уголовное дело № 1-106/2018 г. // Архив Шадринского районного суда Курганской области. URL: <https://sudact.ru/regular> (дата обращения 23.11.2019).

² Глава 34. Получение образцов. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://online.zakon.kz/m/document> (дата обращения 23.11.2019).

³ Глава 23. Получение образцов для экспертного исследования. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. URL: <http://www.lex.uz> (дата обращения 23.11.2019).

А.В. Скибинский по данному поводу справедливо замечает, что в УПК РФ механизма и способов принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования не предусмотрено, а в конфликтных случаях, если лицо категорически отказывается от дачи образцов, допускается использовать только убеждение, если же лицо категорически отказывается от дачи образцов, данное действие произведено быть не может и принуждение не применяется. Он рекомендует перед отобранием образцов получать согласие на проведение действия, подтвержденное собственноручно соответствующим лицом в протоколе [8, с. 63].

К сторонникам второй точки зрения относится Е.Р. Россинская, которая полагает, что в исключительных случаях при отказе предоставить образцы, те из них, характер которых это допускает, могут быть получены принудительно. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 202 УПК РФ при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство [7, с. 36–37].

И.Л. Петрухин также полагает возможным при получении образцов для сравнительного исследования применение принуждения к обвиняемому (подозреваемому), поскольку «он изобличается в совершении преступления и проявляет понятную заинтересованность в сокрытии следов преступления», а его позиция не должна препятствовать установлению истины. С его точки зрения, принуждение в этом случае не посягает на гарантию против самообвинения (ч. 1 ст. 51 Конституции РФ), которая связана лишь с получением у обвиняемого (подозреваемого) показаний, но не с изъятием у него вещественных доказательств [6, с. 385, 387, 388].

Такой же позиции придерживается и Европейский суд по правам человека, говоря о том, что право не свидетельствовать против самого себя – это в первую очередь право обвиняемого хранить молчание, оно не распространяется на использование в уголовном процессе материалов, которые могут быть получены от обвиняемого независимо от его воли.

Конституционный суд РФ в своем определении № 1297-О от 24 сентября 2013 г. указал, что Конституция РФ, гарантируя каждому право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), и право не свидетельствовать против себя (ч. 1 ст. 51), не исключает возможность проведения различных процессуальных действий с участием подозреваемого или обвиняемого, а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и прочего в целях получения доказательств.

По мнению В.В. Кальницкого, допустимо и применение физического воздействия (не указывая, конкретно какого) ко всем участникам процесса в случае неисполнения ими требования следователя, однако степень принуждения должна соизмеряться со статусом лица: к свидетелям и потерпевшим оно должно применяться в минимальном размере [11, с. 641].

Здесь стоит заметить, что проблема, связанная с отказом предоставления образцов потерпевшим, в какой-то степени законодателем решена. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 308 УК РФ потерпевший несет ответственность за отказ от предоставления

образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования. Однако на свидетеля положение ч. 1 ст. 308 УК РФ распространяется лишь в части отказа от дачи показаний. На наш взгляд, законодателю стоит дополнить данную норму положением, касающимся ответственности свидетеля за отказ от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

По мнению В.В. Степанова, если при производстве следственных действий меры убеждения не достигают цели, то должны быть применены меры физического воздействия (например, удержание, при необходимости использование наручников и т. п.) [10, с. 27].

Положение ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность производства процессуальных действий (в том числе получения образцов для сравнительного исследования) и применения мер принуждения, связанных с ограничением права граждан на личную неприкосновенность, в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, обеспечивая обоснованность и соразмерность ограничений указанного права, а также требует судебного контроля за производством данных действий, предоставляя заинтересованным лицам право на судебную защиту их прав и свобод.

Мнение ученых еще раз подтверждает факт того, что в действующем законодательстве РФ отсутствует регламентированная позиция законодателя по принудительному изъятию образцов для сравнительного исследования.

В научной литературе предлагаются различные варианты решения данной проблемы. Некоторые ученые предлагают получать образцы для сравнительного исследования в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий, когда подозреваемый (обвиняемый) отказывается предоставить их добровольно. Однако Конституционный суд РФ в своем определении от 24 января 2008 г. № 104-О-О отметил, что «проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности ст. 202 УПК РФ, установлена специальная процедура» [4].

Другие ученые предлагают ввести административный штраф за отказ в предоставлении образцов для сравнительного исследования, расценивая это как противодействие правосудию.

На практике достаточно случаев, когда практически нет возможности получить какой-либо экспериментальный образец. В частности, у сотрудников полиции возникают сложности с получением экспериментальных образцов голоса и почерка по причине отказа подозреваемого (обвиняемого) в их добровольном представлении.

Учитывая определение Конституционного суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О, отметим, что на практике в целях сбора доказательств по делу сотрудникам следствия все же приходится идти на определенные хитрости. Имеются случаи получения образцов голоса при проведении оперативно-розыскных мероприятий. В оперативном подразделении происходит снятие с образцов голоса грифа секретности и их изъятие. В связи с этим поручение следователя отсутствует, также отсутствует

подмена следственных действий, поскольку в данном случае происходит сбор образцов для сравнительного исследования, целью которого является проверка заподозренного лица на причастность к совершению преступления [5, с. 23; 1, с. 3–7].

Экспериментальные образцы почерка могут быть получены нехитрым способом, представленным в фильме «Место встречи изменить нельзя», когда Шарапов получает от Фокса образцы почерка. Шараповым был заранее подготовлен текст с необходимым набором словосочетаний. При этом внимание Фокса было предварительно рассеяно намеком на его неграмотность. Указанный способ и по сей день является актуальным.

При получении условно свободных образцов почерка необходимо заранее предусмотреть в документах (протоколы, ходатайства, расписки, заявления и т.п.) использование содержащегося в них собственноручно написанного текста. При этом не стоит ограничиваться общими фразами, формулировки, ответы, пояснения должны быть как можно более развернуты. Данная практика позволит следователю собрать максимальное количество материала для сравнительного исследования.

Обращаясь к УПК РФ, отметим, что в ст. 9 закреплен общий принцип уголовного судопроизводства – запрет на осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Этот принцип является конституционным (ст. 21 Конституции РФ) и является гарантом прав подозреваемых (обвиняемых) на уважительное отношение к ним при производстве следственных действий.

Указанный принцип присутствует и в ч. 2 ст. 202 УПК РФ, согласно которой при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство.

Авторы допускают, что законодатель основывал свое мнение на указанных нормах, вследствие чего посчитал неуместным говорить о принудительном получении образцов для сравнительного исследования.

Разумеется, применение методов опасных для жизни и здоровья человека однозначно недопустимо. И речь в данном случае не идет о том, чтобы при получении образцов подвергать человеческую жизнь, либо здоровье человека опасности. Получение какого-либо «сложного» образца должно осуществляться только экспертом (специалистом) или медицинским (ми) работником (ами) и ни в коем случае не сотрудниками полиции (получение образцов крови, различного рода биологических выделений).

Как указано в словаре Ожегова, честью являются достойные уважения и гордости моральные качества человека, а достоинством – совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе [12]. Таким образом, можно сделать вывод, что честь это то, что думают о тебе окружающие (т. е. «твое лицо в социуме»

как личности), а достоинство, то, что думаешь ты о себе сам (т. е. твоя самооценка независимо от происхождения и положения в социуме).

Авторы полагают, что к унижению чести и достоинства в уголовном судопроизводстве следует относить неподобающее поведение либо поступки по отношению к человеку со стороны каких-либо лиц или организаций, которые в первом случае в глазах окружающих занижают статус человека, в результате чего его репутации наносится непоправимый ущерб (при этом обязательными являются два условия это действия и их публичность), а во втором – задевается самолюбие человека. Следовательно, если метод принудительного изъятия образцов каким-либо образом обесценивает качества личности, порождает чувство стыда, вызывает или может вызвать боль и страдания, то он неправомерен и не может быть допустим.

Поскольку ч. 1 ст. 202 УПК РФ указывает на получение иных образцов для сравнительного исследования, разумно разъяснить, что же может являться образцами и в получении каких образцов может быть получен отказ по причине унижения чести и достоинства человека ?

В соответствии со ст. 9 федерального закона от 31.05.2001 г. № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» образцы для сравнительного исследования это объекты, отображающие свойства или особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые эксперту для проведения исследований и дачи заключения. К таким образцам можно отнести следы зубов, рук, ступней, обуви, шин, образцы биологического происхождения (волос, крови, слюны, спермы, потожировые следы и т.д.), следы разделения на предмете (перекусы, перепилы, перерубы), образцы лакокрасочных материалов и других объектов изымаемых для проведения сравнительного исследования.

Отвечая на вышепоставленные вопросы: «Какие образцы для сравнительного исследования можно отнести к иным?» и «В получении каких образцов может быть получен отказ по причине унижения чести и достоинства человека?», возможно предположить, что из всех вышеперечисленных образцов получение спермы и других биологических выделений являются теми образцами, в получении которых человеком будет дан отказ по причине унижения его чести и достоинства, так как при их получении происходит вмешательство в интимное пространство человека. Следовательно, другие образцы могут быть получены без подобного вмешательства.

Говоря о применении к человеку методов, унижающих его честь и достоинство, необходимо отметить, что они применимы при принудительном получении образцов, т. е. когда лицо по каким-либо причинам отказывается их предоставлять. В результате чего сотрудники полиции вынуждены применять методы, которые могут унижить честь и достоинство гражданина. В связи с этим законодателю в первую очередь следует разъяснить, каковы границы принуждения при получении образцов.

На основании изложенного авторы полагают, что для разрешения уголовных дел необходимо закрепить в законе порядок принудительного получения у подозреваемого (обвиняемого) образцов для сравнительного исследования и тем самым поста-

вить под защиту права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. В ином случае следователь (дознатель) не вправе проводить какие-либо следственные действия в принудительном порядке, поскольку он может быть обвинен в нарушении уголовно-процессуального законодательства либо в превышении служебных полномочий.

Кроме того, авторы основывают свою точку зрения на принципах, установленных российским законодательством. Например, в гражданском и административном судопроизводстве при рассмотрении и разрешении дел закреплен общий принцип равенства сторон, где каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений (п. 1 ст. 56 ГПК РФ; ст. 1, п. 1 ст. 62 Кодекса административного судопроизводства).

В законодательстве об административных правонарушениях и уголовном судопроизводстве действует принцип презумпции невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ; ст. 14 УПК РФ). Основываясь на принципе презумпции невиновности, авторы считают, что принудительное получение образцов для сравнительного исследования вполне допустимо, поскольку, как указано в ч. 2 ст. 14 УПК РФ, бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

На основании вышеизложенного авторы полагают, что в УПК РФ следует внести следующие дополнения:

1. Закрепить в законе прямую обязанность подозреваемого (обвиняемого) предоставлять на основании мотивированного постановления следователя (дознателя) необходимые образцы для сравнительного исследования. Уклонение от исполнения данной юридической обязанности следует расценивать как воспрепятствование производству по уголовному делу, что, в свою очередь, повлекло бы определенные негативные последствия для подозреваемого (обвиняемого) и позволило бы следователю (дознателю) получить данные образцы принудительно. Прописав в законе порядок (процедуру) принудительного получения образцов для сравнительного исследования.

2. Предоставить полномочия следователю (дознателю) на обращение в суд с ходатайством о принудительном получении образцов для сравнительного исследования у подозреваемого (обвиняемого) в тех случаях, когда они отказались предоставить их добровольно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ануфриева Е.А. Проблемы назначения фоноскопической экспертизы при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений // Рос. следователь. – 2015. – № 22. – С. 3–7.

2. Жбанков В.А. Получение образцов для сравнительного исследования. – М., 1992. – 55 с.

3. Зайцева Е.А., Ширяева Т.И. Предоставление образцов для сравнительного исследования: право или обязанность потерпевшего // Судебная экспертиза. – 2014. – № 3 (39). – С. 7–19.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86, 89 УПК РФ и статьями 2 и 6 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

5. Оленин Г.В. Экспертиза цифровой аудио- и видеозаписи. Применение в следственной практике устройств цифровой фиксации аудио- и видеоинформации // Эксперт-криминалист. – 2009. – № 2. – С. 21–23.

6. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). – М.: Юристъ, 1999. – 392 с.

7. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – М., 2002. – С. 36–37.

8. Скибинский А.В. Получение образцов для сравнительного исследования // Уголовный процесс. – 2006. – № 1. – С. 61–64.

9. Смолькова И.В. Допустимо ли принуждение при получении образцов для сравнительного исследования в российском уголовном судопроизводстве? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 4 (87). – С. 148–154.

10. Степанов В.В. Правовые основы и доказательственное значение освидетельствования в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. – 2003. – № 2. – С. 23–27.

11. Уголовный процесс: проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. – М.: Юрайт, 2013. – 799 с.

12. Ожегов С.И. Толковый словарь. URL:[https:// gufo.me/dict](https://gufo.me/dict) (дата обращения 23.11.2019).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Anufrieva E.A. Problemy naznacheniya fonoskopicheskoy ekspertizy pri raskrytii i rassledovanii korrupcionnyh prestuplenij // Rossijskij sledovatel'. – 2015. – № 22. – S. 3–7.

2. Zhbankov V.A. Poluchenie obrazcov dlya sravnitel'nogo issledovaniya. – M., 1992. – 55 p.

3. Zajceva E.A., Shiryayeva T.I. Predostavlenie obrazcov dlya sravnitel'nogo issledovaniya: pravo ili obyazannost' poterpevshego // Sudebnaya ekspertiza. – 2014. – № 3 (39). – S. 7–19.

4. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Buhrova Dmitriya Yur'evicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu chetvertoj stat'i 21, stat'yami 84, 86, 89 UPK RF i stat'yami 2 i 6 Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24 yanvaryaya 2008 g. № 104-O-O // SPS «Konsul'tantPlyus».

5. Olenin G.V. Ekspertiza cifrovoj audio- i videozapisi. Primenenie v sledstvennoj praktike ustrojstv cifrovoj fiksacii audio- i videoinformacii // Ekspert-kriminalist. – 2009. – № 2. – S. 21–23.
6. Petruhin I.L. Chelovek i vlast' (v sfere bor'by s prestupnost'yu). – M.: Yurist, 1999. – 392 p.
7. Rossinskaya E.R. Problemy ispol'zovaniya special'nyh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj prinyatiyu novogo Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii. – M., 2002. – S. 36–37.
8. Skibinskij A.V. Poluchenie obrazcov dlya sravnitel'nogo issledovaniya // Ugolovnyj process. – 2006. – № 1. – S. 61–64.
9. Smol'kova I.V. Dopustimo li prinuzhdenie pri poluchenii obrazcov dlya sravnitel'nogo issledovaniya v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve? // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (87). – S. 148–154.
10. Stepanov V.V. Pravovye osnovy i dokazatel'stvennoe znachenie osvidetel'stvovaniya v ugovnom sudoproizvodstve // Advokatskaya praktika. – 2003. – № 2. – S. 23–27.
11. Ugolovnyj process: problemnye lekcii / pod red. V.T. Tomina, I.A. Zinchenko. – M.: Yurajt, 2013. – 799 p.
12. Ozhegov S.I. Dictionary. URL: <https://gufo.me/dict> (accessed 11/23/2019).

УДК: 343.14; 343.985

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10037

Родивилина Виктория Александровна

доцент кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института
МВД России

кандидат юридических наук

E-mail: 377b@bk.ru

Rodivilina Victoria Aleksandrovna

Associate Professor of the Department
of Criminalistics East-Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Law

E-mail: 377b@bk.ru

Цуканов Николай Николаевич

заместитель начальника Сибирского
юридического института МВД России
(по научной работе)

доктор юридических наук, доцент

Tsukanov Nikolay Nikolaevich

Deputy Head of the Siberian Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(for scientific work)

Doctor of Law, Associate Professor

ИЗЪЯТИЕ И ОСМОТР МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА КАК ЭЛЕКТРОННОГО НОСИТЕЛЯ ИНФОРМАЦИИ

Введение: средства телекоммуникации в настоящее время являются неотъемлемой частью жизнедеятельности любого человека и умеют хранить и передавать всевозможные виды информации. Само устройство может стать источником получения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, локальные нормативные акты. Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод научного познания, позволивший полно и всесторонне рассмотреть особенности проведения следственных действий, в ходе которых возможно изъятие телекоммуникационных технических средств. Также использовались методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: в статье анализируются криминалистические и процессуальные аспекты осмотра мобильных телефонов. Даются отдельные рекомендации по тактике проведения изъятия и осмотра телекоммуникационных средств,

рассматриваются общие требования и основания для проведения осмотра мобильных телефонов. Акцентируется внимание на тайне переписки и телефонных переговоров.

Выводы и заключения: авторы обращают внимание на пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве и некоторые неточности, требующие устранения.

Ключевые слова: технические средства, телекоммуникационные средства, электронные доказательства, электронный носитель информации, цифровая информация, тайна переписки и телефонных переговоров, следственные действия, изъятие информации.

SEIZURE AND INSPECTION OF MOBILE PHONE AS ELECTRONIC INFORMATION MEDIUM

Introduction: Telecommunications is now an integral part of any person's life and is able to store and transmit all kinds of information. The device itself can become a source of traces of crime, clarification of other circumstances relevant to the criminal case.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation, local normative acts. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which allowed fully and comprehensive considering of the peculiarities to carry out investigative actions, during which it is possible to remove telecommunication technical means, as well as in what cases it is possible to examine them, the need to obtain a court decision for this purpose. Methods of logical derivation, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description were also used.

Results of the study: the article analyses the forensic and procedural aspects of mobile phone inspection. Several recommendations are made on tactics for the seizure and inspection of telecommunications equipment, and general requirements and grounds for the inspection of mobile phones are considered. Emphasis is placed on the secrecy of correspondence and telephone conversations.

Conclusions and conclusions: the authors draw attention to gaps in criminal procedure legislation and some inaccuracies that need to be addressed.

Key words: technical means, telecommunication means, electronic evidence, electronic information medium, digital information, secret of correspondence and telephone conversations, investigative actions, seizure of information.

Технический прогресс и его результаты перестали быть исключительной прерогативой государства, военных, космических и иных высокотехнологичных структур, получив широкое распространение в быту. Сейчас практически каждый человек

имеет собственный смартфон, представляющий собой современное вычислительное устройство, снабженное мощным аппаратным комплексом и сложным программным обеспечением. Значение мобильного устройства для коммуникации и ведения дел вовлекло его в социальные процессы.

Мобильный телефон, изначально предназначенный для голосовых звонков и обмена короткими текстовыми сообщениями, сейчас умеет хранить всевозможные виды информации, создавать и воспроизводить текстовые, графические, аудио- и видеофайлы, передавать информацию по различным каналам: электронной почте, мессенджерам и т.д. Он постоянно соединяется через сеть Интернет со всевозможными серверами, отправляя на них и получая с них информацию. Разнообразные приложения позволяют не только общаться, но и вести финансовые дела, управлять счетами в банках, использовать устройство для оплаты и получения платежей.

Как верно отметила Е.И. Третьякова, в настоящее время «средство мобильной связи становится чаще всего не предметом преступного посягательства, а средством его совершения. И в этом случае наибольший интерес представляет не сам предмет с его внешними индивидуальными характеристиками, а информация, хранящаяся в его памяти» [9, с. 49].

Все это породило всевозможные сценарии использования мобильных устройств и вполне логично, что часть из этих сценариев – криминальные. Соответственно, само устройство может стать источником получения информации о совершенном или готовящемся преступлении, а также собрать интересующие правоохранительные органы сведения о лице и его действиях [10]. Как показывает статистика, мобильные устройства чаще всего становятся орудиями совершения мошенничеств, преступлений в сфере компьютерной информации, используются при незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ.

Законодательство по мере развития научно-технического прогресса, совершенствования компьютерной техники, появления новых видов коммуникаций между людьми включало все новые и новые виды правовых средств, направленных на использование информационных технологий для собирания доказательственной цифровой информации. Особенно это проявляется в сфере развития телефонной связи, электронного наблюдения, геолокации и геоинформационных систем, аналитической деятельности при добывании информации в компьютерных сетях и всевозможных базах данных.

Информационная природа электронных средств доказывания состоит в том, что сведения в них представлены в форме особого вида информации – цифровой информации, т.е. сведений, закодированных в двоичной системе исчисления и передаваемых посредством сигналов, не воспринимаемых человеком непосредственно.

Правоохранительные органы, осознавая высокую криминалистическую значимость информации, которую можно получить с мобильного устройства, уделяют им особое внимание. В то же время, по замечанию Н.А. Архиповой «практические работники нередко недооценивают технические возможности средств сотовой связи по

хранению в них текстовой, звуковой информации, фото- и видеозаписей, сведений о входящих и исходящих телефонных номерах, содержание SMS-, EMS-, MMS-сообщений, что приводит к сужению доказательственной базы уголовного дела» [1, с. 16].

Изъятие телекоммуникационных средств связи возможно при таких следственных действиях, как осмотр места происшествия, жилища, помещений, выемка, обыск, личный обыск. Отметим, что для производства осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыска и выемки в жилище, выемки в ломбарде, личного обыска (за исключением личного обыска задержанного) требуется разрешение суда, либо после их производства в случаях, не терпящих отлагательств, суд проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности. Следовательно, судебное решение на осмотр информации о соединениях абонентских устройств, если оно получено в ходе одного из перечисленных следственных действий, следователю (дознавателю) получать не надо, равно как и при извлечении данных из записной книжки, заметок в календаре.

Аналогичную позицию занимает и Верховный суд Российской Федерации. Так, рассматривая кассационные жалобы на приговор Верховного суда Республики Хакасия, в которых среди прочего говорилось, что осмотр изъятого у осужденного мобильного телефона, содержащего данные о его телефонных переговорах, проведен с нарушением закона ввиду отсутствия судебного решения, Верховный суд РФ указал, что осмотр мобильного телефона проведен следователем в соответствии со ст. 176 УПК РФ и для этого не требовалось судебного решения [4].

На месте обнаружения мобильного устройства, прежде всего, следует предпринять действия, исключающие утрату возможных доказательств. Для этого следователю необходимо:

- исключать прикосновение к мобильным устройствам других участников следственного действия, а также посторонних лиц, выключение устройств;
- при осмотре устройства не совершать действий, результат которых следователю не известен;
- мобильное устройство следует перенести в помещение, в котором будет исключено воздействие на него посторонних веществ, материалов и излучений.

Мобильные устройства, с помощью которых совершаются преступления в сфере информационных технологий, оставляют специфические следы, на поиск которых должна быть ориентирована деятельность следователя.

Условно эти следы можно разделить на следующие виды:

- электронные динамические следы, т. е. следы о времени, частоте, характере и содержании соединения с другими абонентами или устройствами (серверами);
- электронные следы на устройстве, т. е. записи в телефонных книжках, заметках, справочниках, фотографии, электронные файлы, установленные программы и т.д.;
- следы на SIM-карте, т. е. физические и электронные следы, оставленные непосредственно на чипе карты или в его памяти.

В настоящее время единого мнения о том, в каком состоянии следует изымать устройство (включенном или выключенном), нет. Так, О.С. Бутенко и В.А. Расчетов рекомендуют в том случае, если к моменту осмотра телефон был включен, проводить конструктивный осмотр только после изучения его информационной среды (включает изучение и фиксацию сведений, которые содержатся в памяти мобильного телефона, флеш-карты, SIM-карты) [2, с. 30]. А.Н. Архипова установила, что электронные устройства чаще всего изымаются в выключенном состоянии. Она дает рекомендации о том, что в ходе осмотра места происшествия, осмотра помещений или участка местности, а также обыска и выемки устройство следует описать и сфотографировать во включенном состоянии, после чего отключить и изъять в выключенном состоянии. Она указывает, что это позволит сохранить информацию, хранящуюся в устройстве, от уничтожения [1, с. 17]. Это связано с тем, что современные устройства постоянно сопряжены с удаленными серверами и пользователь имеет возможность управлять находящейся в устройствах информацией – модифицировать ее, блокировать или уничтожать. В частности, такая функция является базовой для всех устройств под управлением OS Android и iOS. Г.В. Семенов дает противоположные рекомендации, указывая, что «в случае изъятия мобильного устройства не следует отключать его, так как при дальнейшем включении могут возникнуть проблемы с разблокировкой, которые необходимы для работы мобильного устройства и соответственно исследования его содержимого» [5, с. 47]. Думается, позиция А.Н. Архиповой более правильная. Несмотря на то, что при последующем включении устройство, вероятно потребует введения PIN-кода и иных средств, обойти их с применением современных программных и аппаратных средств не так сложно. По крайней мере, риск утраты информации в результате удаленного доступа пользователя гораздо выше, чем риск от возможного блокирования устройства при его выключении.

Идеальным решением следует признать помещение устройства во включенном состоянии в такое помещение или упаковку, которое бы исключало соединение его с сетью, либо включение в работу специального устройства, блокирующего действие сотовой связи в периметре нахождения устройства.

Отметим, что электронная почта изымается по правилам общей выемки (ч. 3¹ ст. 183 УПК РФ) или по правилам обыска (ч. 9¹ ст. 182 УПК РФ). Исключение составляет дипломатическая почта, в отношении которой применяется особый правовой режим, вытекающий из иммунитета дипломатических и консульских представительств иностранных государств, находящихся на территории России.

Как верно отмечено К.А. Виноградовой и Л.А. Савиной, при анализе законодательства «у следователя нет возможности проводить осмотр электронных устройств и электронной информации в качестве самостоятельного следственного действия» [3, с. 58]. Поэтому все, что ему остается – проводить осмотр предметов.

Мобильное устройство, представляющее собой сложный аппаратно-программный комплекс, подлежит осмотру, как и любой другой предмет, в порядке ст. ст. 176–180 УПК РФ. Отличие осмотра обычных предметов от осмотра мобильных устройств заключается в том, что основная часть информации не может быть воспри-

нята непосредственно, с помощью человеческих органов чувств, в связи с чем для этих целей используются специальные технические приспособления и программное обеспечение.

Применение программного комплекса «Мобильный криминалист», программно-аппаратных комплексов Ufed touch logical (UFED), CellXtract и других фактически представляет собой не осмотр в привычном его понимании, а осмотр с элементами криминалистического исследования. В этой связи, например, Н.Н. Федоров вообще утверждает, что следует проводить не осмотр, а экспертизу мобильного устройства [7, с. 21]. С.Ю. Скобелин утверждает, что осмотр предполагает собирание доказательств путем непосредственного внешнего наблюдения за объектом. А при использовании специальных устройств исследуется содержимое памяти устройства, восстанавливается удаленная информация, что уже ближе не к внешнему осмотру, а к компьютерно-техническому исследованию. Осмотру скорее должна подлежать сводка об извлечении, полученная в результате использования специальных знаний и устройств, а не сам телефон [6, с. 90]. Не согласимся с данной точкой зрения и в качестве аргументации проведем следующую аналогию: при использовании осветительного фонарика в ходе осмотра в темном месте видны следы, которые невозможно увидеть при непосредственном внешнем наблюдении. Так и «удаленные» электронные документы, которые на самом деле лишь называются так операционной системой, видны при восстановлении с помощью различных программ. Организационные сложности, связанные, прежде всего, с загруженностью работы экспертов и утратой в связи с этим оперативности расследования, требуют от следователя самостоятельности при получении информации с изъятых устройств. Таким образом, считаем, что следует проводить осмотр телекоммуникационных устройств.

Под осмотром понимается деятельность следователя, осуществляемая им в предусмотренном УПК РФ порядке, в ходе которого осуществляется обнаружение, выяснение и фиксация обстоятельств, которые имеют значение для уголовного дела.

В качестве процессуальной гарантии законного и обоснованного вмешательства правоохранительных органов в частную жизнь граждан и в связанные с ней тайны, в Конституции РФ установлено получение судебного разрешения на ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23), проникновение в жилище против воли проживающих в нем лиц (ст. 25).

Перед проведением осмотра мобильного устройства следует получить согласие его владельца или судебное разрешение, так как содержащаяся в нем информация составляет тайну переписки и личной жизни его владельца. Как правило, обвиняемые и подозреваемые против такого действия, в связи с этим судебное разрешение становится обязательно. Потерпевшие, напротив, как правило, дают такое согласие. В том случае, если владелец устройства не установлен, следует получить судебное разрешение в установленном порядке. В противном случае полученные сведения могут быть признаны недопустимыми доказательствами.

Понятые и другие участники осмотра должны быть предупреждены о недопу-

стимости разглашения сведений, полученных в ходе исследования мобильного устройства. Как совершенно верно предлагает И.В. Смолькова, в таких случаях следует отбирать подписку у понятых о неразглашении данных предварительного расследования и привлекать к участию в качестве понятых тех лиц, которые не являются знакомыми [8, с. 167] с лицами, которым принадлежит средство телекоммуникации.

Все производимые в ходе осмотра действия, а также получаемая информация в соответствии с требованиями УПК РФ должны быть зафиксированы в протоколе осмотра.

Обобщая теоретический и практический опыт, отметим, что в настоящее время имеются пробелы и некоторые неточности в законодательстве, из-за которых совершаются ошибки, приводящие к недопустимости доказательств и нарушению конституционных прав граждан. Имеется необходимость во внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство с учетом технического прогресса, с работой с электронной (цифровой) информацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архипова Н.А. К вопросу об использовании возможностей средств мобильной связи в раскрытии и расследовании преступлений // Криминалистические чтения: сб. материалов / Барнаульский юрид. институт МВД России. – 2014. – № 10. – С. 16–17.
2. Бутенко О.С., Расчетов В.А. Возможности изучения мобильных телефонов в рамках предварительного следствия // Современные инновации: актуальные направления научных исследований: сб. науч. трудов по мат-лам VII междунар. науч.-практич. конф. – М.: Проблемы науки, 2017. – С. 30–32.
3. Виноградова К.А., Савина Л.А. Изъятие и осмотр мобильных телефонов и находящейся на них электронной информации по преступлениям, совершенным военнослужащими // Вестник военного права. – 2019. – № 2. – С. 55–58.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-на Т.Н. Алексеевича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 176 и ч. 1 ст. 285 УПК РФ: определение Конституционного суда Российской Федерации от 8 апр. 2010 г. № 433-0-0 (Извлечение) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 11.08.2019).
5. Семенов Г.В. Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций: монография. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 336 с.
6. Скобелин С.Ю. Возможности получения криминалистически значимой информации при осмотре мобильных средств связи и пределы ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. – Воронеж, 2017. – № 1. – С. 89–98.
7. Следственный осмотр. Понятие, виды и доказательственное значение: учебно-практическое пособие / отв. ред. О.А. Луценко. – Элиста, 2007. – 121 с.

8. Смолькова И.В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве: монография – М.: Юрлитинформ, 2014. – 352 с.

9. Третьякова Е.И. Мобильный телефон как источник криминалистически значимой информации // Вестник Уральского финансово-юридического института. – 2018. – № 3 (13). – С. 49–51.

10. Шувалов М.Н., Шувалова А.М. Применение криминалистической техники при расследовании коррупционных преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 12. – С. 210–214.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Arhipova N.A. To the question of the use of mobile communication facilities in the detection and investigation of crimes. – Barnaul, 2014. – № 10. – P. 16–17.

2. Butenko O.S., Raschetov V.A. Possibilities of studying mobile phones within the framework of the preliminary investigation // Modern innovations: current directions of scientific research. – M.: Problems of science. – 2017. – P. 30–32.

3. Vinogradova K.A., Savina L.A. Seizure and inspection of mobile phones and electronic information on crimes committed by military personnel // Military Law Gazette. – 2019. – № 2. – P. 55–58.

4. About refusal in acceptance to consideration of the complaint to T.N. Alekseevich on violation of his constitutional rights part one of Article 176 and part one of Article 285 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 8, 2010 No 433-0-0 (Extraction) // Union of Right Forces "Consultant Plus". (Date of appeal 11.08.2019).

5. Semenov G.V. Investigation of crimes in the field of mobile telecommunications: monograph. – M., 2008. – 336 p.

6. Skobelin S.Y. Possibilities of obtaining criminological significant information when examining mobile means of communication and limits of restriction of constitutional rights of citizens to confidentiality of correspondence // Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, disclosure and investigation of crimes. Publishing House Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 1. – P. 89–98.

7. Investigative examination. Concept, types and evidentiary meaning: Study. Allowance / Hole. Ed. O.A. Lutsenko. – Elista, 2007. – 121 p.

8. Smolkova I.V. Current problems of secrets protected by federal law in Russian criminal proceedings: monogorsk. – M.: Jurlitinform, 2014. – 352 p.

9. Tretiakova E.I. Mobile Phone as a source of forensic information // Journal of the Ural Financial and Legal Institute. – 2018. – № 3 (13). – P. 49–51.

10. Shuvalov M.N., Shuvalova A.M. Use of forensic technology in the investigation of corruption crimes // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2016. – № 12. – P. 210–214.

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10038

Удовиченко Виктор Сергеевич

старший преподаватель кафедры
уголовного процесса Барнаульского
юридического института МВД России
E-mail: viktorudovichenko@yandex.ru

Udovichenko Victor Sergeevich

senior tutor of the Department of criminal
procedure of the Barnaul Law Institute of
the Ministry of Interior of Russia
E-mail: viktorudovichenko@yandex.ru

Васильков Константин Александрович

следователь отдела по расследованию
дорожно-транспортных происшествий
следственного управления УМВД Рос-
сии по г. Барнаулу
E-mail: konstantin.vasilkov.95@mail.ru

Vasilkov Konstantin Alexandrovich

Investigator of the Department for Investiga-
tion of Road Traffic Crimes of the Investiga-
tion Department of the Ministry of Interior of
the Russian Federation for Barnaul
E-mail: konstantin.vasilkov.95@mail.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА
«ПОДОЗРЕВАЕМОГО» КАК ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ
МЕРА В РАМКАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
ЛИЦА ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ**

Введение: исследование посвящено одной из дискуссионных проблем уголовно-процессуального права – правовому положению лиц при осуществлении проверки сообщения о преступлении в отношении последних. Особое внимание уделено фактическому положению «заподозренного» и проблеме регламентации и реализации его прав в действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания. Кроме того, использованы методы анализа, сравнения и наблюдения.

Результаты исследования: на основе анализа эмпирического материала и современных норм уголовно-процессуального закона авторы пришли к убеждению о существовании пробелов при регламентации прав лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении, и предложили алгоритм совершенствова-

ния статуса указанных лиц как предупредительно-профилактической меры при реализации прав последних.

Выводы и заключения: на основании изученного практического материала (с учетом позиции сформированной судебной практики и подходов научной общественности) авторами предложены законодательные изменения превентивного характера, нацеленные на развитие правовой и, следовательно, практической защищенности личности, а также обеспечение ее правосубъектности на этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: первичная превенция, подозрение, процессуальный статус, привлечение подозреваемого.

IMPROVEMENT OF THE PROCEDURAL STATUS OF “SUSPECTED” AS A PREVENTIVE PRECAUTIONARY MEASURE IN THE CONTEXT OF ENSURING PERSONAL RIGHTS WHEN CHECKING A CRIMINAL REPORT

Introduction: the study is devoted to one of the debatable problems of criminal procedure law from the theoretical and legal side, namely, the validity of the legal status of persons in the implementation of verification of reports of a crime against the latter is analyzed. Special attention is paid to the actual situation of the "suspect" and the problem of regulation and implementation of his rights in the current criminal procedure legislation.

Materials and methods: the methodological basis of the study is the General dialectical method of cognition. Logical, system methods of research, as well as methods of analysis, description, generalization are used.

Results of the study: in the course of the study, the authors analyzed empirical material, as well as modern norms of the criminal procedure law; as a result, it is concluded that there are gaps in the regulation of the rights of persons in respect of whom the verification of reports of a crime is carried out. The algorithm of improvement of the status of the specified person and its consideration as preventive measure at realization of the rights of the last is offered.

Conclusions and conclusions: on the basis of the studied practical material (taking into account the position formed by the judicial practice and approaches of the scientific community), the authors proposed legislative changes of a preventive nature, aimed at developing legal and, therefore, practical protection of the person, as well as ensuring its legal personality at the stage of deciding to initiate a criminal case.

Key words: primary prevention, suspicion, procedural status, involvement of the suspect.

В рамках российской правовой действительности крайне актуальна тема соблюдения и обеспечения прав и свобод человека. В науке уголовного процесса вопрос об алгоритме наделения лица статусом подозреваемого разрабатывался в разное время учеными, среди которых: М.З. Абесалашвили, А.К. Аверченко, В.Ю. Белицкий, В.В. Велигородский, А.А. Давлетов, Л.М. Карнеева, В.В. Кальницкий, Н.А. Козловский, И.А. Пантелеев, И.А. Ретюнских, П.А. Смирнов, И.В. Смолькова, В.Ю. Стельмах, М.С. Строгович, А.А. Чувилев, Ю.К. Якимович и др. Особенно это касается вопросов уголовного судопроизводства и привлечения лица к уголовной ответственности. Мы согласны с позицией профессора Ю.К. Якимовича, который писал, что «...у потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого имеется достаточно широкий круг прав, используя которые, они могут влиять не только на ход, но в той или иной степени на исход уголовного дела» [10, с. 113]. Именно поэтому их реализации на всех этапах уголовного судопроизводства уделяется пристальное внимание [9, с. 67–69]. Однако вопрос о существовании такого статуса, как «заподозренный» вызывает предметную дискуссию среди ученых процессуалистов [3, с. 70–77; 4, с. 107–111; 5, с. 17–21; 6, с. 70–77; 7, с. 1474–1480]. С одной стороны, теоретическое существование данного статуса хотя бы фигурально, но настраивает ученых на поиск несовершенства уголовного процессуального закона в области обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и пробелов превентивного характера, что, как следствие, ведет к «придумыванию» новых статусов. С другой стороны, все это наталкивает на мысли о необходимости совершенствования действующего процессуального статуса подозреваемого. Полагаем, мнение ученых второй позиции представляется более обоснованным. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в ч. 1 ст. 46 дает характеристику процессуальному статусу подозреваемого, указывая лишь на четыре основания его появления в уголовном судопроизводстве (возбуждение в отношении конкретного лица уголовного дела, избрание меры пресечения до предъявления обвинения, задержание в порядке ст. 91 УПК РФ, уведомление о подозрении в рамках производства дознания). Поддерживая позицию В.Ю. Стельмаха, который отметил, что «...возникновение уголовно-процессуального статуса подозреваемого по-прежнему происходит по формальным основаниям. Для этого требуется наличие определенного законом документа, до составления которого подозреваемым лицом не считается, несмотря на фактически имеющиеся сведения о его причастности к совершению преступления» [8, с. 51], мы полагаем, что на современном этапе развития уголовно-процессуального закона назрела потребность совершенствования комплекса норм права, регулирующих статус подозреваемого, а именно вопроса его приобретения соответствующим лицом. Считаем, что необходимость появления процессуального статуса подозреваемого обусловлена самой его сущностью и должна неотъемлемо сопровождаться правом на комплексную защиту. Аргументируем свою позицию.

Во-первых, при определении признаков, наполняющих процессуальный статус «подозреваемый», не следует ограничиваться только лишь основаниями появления данного субъекта в процессе расследования.

Обратимся к постановлению Конституционного суда Российской Федерации от 27.06.2000. № 11-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова, в котором орган правосудия в п. 3 указал, что «факт уголовного преследования может подтверждаться: а) проведением в отношении лица следственных действий; б) любыми иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии с ч. 1 ст. 51 Конституции РФ права не давать показаний против самого себя)»¹. На основании этого можно задать вопрос: как определить момент приобретения статуса подозреваемого и момент начала уголовного преследования фактически?

Думается необходимо связать словосочетание «факт уголовного преследования» с термином «подозрение», поскольку, если у органов следствия (дознания) есть подозрение в отношении конкретного лица, что именно оно совершило преступление, то уголовное преследование фактически уже осуществляется. Как следствие, если принимаются меры по изобличению лица в совершении преступления, значит на данном этапе уже необходимо обеспечивать права лица, в отношении которого выражается подозрение.

Во-вторых, актуальность, необходимость и практическая значимость высказанного предложения обосновываются тем, что в соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ у лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, есть три права согласно ст. 144 УПК РФ, в то время как в ч. 4 ст. 46 УПК РФ их предусмотрено больше. Причем отдельные из них могут существенно повлиять на дальнейший ход расследования уголовного дела и формирование правовой позиции (п. 3 «пользоваться помощью защитника», п. 5 «заявлять ходатайства и отводы», п. 8 «знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием и подавать на них замечания», и т.д.). Есть и более значимые права, которые начинают действовать только после приобретения статуса «подозреваемого». К примеру, ознакомление с постановлениями о назначении судебных экспертиз, которые в форме заключений, как правило, в последующем закладываются в основу обвинения (особенно по делам о дорожно-транспортных происшествиях, далее – ДТП). Предположив, что лицо, в отношении которого есть подозрение в совершении преступления (особенно в условиях очевидности), может ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и ходатайствовать о постановке дополнительного вопроса, такой исход может уберечь от привлечения к уголовной ответственности невиновного. Особенно актуальна реализация данных прав в тех ситуациях, когда проверка сообщения о преступлениях может производиться от одного месяца до полугода (сообщения о ДТП, причинение тяжкого вреда здоровью, экономические преступления).

В ходе анализа материалов предварительной проверки в ОМВД России по Первомайскому району, ОМВД России по Павловскому району, ОМВД России по Заринскому району, СУ УМВД России по г. Барнаулу было установлено, что из 50 материалов предварительной проверки о ДТП в период с 01.09.2018 по 01.02.2019 г. были

¹ Рос. газ. 2000. 4 июля.

возбуждены уголовные дела по 26 материалам – 52 % (при этом в 100 % случаев неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, затем отменялись и возвращались для проведения дополнительной проверки, в некоторых случаях общий срок таких проверок составлял до 2–3-х месяцев), вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по 14 материалам (28 %), а по 10 (20 %) оставшимся шла проверка сообщения о преступлении, из них по 4 (8 %) назначены комплексные или комиссионные экспертизы, по 2 (4 %) не установлено местонахождение основных фигурантов, по 4 (8 %) проводились дополнительные следственные действия, направленные на установление основания и повода для возбуждения уголовного дела или же основания для отказа в возбуждении уголовного дела. Из анализа этих же материалов следует, что в 44 материалах (88 %) имелись ходатайства об ознакомлении с материалами предварительной проверки, однако в 100 % случаев такие постановления не удовлетворяются, поскольку у лиц, их заявляющих, нет юридически оформленного процессуального статуса.

Причину такого длительного срока проверки сообщения о преступлении можно обосновать п. 6 ст. 148 УПК РФ, который гласит, что «...признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, соответствующий руководитель следственного органа отменяет его и возбуждает уголовное дело либо направляет материалы для дополнительной проверки со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения»¹.

Кроме того, целесообразно в данной ситуации привести норму, закрепленную в п. 58 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, которая гласит, что «участники уголовного судопроизводства – это лица, принимающие участие в уголовном процессе»², поэтому, полагаем, что об уголовном процессе речь уже идет с момента поступления сообщения о преступлении в дежурную часть территориального органа; соответственно, лица в нем участвующие уже должны наделяться процессуальным статусом, в том числе и подозреваемый.

В-третьих, Пленум Верховного суда в своем постановлении от 30.06.2015 № 29 в п. 1 указывает, что «правом на защиту обладает лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ, независимо от формального процессуального статуса такого лица»³. В данном случае полагаем, что словосочетание «право на защиту» трактуется расширительно, включая все законные средства защиты, а не только использование услуг защитника (адвоката). Таким образом, имеется нерегламентированный правовой пробел, который разрывает судебную практику Высшего суда Российской Федерации и основного кодифицированного акта

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (действующая редакция). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 03.08.2019).

² Там же.

³ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2015 № 29. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 03.08.2019).

процессуального регулирования в России, что еще раз наталкивает на мысль о необходимости его восполнения.

Ранее нами были приведены основания появления подозреваемого в уголовном процессе, полагаем, что с учетом вышеизложенного, а также учитывая правоприменительную практику, они несовершенно. Рассмотрим их подробнее.

1. Лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Из анализа 100 уголовных дел ОМВД России по Первомайскому району, СУ УМВД России по г. Барнаулу, возбужденных в период с 01.09.2018 по 01.02.2019 г., только в одном из них (1 %) было возбуждено уголовное дело в отношении конкретного лица (ч. 1 ст. 264 УК РФ). Все остальные 99 (99 %) возбуждались по факту совершения преступления в отношении неустановленного лица. Объясняется это тем, что в дальнейшем в случае прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям лицо будет иметь право на реабилитацию. Отметим, что причины прекращения, как показывает практика, могут быть самые различные: у лица, в отношении которого оно было возбуждено, возникает право на реабилитацию, что в условиях современных реалий негативно скажется на результативности работы всего территориального органа внутренних дел, а также обусловит предъявление от бывшего подозреваемого иска к ГУ МВД по соответствующему субъекту, а в дальнейшем – взыскание денежных средств в порядке регресса с лица, производившего расследование.

2. Лицо, которое задержано в соответствии со ст. ст. 91, 92 УПК РФ. При задержании лица в указанном порядке в дальнейшем ему необходимо избрать меру пресечения в виде заключения под стражу в течение 48 часов или же продлить срок задержания до 72 часов, а после избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу – предъявить обвинение в течение 10 суток, что негативно сказывается на качестве расследования, ведь в таком случае необходимо выполнить весь комплекс следственных действий для того, чтобы сформировать постановление о привлечении в качестве обвиняемого, а именно выяснить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Данная спешка в 100 % случаев приводит к перепредъявлению обвинения, поскольку срок производства судебных экспертиз (к примеру, медицинской) не зависит от темпа расследования уголовного дела.

3. Лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения. В данном случае несовершенно указанного основания описаны в предыдущем пункте, поскольку ст. 100 УПК РФ едины для всех.

4. Лицо, которое, уведомлено о подозрении. Данное уведомление не содержит очевидных изъянов, однако действует только в случае производства дознания, не касаясь предварительного следствия, что в дальнейшем детерминирует исследуемую проблему.

Таким образом, опираясь на вышесказанное, полагаем, что целесообразно в сложившейся правовой и фактической действительности определить термин «подозрение» (в рамках уголовного судопроизводства), указав, что это «*предположение следователя, дознавателя, органа дознания о совершении преступления конкретным лицом*» (с обязательным закреплением его в ст. 5 УПК РФ).

Подозрение должно быть оформлено процессуально и подтверждаться фактическими обстоятельствами. Фактические обстоятельства, подтверждающие подозрение, на наш взгляд, могут быть трёх видов:

1) явка с повинной лица, совершившего преступление, которая обязательно должна содержать отметку о разъяснении лицу прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ, и даваться лицом в присутствии защитника;

2) очевидцы (свидетели) указали на данное лицо, как на лицо, совершившее преступление, что должно быть подтверждено документально (объяснения или протоколы допроса свидетелей);

3) информация, полученная путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, оформленная и предоставленная следователю в порядке, установленном законом.

Данные обстоятельства должны быть закреплены процессуально, поэтому мы предлагаем в корне переработать институт привлечения подозреваемого в уголовно-процессуальную деятельность. Соглашаясь в целом с позицией В.Ю. Белицкого о необходимости введения в уголовно-процессуальное законодательство постановления о признании подозреваемым [1, с. 31], предлагаем его действие расширить на стадию возбуждения уголовного дела. Уточним, что юридически оформлять такое подозрение необходимо путем вынесения постановления о привлечении в качестве подозреваемого.

При этом необходимо внести в УПК РФ новую ст. 46.1. «Постановление о привлечении в качестве подозреваемого», в которой указать:

«1. При наличии фактических оснований подозрения в отношении конкретного лица должно быть вынесено постановление о привлечении в качестве подозреваемого с обязательным участием защитника, в котором ему должны быть разъяснены права, предусмотренные ст. 46 настоящего Кодекса. Копия такого постановления вручается подозреваемому. Подозреваемый должен быть допрошен не позднее 3-х часов с момента вручения постановления о привлечении в качестве подозреваемого.

2. В постановлении о привлечении в качестве подозреваемого должны быть указаны:

1) дата и место его составления;

2) фамилия и инициалы лица, его составившего;

3) описание преступления с указанием места, времени его совершения, а также фактических обстоятельств, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления (явка с повинной; очевидцы (свидетели) указали на данное лицо, как на совершившее преступление; информация получена путем проведения оперативно-розыскных мероприятий);

4) фамилия, имя, отчество подозреваемого, число, месяц и год его рождения;

5) предварительная квалификация содеянного в случае, если уголовное дело еще не возбуждено, или квалификация деяния с указанием пункта, части и статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за

данное преступление, если уголовное дело было возбуждено по факту совершения преступления.

3. При наличии данных, дающих основания подозревать лицо в совершении нескольких преступлений, предусмотренных разными пунктами, частями, статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, в постановлении о привлечении в качестве подозреваемого должно быть указано, в совершении каких именно деяний данное лицо подозревается по каждой из этих норм уголовного закона.

4. При установлении по одному делу и по материалам сообщения о преступлении нескольких подозреваемых постановление о привлечении в качестве подозреваемого составляется в отношении каждого из подозреваемых».

Вынесение такого решения позволит данному участнику уголовного судопроизводства эффективно и комплексно пользоваться правами, указанными в УПК РФ, а не кратким их подобием, указанным в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Следует сказать, что внесение таких изменений должно иметь системный характер, и ст. ст. 46 и 144 УПК РФ необходимо будет также дополнить новым основанием появления подозреваемого и новым средством проверки соответственно.

В рамках рассматриваемого вопроса по изменению закона стоит подойти к институту реабилитации. По официальным данным МВД России из 6 926 193 решений об отказе в возбуждении уголовного дела за январь–декабрь 2017 г. 3 197 402 было отказано по реабилитирующим основаниям (п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а за январь–июнь 2018 г. – из 6 926 193 решений об отказе в возбуждении уголовного дела 6 620 014 было отказано по реабилитирующим основаниям (п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ)¹.

Принимая во внимание данные статистики, а также в целях недопущения злоупотребления правом в данной области, предлагаем дополнить текст п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ словами «после возбуждения уголовного дела» и изложить ее в следующей редакции: «подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части 1 ст. 24 и пунктами 1 и 4–6 части 1 ст. 27 УПК РФ, после возбуждения уголовного дела».

Таким образом, реализация данного предложения поможет комплексно обеспечивать права подозреваемого на всех стадиях уголовного судопроизводства вне зависимости от правоприменительной практики и категории уголовного дела, а также при этом учитывать и соблюдать интересы гражданского общества и правового государства. Предложенный алгоритм может стать эффективной мерой предупредительно-профилактического характера в современном уголовно-процессуальном законе, а также дать почву для новых научных изысканий в указанной сфере. Причем такая мера будет являться «первичной» [2, с. 78–83], поскольку создаст необходимый фундамент для обеспечения прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности, еще до их нарушения, что и отражает всю утопическую природу превенции в праве и, в частности, в уголовном процессе.

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <http://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения 02.08.2019).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белицкий В.Ю. Проблема законодательной регламентации наделения лица статусом подозреваемого // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск, 2019. – С. 29–31.

2. Васильков К.А. Классификация видов превенции в рамках современного правового поля // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 3. – С. 78–83.

3. Давлетов А. А. Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Рос. юрид. журн. – 2015. – № 4. – С. 61–66.

4. Кальницкий В., Булатов Б. Привлечение лица к уголовному преследованию в качестве подозреваемого // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 107–111.

5. Обидина Л. Б. Некоторые вопросы обеспечения прав участников доследственной проверки // Рос. следователь. – 2016. – № 1. – С. 17–21.

6. Смолькова И.В. Нужна ли фигура «заподозренного» в уголовном судопроизводстве? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (90). – С. 70–77.

7. Сопнева Е. В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7 (44). – С. 1474–1480.

8. Стельмах В.Ю. Некоторые актуальные проблемы возникновения процессуального статуса подозреваемого // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4 (42). – С. 51–54.

9. Удовиченко В.С. К вопросу о статусе «подозреваемого» в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении // Вестник БЮИ МВД России. – 2016. – № 2 (31). – С. 67–69.

10. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса и участники уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 1 (14). – С. 113–114.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Belitsky V. Yu. the Problem of legislative regulation of granting a person the status of a suspect // Actual problems of fighting crime: questions of theory and practice. Proceedings of the XXII international scientific and practical conference: in 2 parts. Executive editor N. N. Tsukanov; Federal state educational institution of higher education "Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation". – 2019. – Pp. 29–31.

2. Vasilkov K.A. Classification of types of prevention within the framework of the modern legal field // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3. – S. 78–83.

3. Davletov A. A. The problem of the status of a criminally persecuted person at the stage of initiation of a criminal case // ROS. the faculty of law journal. – 2015. – No. 4. – Pp. 61–66.
4. Kalnitsky V., Bulatov B. Bringing a person to criminal prosecution as a suspect // Criminal law. – 2010. – No. 2. – Pp. 107–111.
5. Obidina L. B. Some questions of ensuring the rights of participants of pre-investigation check // ROS. investigator. – 2016. – No. 1. – Pp. 17–21.
6. Smolkova I. V. whether the figure "suspected" in criminal proceedings is Necessary? // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3 (90). – Pp. 70–77.
7. Apnea E. V. is Suspected as a way of expressing suspicions // Actual problems of Russian law. – 2014. – No. 7 (44). – Pp. 1474–1480.
8. Stelmakh V. Yu. Some actual problems of emergence of the procedural status of the suspect // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2015. – No. 4 (42). – Pp. 51–54.
9. Udovichenko V. S. To the question of the status of "suspect" in the initial screening of reports of crime // journal of BUIS Russia. – 2016. – No. 2 (31). – Pp. 67–69.
10. Yakimovich. J. K. the Parties to the proceedings and participants of criminal procedure activity // the Bulletin of Omsk University. Series "Right". – 2008. – No. 1(14). – Pp. 113–114.

**КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК: 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10039

Андреев Александр Сергеевич
профессор кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности Рос-
товского юридического института МВД
России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: rui@mvd.ru

Andreev Alexander Sergeevich
professor of the Chair of Criminalistics
and Operational-Search Activity Rostov
Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
E-mail: rui@mvd.ru

**К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЧАСТНЫХ МЕТОДИК РАСКРЫТИЯ,
РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ
ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Введение: посткриминальная действительность, как и сама преступность, существует с момента зарождения государства, права и общества. Наличие посткриминальной действительности и ее закономерностей требует криминалистического объяснения и предвидения новых явлений, процессов, ситуаций и даже создания новых или модернизации имеющихся систем знаний. Противодействие правоприменению, начинающееся с сокрытия преступления и участия в нем, воспрепятствование раскрытию, расследованию преступления со стороны субъектов преступления и связанных с ними лиц проявляется в совершении действий, операций, которые выступают не только распространенными и типичными способами и приемами противодействия, но и образуют достаточно большое количество предусмотренных УК РФ составов преступлений.

Материалы и методы: нормативно-правовую базу исследования составили Конституция РФ, уголовное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, статистические данные, анализ 382 уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, гипотетический метод, результаты опроса субъектов предварительного расследования, системный, деятельностный и ситуационные подходы.

Результаты исследования: представлены признаки преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, раскрывающие их криминалистическую сущность; рассмотрены подходы к пониманию частных методик раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия.

Выводы и заключения: существуют теоретические основы и практические потребности создания частных методик раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия.

Ключевые слова: криминалистика, посткриминальная деятельность, противодействие, методика, субсеквентная преступность и преступления.

TO THE ISSUE OF CREATING PRIVATE METHODS OF SOLUTION, INVESTIGATION AND PREVENTION OF CRIMES UNDER CONDITIONS OF POST-CRIMINAL PROTECTION

Introduction: post-criminal reality, like crime itself, has existed since the birth of the state, law and society. The presence of post-criminal reality and its regularities require forensic explanation and foresight of new phenomena, processes, situations and even the creation of new or modernization of existing knowledge systems. Opposition to enforcement, starting with the concealment of a crime and participation in it, obstruction of crime solution, crime investigation from the subjects of crime and related persons and further, manifests itself in the actions of operations that are not only common and typical means and methods of counteraction, but also form a sufficiently large amount of the penal code offences.

Materials and methods: the regulatory framework of the study was the Constitution of the Russian Federation, criminal legislation, criminal procedure legislation regulating the solution, investigation and prevention of crimes committed in the conditions of post-criminal counteraction, statistical data, analysis of 382 criminal cases of serious and especially serious crimes, a hypothetical method, the results of a survey of subjects of preliminary investigation system, activity and situational approaches.

The results: are aimed at improving the quality of preliminary investigation of crimes, including crimes committed in the conditions of post-criminal counteraction.

Summary and Conclusion: there are theoretical and applied bases for the creation of private techniques, solution, investigation and prevention of crimes committed in the conditions of post-criminal counteraction.

Key words: criminalistics, post-criminal activity, counteraction, methodology, subsequent crime and crimes.

Этимология слова «посткриминальное» складывается из двух латинских слов post (после) + criminal (преступный, преступление и/или уголовный закон, из уголов-

ного закона) = postcriminal. Посткриминальная деятельность (поведение) означает действия после преступления или после нарушения уголовного закона [9].

Нами используется понятие «посткриминальная деятельность», поскольку оно исторически, методологически содержательно и по смысловой нагрузке в криминалистическом аспекте наиболее полно позволяет раскрыть то многообразие посткриминальных (как противоправных, негативных, безразличных, так и позитивных) действий лиц и их отражений, получить новые системы знаний, а также на основе их познания разработать систему средств, приемов и методов криминалистической деятельности по воздействию и управлению.

Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская (2000) отмечали, что объектами криминалистики являются, «с одной стороны, преступность, а с другой – предварительное расследование, судебное разбирательство, профилактика преступления» [1, с. 49].

Применительно к познанию посткриминальной деятельности в криминалистике нами получен важный научный вывод в ходе исследования о том, что не только посткриминальная деятельность ранее в целом и системно не исследовалась, но и в том числе не изученным явлением выступает субсеквентная преступность и преступления.

Термин субсеквентная (от латинского *subsequenter* – впоследствии в дальнейшем, последовавший затем, вытекающий результат чего-то) преступность распространен в правовых и психологических науках зарубежных стран [11; 12; 14], тогда как в российской правовой науке такое словосочетание пока не встречается.

Н. Gross один из первых выявил и изучил криминалистические проблемы расследования таких преступных посягательств, например, «убийство, чтобы скрыть другое убийство, инсценировки краж для получения страховок» [13, с. 437]. O'Connell & Soderman (1936), развивая положения и идеи основоположников криминалистики (в первую очередь идеи Н. Gross), представили раздел, посвященный симулированиям с целью сокрытия убийств, краж [15, с. 260].

Проведенное исследование выявило наличие повторяемости и устойчивости преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, и типичные методы, средства, приемы их раскрытия, расследования и предупреждения.

Процессы подготовки, совершения, сокрытия преступлений, совершенных в условиях посткриминального противодействия, и их расследования не хаотичны, а носят объективно закономерный характер.

Считаем, что преступная деятельность представляет собой не только переход от одной системы действий к другой, но и при осуществлении такой деятельности деяния, подпадающие под действие УК РФ, взаимодействуют, перекрещиваются с действиями и поступками некриминального, посткриминального характера, преступными посягательствами в условиях посткриминального противодействия. По этой причине необходимость осмысления и системного познания криминалистикой (в частности, ее разделом «криминалистическая методика») подобных взаимосвязей (как и выявление новых) вполне очевидна как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Особенно такие связи проявляются при совершении преступлений в условиях посткриминального противодействия.

О.П. Грибунов и другие [5] справедливо отмечают, что наличие большого количества субъектов посткриминальной деятельности, различных форм проявления, возможного или реального расследования, назначения наказания и других обстоятельств порождает те виды деятельности, которые отражают сознательное и неосознанное отношение субъекта или группы к сложившимся ситуациям и способам их преодоления или адаптации (противодействие или содействие расследованию, сокрытие информации о преступлении или его участниках).

В.И. Фадеев отмечает, что «способы совершения и сокрытия преступлений стали более совершенными, повысилось, причем весьма существенно, противодействие расследованию преступлений в различных формах». Он одним из первых пришел к необходимости на уровне диссертационных исследований изучать такую разновидность посткриминального противодействия, как инсценировки преступных событий и особенности их расследования. Автор отмечает, что «теоретические положения, выводы и результаты исследования могут быть использованы в ходе дальнейшей разработки проблем сокрытия криминальной деятельности в целом и такого способа противодействия расследованию, как криминальные инсценировки» [10, с. 3–4]. Мы согласны с мнением тех авторов, которые считают, что расследование инсценировок предполагает наличие притворного поведения и сообщение ложных сведений как преступлений, сопутствующих посткриминальному противодействию правоприменению [6].

Л.О. Лапин затронул сложный вопрос, когда противоположные виды деятельности не только проникают друг в друга (преступная деятельность экономической и общеуголовной направленности), но и в ряде случаев проникают в посткриминальную действительность, выступая частью противодействия в посткриминальных условиях [8, с. 5].

А.И. Звягин замечает, что «противодействие – это закономерное явление и его непременно следует “связывать” с расследованием конкретных видов преступлений, детализировать применительно к следственным ситуациям, заинтересованным категориям лиц, их возможностям» [7, с. 7].

Уголовно-правовые, криминалистические, уголовно-процессуальные, криминологические и иные признаки выступают предпосылкой для криминалистических классификаций или характеристик преступлений при формировании частных методик расследования преступлений.

В основу системы преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, входят:

- преступления, совершенные с обстоятельствами, отягчающими наказание (п. е ч. 1 ст. 63 УК РФ),
- преступления против правосудия (глава 31 УК РФ),
- преступления, предусмотренные в различных главах и разделах УК РФ (например, п. к ч. 2 ст. 105, ст. ст. 174, 174.1, 175, 282.1, 282, 282.3 и т.д.).

Преступления, совершаемые в условиях посткриминального противодействия, обладают следующими признаками:

- 1) наличие связи с механизмом совершенного преступления и его последствиями;

- 2) субсеквентность;
- 3) система преступных посягательств, предусмотренных УК РФ;
- 4) основная цель – воспрепятствование правоприменению в ситуациях посткриминального периода.

Из изученных 621 эпизода нами выявлено и исследовано 43 преступных посягательства, совершенных в условиях посткриминального противодействия до и на момент возникновения исходной следственной ситуации.

Две трети преступных преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, состоят из полноструктурных способов преступления.

В практике раскрытия и расследования преступлений существует серьезная проблема, заключающаяся в том, что субъекты предварительного следствия недооценивают, а порой и игнорируют, не придают значения как противодействию расследованию, так и совершаемым преступлениям с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, воспрепятствовать правоприменению или криминалистической превенции преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия.

Подтверждают наличие данной проблемы следующие данные. На вопрос «Насколько часто Вам встречается совершение преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, и испытываете ли Вы трудности при его раскрытии и расследовании?» получены ответы: часто, испытываю трудности – 76 человек (25,6 %); редко, и испытываю трудности – 204 человека (68,7 %); трудностей не испытываю – 17 (5,7 %).

На вопрос: «Выдвигаете ли Вы версии о возможности совершения преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия?» получены ответы: нет – 54 человека (18,2 %); да, от случая к случаю – 157 (52,9 %); да, регулярно – 86 человек (28,9 %).

При ответе на вопрос «Принимаете ли Вы меры к профилактике преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия?» мнения распределились следующим образом:

- 1) при проверке сообщения о преступлении: да, от случая к случаю – 29 человек (9,8 %); да, регулярно – 8 (2,7 %); нет, никогда – 17 человек (5,7 %);
- 2) на первоначальном этапе расследования: да, от случая к случаю – 78 человек (26,3 %); да, регулярно – 5 (1,7 %); нет, никогда – 94 человека (31,6 %);
- 3) на последующем этапе расследования: да, от случая к случаю – 126 человек (42,4 %); да, регулярно – 36 (12,1 %); нет, никогда – 53 человека (17,8 %);
- 4) мне неизвестно о такой деятельности – 15 человек (5,1 %).

Таковы неутешительные данные опроса субъектов предварительного расследования. Преступная деятельность неизбежно порождает множество последствий (отражений), одним из которых выступают преступления, совершаемые в условиях посткриминального противодействия во всем многообразии их формирования, функционирования явлений, процессов, связей и ситуаций, которые существуют и отражаются в объективной действительности.

Соглашаясь с А.В. Варданяном в том, что реализация следователем мероприя-

тий профилактического характера актуализируется с момента реального установления причин совершенного преступления, независимо от текущего этапа расследования и, нередко приобретая незамедлительный характер [2; 3; 4], считаем необходимым включать в частные методики расследования преступлений меры по профилактике преступлений, совершаемых в посткриминальной действительности, как обязательный элемент с момента возникновения исходной ситуации.

Создание эффективных комплексов криминалистических методических рекомендаций, способствующих эффективному правоприменению в области борьбы с преступностью, зависит от различных детерминант (факторов, условий, предпосылок) порой взаимозависимого характера (изменение законодательства, трансформации преступности, появление новых способов совершения преступления и т.д.).

К таким, уже традиционным и типовым условиям, ставшими основанием или включенными в комплексы криминалистических методических рекомендаций, относятся: условия «неочевидности», раскрытие преступлений по «горячим следам», расследование нераскрытых преступлений прошлых лет, расследование преступлений в чрезвычайных ситуациях и ряд других. Применительно к теме данной статьи условиями выступают и посткриминальный период, и сущностный признак «субсеквентность».

Ученый-криминалист ведет поиск части не систематизированных закономерностей объективной действительности, на основе познания которых разрабатывает итоговую систему криминалистических методических рекомендаций с учетом уже существующей подсистемы криминалистических знаний.

Вопрос о создании укрупненных методик расследования на основе познания закономерностей, входящих в предмет криминалистики, плодотворно исследуется достаточно продолжительное время.

Разработке укрупненных (комплексных, базовых, родовых, межвидовых, интегративных и т.д.) методик, связанных с совершенствованием процессов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, на уровне докторских диссертационных и монографических исследований посвящены работы следующих известных ученых-криминалистов: А.Ю. Антонов (электоральные преступления, 2008), Л.В. Бертовский (преступное нарушение правил экономической деятельности, 2005), В.М. Быков (групповые преступления, 1992), В.И. Брылев (организованная преступная деятельность, 1999), А.В. Варданян (насильственные тяжкие и особо тяжкие преступления, 2005), И.А. Возгрин (криминалистическая методика расследования преступлений, 1983), Ю.В. Гаврилин (преступления, посягающие на информационную безопасность в сфере экономики, 2009), Ю.П. Гармаев (теоретические основы методик расследования преступлений, 2003), В.Н. Григорьев (преступления в чрезвычайных условиях, 1993), О.П. Грибунов (хищения на транспорте, 2016), В.О. Давыдов (транснациональная преступная деятельность экстремистского характера, 2018), В.В. Крылов (преступления в сфере информации, 1998), Л.Л. Каневский (преступления, совершаемые несовершеннолетними, 1984), Р.В. Кулешов (преступления экстремистской и террористической направленности), О.С. Кучин (незаконный оборот ценностей, 2011), В.А. Образцов (преступления, связанные с профессиональной деятельностью, 1987), А.А. Протасевич (серийные преступления на насильственной почве,

1999), В.И. Рохлин (преступления в сфере хозяйственной деятельности, 1992), М.В. Субботина (хищения чужого имущества, 2004), Н.Г. Шурухнов (преступления в исправительно-трудовых учреждениях, 1992), Е.И. Фойгель (адвентальные преступления, 2019) и др.

Анализ уголовных дел о преступлениях, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, опрос субъектов, осуществляющих их раскрытие, расследование, предупреждение, показали, что для данной группы общественно опасных деяний большинство задач (ТКО, организационно-управленческого, тактического, методического характера) разрешаются в одной плоскости научного познания.

Частные методики расследования преступлений, совершаемых в условиях посткриминального противодействия, представляют собой систему научных положений и рекомендаций по их раскрытию, расследованию и предупреждению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник / под ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма, 2001. – 990 с.
2. Вардамян А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томск. государственного ун-та. – 2018. – № 430. – С. 172.
3. Вардамян А.В. Противодействие уголовному судопроизводству по делам о насильственных преступлениях на жизнь и здоровье личности: некоторые актуальные аспекты // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXIII междунар. науч.-прак. конф.: В 2 т. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2018. – Т. 2. – С. 14–17.
4. Вардамян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81). – С. 23–34.
5. Головин А.Ю., Грибунов О.П., Бибииков А.А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений: монография. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. – 164 с.
6. Дементьев В.В. Научные и практические проблемы расследования инсценировки как способа сокрытия преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 224 с.
7. Звягин А.И. Противодействие расследованию убийств по найму и криминалистические методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 195 с.
8. Лапин В.О. Методика расследования преступных посягательств на жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество лиц, выявляющих и расследующих налоговые правонарушения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 250 с.
9. Скорина Л.П., Чуракова Л.П. Латинский язык для юристов: учебное пособие / под ред. С.В. Семчинского. – М.: ЛПА «Кафедра-М», 1998. – С. 306, 387.
10. Фадеев В.И. Расследование инсценировок преступных событий: дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 1998. – 183 с.

11. Christopher Uggen, Jeff Manza. Voting and subsequent crime and arrest: evidence from a community sample. – July 11. – 2003 Running Head: Voting and Later Crime Word Count: (5899) Prepared for Brennan Center Conference to be held October 10, 2003 in New York. Our research was supported by grants from the National Science Foundation (#9819015) and the Individual Project Fellowship Program of the Open Society Institute. We are indebted to Melissa Thompson, Angie Behrens, and Sara Wakefield for research assistance.

12. Felix Brown, Phyllis Epps. Childhood Bereavement and Subsequent Crime. *The British Journal of Psychiatry*. – Volume 112. – Issue 491. – October 1966, – Pp. 1043–1048;

13. Gross H. and John C. Adam. *Criminal Investigation: A Practical Textbook for Magistrates, Police Officers and Lawyers*. Adapted from the *System Der Kriminalistik* of Hans Gross by J. Collyer. – London: Sweet & Maxwell, 1924. – Print. P. 437

14. Lochner L. Education and Crime. The Effects of Education on Subsequent Crime among Adults // University of Western Ontario. – December 13. – 2007. – P. 2. Hubble; Kelly & Bowen, Katharine & Moore, Simon & Goozen, Stephanie (2015).

15. Söderman, H., & O'Connell, J. J. (1936). *Modern criminal investigation*. – New York, Funk & Wagnalls Co. – P. 260–277, 322–324.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. *Criminalistics. Textbook for high schools / Under the editorship of the Honored worker of science of the Russian Federation, Professor R. S. Belkin*. – Moscow: NORMA Publishing house, 2001. – 990 PP.

2. Vardanyan A.V. Criminalistic prevention in the system of state measures for crime prevention // *Vestn. Tom. state University*. – 2018. – № 430. – Pp. 172.

3. Vardanyan A.V. Counteraction to criminal proceedings in cases of violent crimes on the life and health of the individual: some actual aspects / activities of law enforcement agencies in modern conditions // *Collection of materials of the XXIII international scientific and practical conference*. In 2 volumes. – Irkutsk: Publishing house of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 2018. – Vol. 2. – P. 14–17.

4. Vardanyan A.V., Gribunov O. P. the Modern doctrine of the methodical-criminal maintenance of investigation of certain types of crimes // *Bulletin of the East Siberian Institute of MIA of Russia*. – 2017. – №. 2 (81). – P. 23–34.

5. Golovin A. Yu., Gribunov O. P., Bibikov A. A. *Criminalistic methods of overcoming counteraction to investigation of transport crimes: Monograph*. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2015. – 164 PP.

6. Dementiev V. V. *Scientific and practical problems of investigation of staging as a method of concealment of crime/ Dementyev Vladimir Vasilyevich*. – Saratov, 2004. – 224 p.

7. Zvyagin A. I. *Counteraction to investigation of murders for hire and criminalistic methods of its overcoming/ Zvyagin Alexander Ivanovich*. – Moscow, 2004. – 195 p.

8. Lapin V. O. Methods of investigation of criminal encroachments on life, health, honor, dignity and property of persons identifying and investigating tax offenses/ Lapin Vyacheslav Olegovich. – Moscow, 2005. – 250 PP.
9. Skorina L. P., Churakova L. P. the Latin language of lawyers: A textbook / ed. – Moscow: LPA "Department-M", 1998. – Pp. 306, 387.
10. Fadeev V. I. Investigation of dramatizations of criminal events/ Fadeev Vitaly Ivanovich. – Voronezh, 1998. – 183 p.
11. With Christopher Uggen, Jeff Manza. Voting and subsequent crime and arrest: evidence from a community sample. July 11, 2003 Running Head: Voting and Later Crime Word Count: (5899) Prepared for Brennan Center Conference to be held October 10, 2003 in New York. Our research was supported by grants from the National Science Foundation (#9819015) and the Individual Project Fellowship Program of the Open Society Institute. We are indebted to Melissa Thompson, Angie Behrens, and Sara Wakefield for research assistance.
12. Felix Brown, Phyllis Epps. Childhood Bereavement and Subsequent Crime. The British Journal of Psychiatry. Volume 112, Issue 491, October 1966, pp. 1043–1048.
13. Gross, Hans, and John C. Adam. Criminal Investigation: A Practical Textbook for Magistrates, Police Officers and Lawyers. Adapted from the System Der Kriminalistik of Hans Gross by J. Collyer. – London: Sweet & Maxwell, 1924. Print. – P. 437.
14. L. Lochner, Education and Crime. The Effects of Education on Subsequent Crime among Adults. University of Western Ontario. December 13, 2007. P. 2. Hubble, Kelly & Bowen, Katharine & Moore, Simon & Goozen, Stephanie (2015).
15. Söderman, H., & O'Connell, J. J. (1936). Modern criminal investigation. – New York: Funk & Wagnalls Co. P. 260–277, 322–324.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10040

Анешева Амина Тулегеновна
доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: b.am08@mail.ru

Anesheva Amina Tulegenovna
the assistant professor Department
of criminalistics the Omsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Legal Sciences
E-mail: b.am08@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Введение: специфика расследования уголовных дел о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств предопределила необходимость рассмотрения вопросов взаимодействия следователя с органами дознания в обозначенной сфере.

Методы и материалы: методологическая основа исследования представлена общим диалектическим методом научного познания, сравнительного анализа, познавательными методами, приемами обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили рассмотреть процессуальные и непроцессуальные формы взаимодействия следователя с органами дознания в процессе осуществления предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ, а именно с сотрудниками уголовного розыска, ГИБДД, экспертно-криминалистических подразделений.

Выводы и заключения: проведен анализ специальной литературы и правоприменительной практики в части организации взаимодействия следователя с органами дознания по делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, на основе которого сформулированы выводы о наиболее распространенных его видах.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, органы дознания, нарушения правил дорожного движения.

PECULIARITIES OF THE INVESTIGATOR'S INTERACTIONS WITH THE AUTHORITIES OF INVESTIGATING THE CASE OF VIOLATION OF THE ROAD TRAFFIC RULES AND VEHICLE OPERATION

Introduction: the specifics of the investigation of criminal cases of violations of the rules of the road and the operation of vehicles, necessitated the consideration of the interaction of the investigator with the bodies of inquiry.

The direct object of the crimes provided for in Article 264 The Criminal Code of the Russian Federation is determined by public relations that ensure the safety of road traffic or the operation of a vehicle, which determine the expansion of the circle of persons involved in the interaction process in the framework of the investigation of the crimes under consideration.

Methods and materials: the methodological basis of the research is represented by the general dialectical method of scientific knowledge, comparative analysis, cognitive methods and techniques of generalization and description.

Results: allowed to consider the procedural and non-procedural forms of interaction of the investigator with the bodies of inquiry in the process of conducting a preliminary investigation in criminal cases of crimes under art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely with the employees of the Criminal Investigation Department, the traffic police, expert and criminal units.

Summary and conclusions: an analysis of the specialized literature and law enforcement practice regarding the organization of the interaction of the investigator with the inquiry bodies in cases of violation of traffic rules and the operation of vehicles, on the basis of which conclusions are drawn about its most common types.

Key words: interaction, investigator, bodies of inquiry, violation of traffic rules.

Уголовно-процессуальный закон определяет следователя как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные действия, предусмотренные УПК РФ. В частности, п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ содержит указание на полномочие давать органу дознания письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении.

Таким образом, по смыслу закона на следователя возлагается вся полнота ответственности за организацию взаимодействия с органами дознания.

Органами дознания согласно п. 24 ст. 5 УПК РФ являются государственные органы и должностные лица, уполномоченные осуществлять дознание и другие процессуальные полномочия. Указанные субъекты названы в ст. 40 УПК РФ. Устанавливая их перечень, законодатель заметил: «а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности» (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Из этого следует, что нормативные предписания, регламентирующие процессуальное положение органов дознания, носят в большинстве бланкетный характер. Об этом в числе прочего свидетельствует отсутствие исчерпывающего круга полномочий в специальной норме (ст. 40 УПК РФ).

Необходимо отметить, что подобная конструкция характерна и для иных статей УПК РФ, определяющих процессуальный статус участников уголовного судопроизводства. Полагаем, это обусловлено многообразием уголовно наказуемых деяний, процесс расследования которых в силу специфики охраняемых общественных отношений в каждом конкретном случае требует участия неопределенно широкого круга

должностных лиц, наделенных правом осуществления дознания и иных процессуальных полномочий. Указанное, безусловно, направлено на достижение цели по обеспечению полноты и всесторонности расследования.

К числу преступлений, расследование которых обладает спецификой с точки зрения организации взаимодействия следователя с органами дознания, относятся правонарушения, предусмотренные ст. 264 УК РФ («Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств»). В связи с этим отдельные аспекты организации такого взаимодействия при их расследовании требуют, на наш взгляд, детального исследования.

Вопросы организации взаимодействия следователя с органами дознания в процессе расследования преступлений перманентно исследуются в специальной литературе [1, 2, 3, 4, 5, 6, 10]. Это обусловлено, прежде всего, неисчерпаемостью актуальностью данного вопроса как для криминалистической науки, так и для правоприменительной практики.

В доктрине сложилось относительное единство подходов к определению понятия взаимодействия. Оно, как справедливо, по нашему мнению, отмечал И.А. Возгрин, является необходимым условием наиболее эффективной деятельности следователя и оперативных органов, состоящее в скоординированном объединении их усилий для решения на основании положений закона задач уголовного судопроизводства [7, с. 79]. С точки зрения Н.П. Яблокова, взаимодействие – «совместная деятельность следственных органов и оперативно-розыскных подразделений органов дознания при расследовании преступлений» [8, с. 361].

В вышеприведенных позициях достаточно точно указывается на сущность и содержание процесса взаимодействия при расследовании преступлений общеуголовной направленности, в ходе которых расследование осуществляется следователем, дознавателем с привлечением в установленном законом порядке сотрудников уголовного розыска. При этом генеральной идеей процесса взаимодействия является то, что она совместная, а ее цель состоит в координации усилий участвующих должностных лиц по достижению задач расследования.

Традиционно в криминалистике выделяют две формы взаимодействия следователя и органов дознания: процессуальная (т. е. регламентированная УПК РФ) и непроцессуальная (выработанная практикой либо предусмотренная ведомственными, межведомственными нормативными актами).

Не претендуя на исчерпывающий анализ всех существующих видов взаимодействия, позволим себе ограничиться их перечислением и рассмотрением применительно к расследованию преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ.

В рамках осуществления взаимодействия в процессуальной форме следует сказать о регламентированных уголовно-процессуальным законом действиях, обеспечивающих скоординированное объединение усилий следователя и органа дознания по расследованию преступлений:

- 1) направление следователем органу дознания обязательных для исполнения письменных поручений: о проведении оперативно-розыскных мероприятий; о производстве отдельных следственных действий; об исполнении постановлений о задержании; о приводе; об аресте; о производстве иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);

2) направление следователем поручения о производстве следственных или розыскных действий следователю или органу дознания в другом месте в случае необходимости; направление дознавателем поручения о производстве следственных или розыскных действий дознавателю или органу дознания в другом месте в случае необходимости (ч. 1 ст. 152 УПК РФ);

3) получение следователем содействия от органа дознания при осуществлении действий, предусмотренных в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ;

4) уведомление следователя органом дознания о результатах принятия розыскных и оперативно-розыскных мер для установления лица, совершившего преступление, по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (ч. 4 ст. 157 УПК РФ);

5) поручение органу дознания розыска подозреваемого, обвиняемого (ч. 1 ст. 210 УПК РФ).

Непроцессуальная форма взаимодействия следователя с органами дознания предполагает:

1) согласованное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

2) деятельность в составе следственно-оперативной группы;

3) обмен информацией между следователем и оперуполномоченным о ходе и результатах согласованной деятельности;

5) консультирование следователем представителей оперативных подразделений.

Обращаясь к специфике процесса расследования преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, необходимо сказать о его обусловленности непосредственным объектом, а именно общественными отношениями, обеспечивающими безопасность дорожного движения или эксплуатации транспортного средства. Данное обстоятельство требует соответствующего расширения круга лиц, вовлекаемых в процесс взаимодействия в рамках расследования преступлений.

Организационно-тактические особенности взаимодействия при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, связаны с их предметной (родовой) подследственностью (согласно положениям ст. 151 УПК РФ указанное относится к компетенции следователей ОВД). Это обстоятельство влияет на перечень взаимодействующих в процессе расследования лиц.

Изучение практики расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ¹, позволяет сделать вывод о том, что производство по уголовным делам рассматриваемой категории преимущественно осуществляется в специализированных следственных отделах по расследованию дорожно-транспортных преступлений с дислокацией в федеральных центрах. Однако в следственных подразделениях ОВД, расположенных в удаленных районах, они отсутствуют, расследование осуществляется следователями ОВД по месту совершения дорожно-транспортного преступления.

¹ По специально разработанной программе было изучено 100 уголовных дел, по которым вступил в законную силу обвинительный приговор суда на территории Омской, Челябинской, Новосибирской областей в 2016–2018 гг.

Взаимодействие следователя с сотрудниками органа дознания при расследовании преступлений рассматриваемой категории обладает рядом особенностей. Так, взаимодействие следователя осуществляется с подразделениями уголовного розыска ОВД, на территории которого было совершено данное преступление. В связи с этим следователи направляют поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий в территориальный ОВД по месту совершения преступления. Как такового оперативного сопровождения процесса расследования преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, нет.

Кроме того, при производстве следственных действий оказывают помощь сотрудники подразделений ГИБДД: обеспечивают безопасность при их проведении на проезжей части, проводят необходимые измерения, опытные действия, осуществляют розыск скрывшихся транспортных средств с места ДТП, устанавливают очевидцев ДТП и т. д.

Приведенные формы взаимодействия детализированы в нормативных актах МВД России. Так, в соответствии с пп. «ж» п. 11 Положения о государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15.06.1998 г. № 711 (ред. от 02.03.2018 г.) на Госавтоинспекцию возлагается обязанность по организации и проведению в порядке, определяемом МВД России, работы по розыску угнанных и похищенных автотранспортных средств, а также автотранспортных средств участников дорожного движения, скрывшихся с мест дорожно-транспортных происшествий.

Меры, обеспечивающие взаимодействие при розыске транспортных средств, скрывшихся с места дорожно-транспортного происшествия, предусматривает приказ МВД России от 17.02.1994 № 58 (ред. от 12.09.2000) «О мерах по усилению борьбы с преступными посягательствами на автотранспортные средства» (вместе с «Инструкцией по розыску автотранспортных средств»), относя к ним:

- получение по учетам Госавтоинспекции установочных данных на транспортные средства и их владельцев, предположительно участвовавших в совершении преступления (правонарушения), оперативная отработка указанной информации;
- проверка возможных мест ремонта транспорта, обращений для получения страхового возмещения;
- установление лиц, эксплуатирующих выявленное транспортное средство по доверенности.

Анализ материалов правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие осуществляется на протяжении всего периода расследования уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории.

К наиболее распространенным видам «процессуального» взаимодействия относятся:

- привлечение сотрудников экспертно-криминалистических подразделений в качестве специалистов к подготовке и производству отдельных следственных действий, получение заключения специалиста, назначение и производство судебных экспертиз, допрос специалиста и эксперта (25 % случаев);
- привлечение сотрудников ГИБДД к подготовке и производству отдельных следственных действий (35 % случаев);

- поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий, в частности связанных с необходимостью установления очевидцев совершенного дорожно-транспортного преступления, а также установление местонахождения автотранспортного средства, скрывшегося после совершения дорожно-транспортного преступления, установление личности трупа пострадавшего в результате дорожно-транспортного преступления (10 % случаев).

Направление следователем поручения о производстве следственных или розыскных действий следователю или органу дознания в другом месте в случае необходимости как вид взаимодействия встречается крайне редко (8 %). Как правило, это связано с необходимостью производства допроса свидетелей, проживающих вдали от места производства расследования. В 15 % случаев имело место уведомление следователя органом дознания о результатах принятия розыскных и оперативно-розыскных мер для установления лица, совершившего преступление по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, когда такое поручение было адресовано органу дознания. Поручение органу дознания розыска подозреваемого, обвиняемого давалось в 7 % случаев.

Применительно к тем видам взаимодействия, которые традиционно осуществляются в непроцессуальной форме, ситуация складывается следующим образом. Результаты анализа изученных уголовных дел позволяют констатировать, что, во-первых, согласованное планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий осуществляется следователем по всем без исключения уголовным делам, во-вторых, имеет место деятельность в составе следственно-оперативной группы.

Следственно-оперативная группа в данном случае состоит из следователя, дежурного инспектора ГИБДД, эксперта ЭКЦ территориального ОВД, эксперта бюро судебно-медицинской экспертизы (в случае причинения смерти). Обратим внимание на то, что ввиду специфики данной категории преступлений, в ее составе отсутствует сотрудник уголовного розыска. Необходимые поисковые мероприятия и содействие следователю при производстве неотложных следственных действий осуществляются сотрудниками ГИБДД. По этой же причине при проверке сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ, не используется такая форма непроцессуального взаимодействия, как обмен информацией между следователем и оперуполномоченным о ходе и результатах согласованной деятельности. Подобный взаимный обмен осуществляется с инспекторами ГИБДД.

Специфика общественно опасных деяний, субъективная сторона которых характеризуются двойной формой вины, предполагает отсутствие такой формы непроцессуального взаимодействия, как консультирование следователем представителей оперативных подразделений, которая актуальна для преступлений, по которым поводом для возбуждения уголовного дела является рапорт об обнаружении признаков преступления, составленный по результатам проведения оперативно-розыскных мероприятий. Очевидно, что уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст. 264 УК РФ, не могут быть возбуждены по результатам оперативно-розыскной деятельности.

В рамках непроцессуального взаимодействия по делам рассматриваемой категории с сотрудниками экспертно-криминалистического подразделения довольно часто возникают вопросы при оценке достаточности материалов, собранных для назна-

чения судебной автотехнической экспертизы, а также определении круга вопросов, подлежащих выяснению у эксперта.

Таким образом, анализ правоприменительной практики и специальной литературы позволяет сделать вывод о том, что для успешного расследования уголовных дел, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, важное значение имеет эффективность взаимодействия следователя как с подразделениями уголовного розыска, так и с сотрудниками госавтоинспекции и экспертных подразделений.

Основные непроцессуальные формы взаимодействия экспертно-криминалистических подразделений с другими подразделениями ОВД регламентирует приказ МВД России № 7 от 11.01.2009 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России», они коррелируют со всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом формами взаимодействия следователя с органами дознания. Кроме того, они успешно реализуются на досудебном этапе производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264 УК РФ.

В этой связи представляется точным определение процесса взаимодействия следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений как урегулированной законом и ведомственными нормативными актами согласованной деятельности административно независимых друг от друга субъектов, осуществляемой под руководством следователя, и состоящей в использовании им помощи эксперта или специалиста при производстве экспертиз, проведении других следственных действий и оказании непроцессуальной помощи в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [9, с. 23].

Резюмируя изложенное, отметим, что по делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств быстрое и качественное расследование (в том числе производство неотложных следственных действий) обеспечивается взаимодействием между самостоятельными и выполняющими различные функции подразделениями ОВД, объединенными под руководством следователя для достижения цели раскрытия и расследования преступлений, урегулированным действующим уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными нормативными актами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дербенев А.П. Взаимодействие следователя и органа дознания при расследовании преступлений: учебное пособие. – М., 1983. – 69 с.
2. Чувилев А.А. Взаимодействие следователя органа внутренних дел с милицией: учебное пособие. – М., 1981. – 80 с.
3. Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 23 с.
4. Василенко Л.А., Овчинникова О.В. Расследование дорожно-транспортных преступлений: учебно-методическое пособие. – М., 2011. – 64 с.
5. Абрамочкин В.В. Расследование дорожно-транспортных преступлений: учебное пособие. – М., 2010. – 240 с.

6. Ищенко Е.П., Корма В.П., Чучаев А.И., Эминов В.Е. Расследование и предупреждение дорожно-транспортных происшествий, крушений железнодорожного транспорта и авиационных катастроф: научно-практическое пособие. – М., 2014. – 224 с.
7. Возгрин И.А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений: учебное пособие. – Л., 1977. – 80 с.
8. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. – 2-е изд. перераб. и доп. – М., 2001. – 718 с.
9. Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 160 с.
10. Чиненов Е.В., Скоморохов О.Н., Чернышёв С.А., Чурсин А.В., Щукин В.И. Осмотр места происшествия на объектах железнодорожного транспорта. Белгород : Белгородский юридический ин-т МВД России, 2017. – 66 с

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Derbenev A.P. The interaction of the investigator and the body of inquiry in the investigation of crimes: a training manual. – М., 1983. – 69 p.
2. Chuvilev A.A. Interactions of the investigator of the internal affairs agency with the police: a training manual. – М., 1981. – 80 p.
3. Demidova T.V. Interaction of the investigator with the staff of forensic departments in the investigation of road traffic crimes: abstract. diss. ... cand. legal sciences. – М., 2010. – 23 p.
4. Vasilenko L.A., Ovchinnikova O.V. Investigation of traffic crimes: a training manual. – М., 2011. – 64 p.
5. Abramochkin V.V. Traffic Crime Investigation: A Training Manual. – М., 2010. – 240. p.
6. Ishchenko E.P., Korma V.P., Chuchaev A.I., Eminov V.E. Investigation and prevention of traffic accidents, railroad crashes and aircraft accidents: a scientific and practical guide. – М., 2014. – 224 p.
7. Vozgrin I.A. The principles of the methodology for the investigation of certain types of crimes: study guide. – Leningrad, 1977. – 80 p.
8. Forensics: textbook / ed. ed. N.P. Apples. – 2nd ed. reslave. and add. – М., 2001. – 718 p.
9. Demidova T.V. Interaction of the investigator with the staff of forensic departments in the investigation of road traffic crimes. – М.: Yurlitinform, 2010. – 160 p.
10. Chinenov E. V., Skomorokhov O. N., Chernyshev S. A., Chursin A.V., Shchukin V. I. Inspection of the scene on the objects of railway transport. Belgorod: Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2017. – 66 p

УДК 340.692:[343.985.7:343.61]

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10041

Васильченко Андрей Владимирович
доцент кафедры криминалистики
Уфимского юридического института
МВД России
кандидат медицинских наук, доцент
E-mail: avasilchenko6@mvd.ru

Vasilchenko Andrey Vladimirovich
Associate Professor of the Criminalistics
Department of the Ufa Law Institute of the
Ministry of the Interior of Russia
Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor
E-mail: avasilchenko6@mvd.ru

Нугаева Эльвира Дамировна
начальник кафедры криминалистики
Уфимского юридического института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: enugaeva@mvd.ru

Nugaeva Elvira Damirovna
Head of the Criminalistics Department of the
Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior
of Russia Candidate of law
E-mail: avasilchenko6@mvd.ru

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СЛУЧАЕВ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Введение: в статье рассмотрены проблемы правового и методического характера, возникающие при использовании специальных медицинских знаний в ходе расследования «профессиональных» преступлений медицинских работников. Неуклонный рост числа уголовных дел, связанных с профессиональной деятельностью медицинских работников, необходимость использования специальных медицинских знаний при расследовании подобного рода преступлений свидетельствуют о необходимости системного изучения особенностей их применения, анализа структуры нарушений со стороны экспертов.

Материалы и методы: в ходе исследования были изучены нормативно-правовые акты и методическая литература по данной тематике, материалы 96 уголовных дел, связанных с профессиональной деятельностью медицинских работников, проведен ретроспективный анализ заключений судебно-медицинской экспертизы.

Результаты исследования: выявлено отсутствие стандартов оказания медицинской помощи по большинству заболеваний, а также при наличии нескольких заболеваний, размытость критериев квалификации профессиональных нарушений медицинских работников. Основной формой применения специальных медицинских знаний является судебно-медицинская экспертиза, в структуре нарушений, допускаемых экспертами, преобладают погрешности в заключении, наиболее часто дефекты профессиональной деятельности медицинских работников квалифицируются по ч. 2

ст. 109 УК РФ и проявляются в нарушении стандартов оказания медицинской помощи и клинических рекомендаций.

Выводы и заключения: отсутствие стандартов оказания медицинской помощи и экспертной оценки по большинству нозологий, размытость критериев юридической квалификации действий медицинских работников в случае выявления дефектов в оказании медицинской помощи, структура нарушений со стороны экспертов, допускаемых при проведении исследований, дефекты профессиональной деятельности врачей и среднего медицинского персонала обуславливают необходимость совершенствования методологической и правовой базы судебно-медицинской экспертизы по материалам уголовных дел данной категории.

Ключевые слова: специальные знания, медицинские работники, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, судебно-медицинская экспертиза.

SPECIFICITY OF USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE FIELD OF MEDICINE IN THE INVESTIGATION OF CASES OF INADQUATE EXECUTION BY MEDICAL WORKERS OF THEIR PROFESSIONAL RESPONSIBILITIES

Introduction: the article discusses legal and methodological problems arising from the use of special medical knowledge during the investigation of the "professional" crimes of medical workers. The steady increase in the number of criminal cases related to the professional activities of medical workers, the need to use of special medical knowledge in the investigation of such crimes indicates the need for a systematic study of the peculiarities of their use, analysis of the structure of violations by experts allowed to a research, defects in the professional activity of doctors and secondary medical staff.

Materials and methods: in the course of the study, regulatory legal acts and methodological literature on this topic were studied, materials from 96 criminal cases related to the professional activities of medical workers, a retrospective analysis of the conclusions of the forensic medical examination was carried out.

Results: the results of the work revealed the lack of standards for the provision of medical care for most diseases, as well as in the presence of several diseases, the blurring of the qualification criteria for professional violations of medical workers. The main form of application of special medical knowledge is forensic medical examination, in the structure of violations committed by experts, errors prevail in the third part of the expert's opinion, most often defects in the professional activity of medical workers are qualified under Part 2 of Art. 109 of the Criminal Code of the Russian Federation and are manifested in violation of the standards of medical care and clinical recommendations.

Summary and conclusions: the lack of standards for the providing with medical care and expert assessment of most nosologies, the vagueness of the criteria for the legal qualification of the actions of medical workers in case of defects in the provision of medical care, the structure of violations on the part of experts allowed during research, defects in the

professional activities of doctors and paramedical personnel require the improvement of methodological and legal basis of forensic medical examination based on criminal materials affairs of this category.

Key words: special knowledge, medical workers, improper fulfillment of professional duties, forensic medical examination.

В настоящее время наблюдается резкий рост уголовных дел, связанных с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками профессиональных обязанностей. Количество жалоб на врачей растет в геометрической прогрессии, увеличившись за прошедшие пять лет почти в три раза [1, с. 27; 2, с. 67]. За последние 17 лет число жалоб граждан на качество лечения и диагностику возросло в 1,5 тыс. раз [8, с. 72].

Сотрудники правоохранительных органов, не обладая специальными познаниями в области медицины, как при проведении доследственной проверки, так и при расследовании уголовных дел подобного рода вынуждены обращаться за помощью к специалистам [3, с. 318; 10, с. 279; 11, с. 25].

Судебно-медицинская диагностика ненадлежащего исполнения медицинскими работниками профессиональных обязанностей относится к разряду наиболее сложных и трудоемких. Как показывает анализ практики, заключение эксперта может быть признано необоснованным или неверным по различным причинам. С целью выявления факторов, способствующих росту числа судебно-медицинских экспертиз, изучения особенностей использования специальных знаний в области медицины, выявления основных проблем при оценивании степени их обоснованности и достоверности при раскрытии и расследовании преступлений подобного рода авторами были изучены материалы 96 уголовных дел в период с 2016 по 2019 г., осуществлен ретроспективный анализ заключений судебно-медицинской экспертизы, проведено интервьюирование 18 юристов (сотрудников Следственного комитета Российской Федерации и адвокатов) и 12 врачей, привлекаемых для проведения судебных экспертиз в качестве специалистов.

При исследовании (опросе опытных юристов) установлены следующие факторы, способствующие росту числа судебно-медицинских экспертиз по делам, связанными с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей:

- 1) рост юридической грамотности потерпевших и их родственников;
- 2) разрушение «корпоративной солидарности» медицинских работников;
- 3) стандарты оказания медицинской помощи, используя которые, можно определить ненадлежащее исполнение медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей;
- 4) в системе здравоохранения немало работников, имеющих недостаточную квалификацию, недобросовестно относящихся к своим обязанностям;
- 5) определенное число родственников умерших пациентов (больных) имеют устойчивое мнение, что лечение проводилось неправильно.

Опрошенные врачи, осуществляющие непосредственно медицинскую помощь населению и привлекаемые к проведению судебных экспертиз в качестве специалистов, указали следующие причины:

- 1) готовность средств массовой информации поддержать и показать любое обвинение против медицинских работников;
- 2) отсутствие юридической защищенности медицинских работников;
- 3) устойчивое мнение среди пациентов и их родственников, что во всех проблемах со здоровьем и лечением их болезней виноваты врачи;
- 4) индивидуальность течения болезней и лечения, что вызывает необходимость нарушать медико-экономические стандарты;
- 5) доступность юридических услуг по формированию судебных исков против врачей;
- б) врачей не поддерживают (не защищают, не разбираются объективно в ситуации) руководство и администрация медицинских организаций;
- 7) недостаточный уровень профессиональной подготовки врачей;
- 8) низкое социально-экономическое и правовое положение врачей.

Изложенные причины свидетельствуют о полярности мнений, многофакторности роста числа судебно-медицинских экспертиз по уголовным делам, связанным с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей, и требуют дальнейшего детального изучения.

Использование специальных знаний в области медицины при расследовании случаев ненадлежащего исполнения медицинскими работниками профессиональных обязанностей отличается многообразием [9, с 98]. Специальные знания в области судебной медицины при расследовании случаев ненадлежащего выполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей могут использоваться в форме консультации специалиста (заключения специалиста), судебно-медицинской экспертизы (заключения эксперта), а также путем привлечения специалиста к таким следственным действиям, как допрос эксперта, осмотр и выемка документов и пр. Во избежание проявлений заинтересованности существует практика привлечения в качестве специалистов как судебно-медицинских экспертов, так и действующих сотрудников других медицинских учреждений, представителей органа управления здравоохранением (отдела, управления здравоохранения) либо органа контроля в этой сфере (Росздравнадзор, медицинские страховые организации). Возможно привлечение и частных лиц, не состоящих в штате медицинских организаций, при обязательном наличии у них специальных познаний именно в той сфере медицинской деятельности, для содействия в которой они привлекаются. Результаты экспертизы, как правило, не принимаются судами в качестве доказательства по делу, однако рекомендуются к использованию в качестве оснований для возбуждения уголовного дела на стадии доследственной проверки сообщения или заявления о преступлении.

Основной формой использования специальных познаний в области медицины при расследовании преступлений, связанных с профессиональной деятельностью медицинских работников, является судебно-медицинская экспертиза. Как правило, судебно-медицинские экспертизы проводятся в региональных бюро судебно-

медицинской экспертизы, носят комплексный характер (с привлечением специалистов из разных областей медицины), осуществляются на платной основе. Для исключения возникновения конфликта интересов целесообразно назначение и проведение судебно-медицинских экспертиз подобного рода в бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Российской Федерации, находящегося в другом регионе, либо привлечение судебно-медицинских экспертов из других ведомств (Министерство обороны Российской Федерации). В последние годы отмечаются попытки подмены заключения эксперта по результатам судебно-медицинской экспертизы заключениями экспертов от страховых организаций, фактически являющихся заинтересованной стороной в рассмотрении дела [4, с. 78].

В ходе анализа уголовных дел выявлены наиболее частые причины, наличие которых позволило предположить факт ненадлежащего выполнения профессиональных обязанностей при оказании лечебно-диагностической (медицинской) помощи:

1. Недостаточный объем лечебно-диагностических мероприятий при оказании медицинской помощи. Одной из жалоб пациентов (их родственников) и их представителей является жалоба на недостаточный объем лечебно-диагностических мероприятий при оказании медицинской помощи.

Под «недостаточным» юридически необходимо рассматривать эквивалент «ненадлежащий», так как он включает в себя как недостаточный объем лечебно-диагностических процедур, так и выполнение их сверх необходимого объема. Ряд сделанных сверх необходимого инвазивных медицинских процедур (при отсутствии соответствующих показаний) вызывают (либо усиливают) патологические процессы в организме, что причиняет вред здоровью больного. Установление объема необходимых лечебно-диагностических мероприятий основывается на разработанных Минздравом РФ соответствующих стандартах и рекомендациях.

2. Безопасность для жизни и здоровья пациентов медицинской помощи. Медицинская помощь должна быть безопасна для жизни и здоровья пациентов, при оценке критериев безопасности необходимо учитывать специально установленные нормативными документами требования для каждой процедуры и точность их выполнения. Например, нормативным документом для оценки безопасности лекарственного препарата, используемого при лечении, является инструкция по его применению, вложенная в упаковку препарата.

3. Своевременность (несвоевременность) оказания медицинской помощи. Сроки оказания медицинской помощи (их своевременность или несвоевременность) также относятся к критериям ненадлежащего качества оказания пациентам медицинской помощи. Сроки регламентируются не только нормативными актами Минздрава РФ, но и постановлениями Правительства и договорами, подписанными, с одной стороны, пациентом, с другой стороны, администрацией медицинской организации. Сроки оказания медицинской помощи включают период времени, который проходит в ожидании оказания медицинской помощи, и время, в течение которого оказывается сама медицинская помощь. Сроки устанавливаются приказами Минздрава РФ и другими документами, например территориальными программами государственных гарантий, принятых в каждом субъекте РФ.

4. Ошибочность примененного лечебно-диагностического, профилактического, реабилитационного метода. Критерий ошибочности связан с применением того или иного метода в лечебно-диагностическом процессе или профилактике. «Несоответствующий» (ошибочный) метод может нанести вред жизни (здоровью) пациентов. Методы, применяемые в профилактическом, лечебно-диагностическом и реабилитационных процессах, описаны в соответствующих национальных (при их отсутствии международных) рекомендациях, протоколах ведения больных, в стандартах медицинской помощи (утвержденных приказами Минздрава РФ). Однако при определении ответственности медицинских работников следует учесть, что стандарты медицинской помощи основаны на усредненных показателях и не учитывают индивидуальные особенности организма человека, течения и развития болезней и патологических процессов.

Стандартизация является одним из признанных методов повышения качества медицинской помощи [7, с. 99]. Однако стандарты экспертной оценки качества оказания медицинской помощи по большинству нозологий отсутствуют. Это зачастую ведет к двоякой трактовке действий медицинских работников. Не секрет, что выявление страховой организацией недостатков в лечении больного является поводом для удержания страховых выплат денежных средств от страховой организации медицинской организации. Кроме того, отмечаются часто встречающиеся грубые ошибки в методике проведения экспертиз экспертами страховых организаций. Обращение за помощью к экспертам негосударственных экспертных организаций также ведет к необъективному характеру заключений, уклону формирования выводов эксперта в сторону лица, ходатайствующего о назначении экспертизы. Это обуславливает необходимость обязательного назначения судебно-медицинских экспертиз по уголовным делам в государственных судебно-экспертных учреждениях, применения четких утвержденных Министерством здравоохранения Российской Федерации стандартов экспертной оценки оказания медицинской помощи по различным нозологиям.

Ситуацию усугубляет размытость критериев судебно-медицинской оценки и отсутствие единой трактовки при квалификации нарушений профессиональной деятельности медицинских работников [5, с. 69].

Рекомендации Российского центра судебно-медицинской экспертизы [6] излагают лишь общие принципы методики проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей между дефектом оказания помощи и неблагоприятным исходом заболевания или травмы. При этом в рекомендациях по делам данной категории предлагается ориентироваться на стандарты медицинской помощи и клинические протоколы лечения. Национальные протоколы диагностики и лечения большинства заболеваний, а также протоколы ведения пациентов с несколькими сопутствующими заболеваниями, протоколы по уходу за пожилыми пациентами до сих пор не разработаны. Сложившуюся ситуацию усугубляют рост коморбидной патологии и демографическое старение населения.

Кроме того, имеет место несовершенство критериев оценки действий медицинских работников при расследовании совершенных ими профессиональных правонарушений. В частности, при оказании медицинской помощи, как правило, причинение

вреда носит системный, а не простой характер, т. е. медицинские услуги в учреждении здравоохранения носят комплексный характер и оказываются несколькими работниками из разных служб (отделений). При этом наблюдаются дефекты в организации взаимодействия данных служб; в этапности оказания услуг; в превышении временного лимита ожидания медицинской услуги и другие, которые могут явиться ведущим фактором причинения вреда (смерти) пациенту. На практике же в качестве основной причинно-следственной связи неблагоприятного исхода болезни рассматриваются конкретные действия того или иного медицинского специалиста без учета нарушений в организации оказания медицинской помощи.

Отсутствие в ряде случаев четкой регламентации в организации деятельности и взаимодействии различных служб в лечебных учреждениях, а также утвержденных протоколов по диагностике и лечению ряда патологий дает возможность неоднозначной и субъективной трактовки действий медицинского работника.

На сегодняшний день в уголовном судопроизводстве в отношении «врачебных» ошибок применяются составы преступлений, предусмотренные ч. 2 ст. 109; ч. 2 ст. 118; ст. ст. 124, 125, 293 (для медицинских работников, являющихся должностными лицами); п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. Анализ судебной практики показал, что уголовная ответственность медицинских работников за профессиональные преступления чаще всего наступает по ч. 2 ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей). Гораздо реже встречается квалификация действий медицинских работников по ч. 2 ст. 124 УК РФ. Достаточно редко медицинские работники привлекаются к ответственности в связи с должностными преступлениями. Квалификация действий медицинских работников по ч. 2 ст. 118 УК РФ осуществляется крайне редко. И, наконец, нам не встретилось случаев квалификации действий медицинских работников по ст. 122 и ст. 125 УК РФ.

Нарушения, совершенные медицинскими работниками в процессе оказания медицинской помощи, можно подразделить на деяния, связанные с неполной диагностикой, и деяния, связанные с нарушениями при проведении лечебных мероприятий.

Неполная диагностика, как показывает практика, может проявляться в невыполнении врачом в полном объеме необходимых исследований и диагностических процедур, установленных стандартами оказания медицинской помощи. Достаточно редко, но неверная диагностика связана с тем, что медицинский работник не обладает необходимыми знаниями и образованием. Медицинские работники не всегда соблюдают должностные инструкции, определяющие спектр обязательных действий врача или среднего медперсонала при проведении медицинского вмешательства. Недостаточный уровень профессионализма медицинского работника встречается в последнее время достаточно часто. В то же время медицинские работники нередко нарушают положения клинических рекомендаций и протоколов лечения.

Таким образом, имеет место многофакторность и полярность мнений о причинах роста числа судебно-медицинских экспертиз по уголовным делам, связанным с ненадлежащим исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. Анализ практики показывает, что наиболее часто ненадлежащее ис-

полнение медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей как признак преступления квалифицируется по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Некачественное оказание медицинской помощи чаще всего проявляется в нарушениях положений стандартов оказания медицинской помощи и клинических рекомендаций, игнорировании предписаний должностных инструкций, непрофессионализме медицинских работников. Отсутствие стандартов оказания медицинской помощи и экспертной оценки по большинству нозологий, размытость критериев юридической квалификации действий медицинских работников в случае выявления дефектов в оказании медицинской помощи обуславливают необходимость совершенствования методологической и правовой базы судебно-медицинской экспертизы по материалам уголовных дел данной категории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Защита прав врачей: практикум по тактике. – М.: Национальная медицинская палата, 2018. – 43 с.
2. Идрисов Н.Т. К вопросу об уголовной ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг в России: история, реальность, перспективы // Медицинское право: теория и практика. – 2018. – № 1. – С. 67–71.
3. Казанцев С.Я., Самитов Э.О. Особенности и специфика расследования причинения тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. – 2015. – С. 318–321.
4. Калинин Р.Э., Баринов Е.Х. Судебно-медицинская оценка безопасности медицинской помощи: новые требования и новые вызовы // Медицинское право: теория и практика. – 2018. – № 1. – С. 77–83.
5. Кирова Т.А., Куранов В.Г. К вопросу о конкретизации мер уголовной ответственности медицинских работников // Там же. – № 2. – С. 69–72.
6. Ковалев А.В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методические рекомендации. – М.: Российский центр судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, 2017. – 29 с.
7. Налётова Д.М., Борисов А.В. О применении «Стандарта экспертной диагностики» в рутинной судебно-медицинской практике // Медицинское право: теория и практика. – 2018. – № 1. – С. 98–107.
8. Перепечина И.О., Перепечин Д.В., Смирнова Д.В. Споры и конфликтные ситуации в связи с ненадлежащим оказанием медицинской помощи и юридическая практика для их разрешения // Исследования и практика в медицине. – 2015. – Т. 2. – № 1. – С. 72–75.
9. Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности: учеб.-метод. пособие / под ред. А. М. Багмета. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 159 с.
10. Сазин С.Т. Защита конституционных прав граждан при ненадлежащем оказании медицинской помощи (проблемы выявления и расследования ятрогенных преступлений) // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и

проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов всерос. конф. – Орел, 2015. – С. 279–284.

11. Чернышев С.А., Чиненов Е.В. Проблемы организации производства новых видов экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России (по опыту экспертно-криминалистического центра УМВД России по Белгородской области) // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – №4. – С.25–28.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Protecting the rights of doctors: a workshop on tactics. – М.: National Medical Chamber, 2018. – 43 p.

2. Idrisov N.T. On the issue of criminal liability for the improper provision of medical services in Russia: history, reality, prospects / N.T. Idrisov // Medical law: theory and practice. – 2018. – №. 1. – P. 67–71.

3. Kazantsev S.Ya., Samitov E.O. Features and specifics of the investigation of causing serious bodily harm due to inadequate medical care // In the collection: Actual problems of law and law enforcement at the present stage. – 2015. – P. 318–321.

4. Kalinin R.E., Barinov E.Kh. Forensic medical safety assessment of medical care: new requirements and new challenges / R.E. Kalinin, E.Kh. Barinov // Medical law: theory and practice. – 2018. – No. 1. P. 77–83.

5. Kirova T.A., Kuranov V.G. To the issue of concretization of measures of criminal liability of medical workers / T.A. Kirova, V.G. Kuranov // Medical law: theory and practice. – 2018. – №. 2. – P. 69–72.

6. Kovalev A.V. The procedure for conducting a forensic medical examination and establishing causal relationships on the fact of refusal or improper provision of medical care: guidelines (approved by the Russian Ministry of Health 06/21/2017) / A.V. Kovalev – М: FSBI Russian Center for Forensic Medical Examination Ministry of Health of Russia, 2017. 29 p.

7. Naletova D.M., Borisov A.V. About the application of the “Standard of expert diagnostics” in routine forensic practice / D.M. Naletova, A.V. Borisov // Medical Law: Theory and Practice. – 2018. – №. 1. – P. 98–107.

8. Perepechina I.O., Perepechin D.V., Smirnova D.V. Disputes and conflict situations in connection with inadequate medical care and legal practice to resolve them // Research and practice in medicine. – 2015. – Vol. 2. – №. 1. – P. 72–75.

9. Investigation of crimes committed by medical personnel through negligence (iatrogenic crimes): textbook.-method, a manual for university students enrolled in the field of study "Law" / ed. AM. Bagmet. – М.: UNITY-DANA, 2018. 159 p.

10. Sazin S.T. Protection of the constitutional rights of citizens with inadequate medical care (problems of identifying and investigating iatrogenic crimes // In the collection: Contemporary Criminal Procedure Law of Russia – History Lessons and Problems of Further Reformation. Collection of materials of the All-Russian Conference. – 2015. – P. 279–284.

11. Chernyshev S. A., Chinnov E. V. Problems of production of new types of expertise in the forensic units of the interior Ministry of Russia (experience of the expert and criminalistic center of Ministry of internal Affairs of Russia across the Belgorod region) // Problems of law enforcement. – 2016. – № 4. – P. 25–28

УДК: 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10042

Ващенко Борис Михайлович
адъюнкт Восточно-Сибирского
института МВД России
E-mail: b_vaschenko@mail.ru

Vashchenko Boris Mikhailovich
Adjunct East-Siberian Institute
of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: b_vaschenko@mail.ru

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ МЕЖДУГОРОДНЫХ ПАССАЖИРСКИХ АВТОПЕРЕВОЗОК

Введение: значение криминалистической характеристики преступлений достаточно существенно для расследования уголовных дел. При этом наиболее значимым элементом криминалистической характеристики преступлений в сфере нарушений безопасности междугородных пассажирских автоперевозок является обстановка совершения преступления. Данный элемент выступает в качестве «несущего каркаса», объединяющего все элементы механизма преступления, что обуславливает прямые связи с механизмом следообразования.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания. Кроме того, применялись методы обобщения судебно-следственной и оперативно-розыскной практики и др.

Результаты исследования позволили определить характерные особенности такого структурного элемента криминалистической характеристики, как обстановка совершения преступлений.

Выводы и заключения: проанализированы общие обстоятельства, влияющие на обстановку совершения преступлений. Сформулированы типичные обстоятельства, которые в своей совокупности образуют обстановку совершения преступлений рассматриваемой категории уголовных дел.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, обстановка совершения преступления, элементы криминалистической характеристики, методика расследования, преступления в сфере междугородных пассажирских автоперевозок.

THE SITUATION OF THE CRIME AS THE MAIN ELEMENT OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE FIELD OF SECURITY VIOLATIONS OF LONG-DISTANCE PASSENGER TRANSPORTATION

Introduction: The importance of the forensic characterization of crimes is significant enough for the investigation of criminal cases. At the same time, the most significant element of the forensic characteristic of crimes in the sphere of violations of the safety of intercity passenger road transport is the situation of commission of the crime. This element acts as a "support frame" combining all elements of the crime mechanism, which makes direct connections with the trace mechanism.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal, as well as cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description. In addition, methods of generalizing judicial investigation and investigation practices, etc., were used.

The results of the study: revealed the characteristics of such a structural element of the forensic characteristic as the situation of the commission of crimes.

Conclusions and conclusions: the general circumstances affecting the situation of commission of crimes have been analysed. Typical circumstances are formulated, which together form the situation of commission of crimes of the category of criminal cases under consideration.

Key words: forensic characteristic, crime situation, elements of forensic characteristic, investigation methodology, crimes in the sphere of long-distance passenger road transport.

Как известно, сущность криминалистической характеристики заключается в том, что знание ее структурных элементов позволяет следователю делать наиболее вероятные предположения на начальном этапе расследования преступления при существенном дефиците исходной информации. Такого дефицита нельзя избежать на стадии возбуждения уголовного дела. Часто встречающееся отсутствие информации требует проведения проверки сообщения о преступлении, без которого, как правило, не обходится ни одно принятие решения о возбуждении уголовного дела. На таком сложном этапе крайне важно, не теряя времени, работать в правильном направлении, для чего необходимы наиболее вероятные версии, выдвинуть которые без большого опыта работы в данной сфере или без академических знаний о типичных особенностях подобных преступлений невозможно.

Выдвигая версии, лицо, осуществляющее расследование, исходя из своей личной практики и знаний, полученных в результате профессиональной деятельности, основывается на закономерностях, которые лежат в основе теоретического учения о криминалистической характеристике. Так, при дорожно-транспортном происшествии, в котором пострадали пассажиры междугородного автобуса, лицо, управлявшее транспортным

средством, известно. Зная особенности способа совершения подобных преступлений и другие характерные элементы криминалистической характеристики, следователь должен сделать ряд предположений, являющихся в данном случае следственными версиями.

В первую очередь отталкиваемся от типичной особенности исходной следственной ситуации для подобного рода преступлений, которой является то, что с момента совершения преступления до момента поступления сообщения о нем в правоохранительные органы обычно не проходит много времени. Так, следователь должен знать, что способ совершения таких преступлений по определению не содержит такого элемента в своей структуре, как подготовка, соответственно, на месте происшествия должно быть большое количество материальных следов, подтверждающих факт управления транспортным средством, следов, подтверждающих нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства. Эмоциональное, а иногда и физическое состояние водителя обычно не позволяет ему тщательно избавиться от всех следов до начала расследования, часто они и не пытаются или не успевают этого сделать. Поэтому необходимо, не откладывая, заняться осмотром места происшествия, чтобы не утратить следы и улики, которые долго не сохраняются. Зная результаты исследования такого элемента криминалистической характеристики, как личность преступника, следователь должен понимать, что водители транспортных средств в таких случаях, как правило, не имеют маргинальных, антиобщественных, преступных проявлений в поведении. В обычной жизни они вполне добропорядочные граждане. В проведенном нами исследовании в 80 % случаев они имеют семью и детей, в 89 % случаев обладают интеллектуальными способностями средними или выше среднего. Вместе с тем в более чем 75 % случаев такие лица не признают своей вины в процессе расследования, если у следствия нет убедительных объективных доказательств, это создает большую степень вероятности того, что подозреваемый, спустя время, станет оказывать серьезное противодействие расследованию, принимать меры к тому, чтобы уйти от наказания, введя следствие в заблуждение.

Выдвигая версию об этом и учитывая, что преступник не был подготовлен к совершению преступления, еще не занял противодействующую позицию, не разработал тактику защиты, а в настоящее время находится в эмоционально возбужденном состоянии, следователь должен принять решение о неотложном проведении допроса подозреваемого, если, конечно, постановление о возбуждении уголовного дела уже вынесено.

Если же уголовное дело еще не возбуждено, а возбудить его в данный момент не представляется возможным, то следователь получает от него объяснение, зафиксировав признательные пояснения не только на бумажном носителе. Убедительнее использовать в процессе доказывания видеозапись с признательными показаниями, чем протокол объяснения, который судами обычно вообще не принимается к рассмотрению. Конечно, не следует забывать при этом об организации охраны места происшествия, которое представляет собой информационно-насыщенный элемент криминалистической характеристики.

На наш взгляд, наиболее значимым элементом криминалистической характеристики преступлений в сфере нарушений безопасности междугородных пассажирских автоперевозок является обстановка совершения преступления. В достаточной степени

обстановка совершения преступления, как структурный элемент криминалистической характеристики, исследована еще в 1996 г. В.С. Ишигеевым. Вместе с тем следует согласиться с О.А. Кудряшовой: обстановка выступает в качестве «несущего каркаса», объединяющего все элементы механизма преступления и соответствующие изменения материальной действительности, и обуславливает прямые связи с механизмом следообразования [1, с. 12], что предопределяет значимость исследования обстановки совершения преступления как ключевого элемента криминалистической характеристики, в том числе при расследовании ДТП с участием междугородных автобусов.

Обстоятельства, относящиеся к обстановке совершения преступления, можно разделить на две группы по признаку их специфической относимости к рассматриваемой группе преступлений. Существуют обстоятельства, которые присутствуют и имеют значение не только в обстановке совершения преступлений в сфере нарушений безопасности междугородных пассажирских перевозок, но и в обстановке совершения другого рода преступлений неограниченного круга. Это обстоятельства времени, места, условий окружающей среды, направления и скорости движения транспорта или пешеходов, не являвшихся участниками происшествия и т.д. Здесь мы имеем в виду обстоятельства места в широком понимании их влияния на элементы криминалистической характеристики большого круга преступлений без учета особенностей мест, на которые распространяется действие правил дорожного движения. Абсолютно верно, было отмечено А.Ю. Головиным и М.А. Берестневым применительно к вопросам расследования преступлений, совершаемых в сфере автомобильного транспорта, «уже само место совершения преступления того или иного вида предопределяет специфику его механизма. В ряде случаев именно этот элемент преступной деятельности выступает как детерминирующий для всего процесса совершения преступного деяния» [3, с. 12].

Указанные обстоятельства, безусловно, имеют значение при расследовании преступлений рассматриваемой нами категории и часто являются предметом доказывания. Для примера приведем следующий фрагмент обвинительного приговора: «...повернул налево по направлению в с. Дубовое и продолжил движение прямо в левом ряду со скоростью порядка 60 км/ч. В данный момент было темное время суток, несмотря на то, что уличные фонари были включены, видимость была ограничена, погода пасмурная, шел дождь со снегом, на дороге имелась слякоть. Свет от встречных автомобилей также ограничивал видимость. Подъезжая к перекрестку в районе остановки общественного транспорта “Синие крыши”, где имеется пешеходный переход,двигающийся по правой полосе автомобиль стал снижать скорость»¹. Как видно из этого примера, эти обстоятельства обязательны к установлению, но для раскрытия, установления степени вины и выдвижения версий на первоначальном этапе расследования они не понадобились. Подобные обстоятельства необходимо устанавливать при расследовании любого рода преступлений.

Также закономерности места преступления детерминируют возможность реализации виновными определенного способа совершения и сокрытия преступного деяния,

¹ Приговор Белгородского районного суда Белгородской области по уголовному делу № 1-99/2018 // Архив Белгородского районного суда за 2018 г.

требующего наличия у виновных соответствующих знаний и навыков. В пределах типичного места совершения преступления в результате противоправных действий виновных в отношении предмета преступного посягательства образуется соответствующая следования картина [4, с. 61].

Кроме того, существуют также обстоятельства, являющиеся элементами обстановки совершения преступлений, характерные преимущественно для рассматриваемой нами категории преступлений.

Изучив ряд уголовных дел по расследованию преступлений в сфере нарушений безопасности междугородных пассажирских автоперевозок, несмотря на существенные отличия в их уголовно-правовых характеристиках и особенностях квалификации, мы выделили ряд особенностей обстановки, в которой они совершаются, позволяющих объединить их в группы.

Во-первых, это особенности, вытекающие из самого определения. Преступления, рассматриваемой категории совершены в сфере общественных отношений, связанных с осуществлением междугородных пассажирских автоперевозок. При этом не всех отношений в данной области общественной жизни, а только тех, которые связаны с обеспечением безопасности. Изучаемые преступления наносят ущерб состоянию защищенности объектов или субъектов правоотношений в сфере пассажирских перевозок или могут причинить им вред. Такая система общественных отношений представляет собой среду, в которой совершается преступление. В связи с этим данная среда формирует или предопределяет типичные особенности личности преступника, выбор им линии преступного поведения или способ совершения преступления. Жертвы подобных преступлений также имеют свои специфические особенности, обусловленные средой, т. е. типичными обстоятельствами преступления, относящимися к обстановке совершения.

Таким образом, предлагаем при рассмотрении обстановки совершения преступления использовать дуалистический подход к рассмотрению данной криминалистической категории. Обстановка, в которой совершаются данного рода преступления, с одной стороны сформирована нормами права, регулирующими отношения в сфере безопасности пассажирских междугородных перевозок. С другой стороны, данная обстановка складывается в объективной действительности, в мире физических объектов и явлений, в котором обязательно присутствует транспортное средство, проезжая часть, водитель и, как правило, пассажиры. Будет ошибкой рассматривать пассажиров обязательной жертвой преступления, так как не всегда они фактически подвергаются опасности. Большое число пассажиров участвуют по уголовному делу в качестве свидетелей, а в некоторых происшествиях, по которым проводится расследование, пассажиров вообще может не быть. Так, состав преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, является формальным, что предусматривает привлечение к ответственности без причинения вреда пассажирам. И это должно быть правилом, так как криминалистическая профилактика преступлений имеет одной из своих целей предупреждение причинения вреда кому-либо, и приемы, разрабатываемые ею, также должны позволить выявлять преступления, включая длящиеся до того, как преступными действиями был причинен вред. Так, водитель заказного пассажирского автобуса А. в январе 2017 г.

допустил ряд нарушений правил дорожного движения, что было выявлено сотрудниками ОГИБДД ОМВД России по Пушкинскому району Санкт-Петербурга. У него отсутствовало российское национальное водительское удостоверение и тахограф для учета рабочего времени водителя, которое не должно превышать 10 часов. Отсутствие водительского удостоверения само по себе прямо не создает опасности, однако это подразумевает, что водитель не был ознакомлен с правилами дорожного движения, действующими на территории России, и не подтвердил их знание. А это обстоятельство уже создает реальную опасность для пассажиров и других участников дорожного движения. Отсутствие тахографа также существенное нарушение, так как это позволяет водителю из корыстной или иной личной заинтересованности пренебрегать требованиями безопасности и работать в состоянии сильного переутомления.

Эти обстоятельства, доказанные в ходе расследования уголовного дела результатами тактически правильно проведенных следственных действий, заключениями экспертов, позволили суду вынести обвинительный приговор в отношении А. и признать его виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ¹.

Кроме обязательных элементов обстановки совершения преступления, таких как транспортное средство, водитель и проезжая часть, есть также другие, которые встречаются не всегда, но достаточно часто, чтобы о них указать в нашем исследовании. Они также могут повлиять на механизм совершения преступления и следообразования. Следователь должен предполагать и учитывать в своих версиях, что в механизме преступлений в сфере нарушений безопасности междугородных пассажирских автоперевозок как элемент обстановки могут присутствовать:

- лица и транспортные средства, которым причинен фактический вред в результате совершения преступления;
- другие водители, пассажиры, пешеходы;
- иные транспортные средства, находившиеся в непосредственной близости к месту происшествия;
- технические средства фиксации процесса дорожного движения;
- территория, прилегающая к проезжей части в месте совершения преступления;
- работодатель водителя, допустившего преступное поведение;
- документы необходимые для осуществления перевозок;
- технические средства и оборудование, без наличия которых запрещается осуществлять междугородные пассажирские перевозки.

Безусловно, данный перечень элементов носит не исчерпывающий характер. Выделены наиболее значимые часто встречающиеся элементы обстановки, которые необходимо учитывать лицам, участвующим в расследовании преступлений в сфере нарушений безопасности междугородных пассажирских автоперевозок. Все они в механизме следообразования могут выступать как следообразующими, так и следовоспринимающими объектами [5, с. 87].

¹ Приговор Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербург по уголовному делу № 1-62/2018 // Архив Пушкинского районного суда за 2018 г.

К обстоятельствам совершения и механизма образования следов относятся значительные расстояния и периоды времени перевозки вне населенных пунктов. Это формирует такие условия, как:

- ночное и раннее утреннее время, что увеличивает стрессовое состояние водителя на первоначальном этапе расследования;
- слабая интенсивность движения и малое количество посторонних лиц, явившихся случайными свидетелями или очевидцами происшествия;
- слабая интенсивность движения в некоторых случаях позволяет более длительное время сохранять следы и предметы, имеющие значение для расследования на месте происшествия и на маршруте следования;
- удаленность от населенных пунктов затрудняет возможность водителя скрыться, а других лиц – быстро приехать на место происшествия;
- междугородные перевозки в силу указанных причин часто осуществляются с использованием диспетчерской службы, что создает дополнительные следы преступной деятельности.

Немаловажное обстоятельство, которое обычно присутствует в междугородных пассажирских автоперевозках, это то, что они чаще всего осуществляются организациями.

Рассмотрев типичные механизмы подобных преступлений, необходимо сказать о том, что указанные выше обстоятельства, относящиеся к обстановке, в которой было совершено преступление, могут не только быть сами подвержены воздействию других элементов механизма, в результате чего нести на себе следы, по которым можно восстановить событие преступления. Также они могут сами влиять на другие элементы механизма, оказывать на них воздействие. Так, присутствие в автобусе большого числа пассажиров, с одной стороны, предполагает формирование у них множества идеальных следов, подлежащих фиксации при расследовании. С другой стороны, это оказывает сильное влияние на действия водителя в момент совершения преступления или сразу после его совершения, выбор им той или иной линии поведения в условиях наблюдения пассажирами.

Резюмируя изложенное, можно сформулировать следующие выводы:

- при рассмотрении обстановки совершения преступлений в сфере нарушений безопасности междугородных пассажирских перевозок следует использовать дуалистический подход. Обстановка, в которой совершаются данного рода преступления, с одной стороны, сформирована нормами права, регулирующими отношения в сфере безопасности пассажирских междугородных перевозок. С другой стороны, данная обстановка складывается в объективной действительности, в мире физических объектов, в котором обязательно присутствует транспортное средство, проезжая часть, водитель и, как правило, пассажиры;
- в обстановке совершения следует учитывать общие обстоятельства, присущие не только преступлениям рассматриваемой категории, но и обстоятельства, характерные только для данного рода преступлений. Знание типичных особенностей данных обстоятельств должно позволять следователю выдвигать наиболее вероятные версии на первоначальном этапе расследования при существенном дефиците исходной информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ишигеев В.С. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1996. – 138 с.
2. Кудряшова О.А. Криминалистическое значение обстановки совершения преступления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 27. – С. 9–54.
3. Берестнев М.А. Головин А.Ю. Методика расследования разбойных нападений на автодорогах. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 190 с.
4. Грибунов О.П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 5–2. – С. 59–63.
5. Головин А.Ю., Грибунов О.П., Бибииков А.А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений: монография. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2015. – 164 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Ishigeev V.S. The situation of the commission of the crime as an element of its forensic characteristic: dis.... edging. юрид. sciences. – SPb., 1996. – 138 s.
2. Kudryashova O.A. Forensic significance of the crime situation // Journal of the South Ural State University. Series: Law. – 2011. – No. 27. – P. 49–54.
3. Berestnev M.A. Golovin A.Y. Methodology of Investigation of Robbery Attacks on Roads. - Moscow: Jurlitinform, 2012. – 190 p.
4. Gribunov O.P. The situation of the commission of crimes as a key element of the forensic characteristic of crimes committed on railway transport // News of the Tula State University. Economic and legal sciences. – 2013. – № 5–2. – P. 59–63.
5. Golovin A.Y., Kruunov O.P., Bibikov A.A. Forensic Methods of Overcoming Opposition to Investigation of Transport Crimes: Monogor. – Irkutsk: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. – 164 p.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10043

Жамбалов Дмитрий Баирович

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
кандидат юридических наук
E-mail: d-zhambalov@mail.ru

Zhambalov Dmitry Bairovich

Associate professor of the department of criminal and legal disciplines, East-Siberian state university of technology and management
Candidate of law
E-mail: d-zhambalov@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Введение: в статье рассматриваются основные элементы криминалистической характеристики легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, необходимые для разработки методики расследования рассматриваемого преступления в целях совершенствования деятельности следственных органов.

Материалы и методы: эмпирическую основу исследования составили материалы 53 уголовных дел, возбужденных по фактам легализации преступных доходов, статистические данные о выявленных преступлениях рассматриваемой категории, а также публичные результаты деятельности Росфинмониторинга по определению и минимизации рисков легализации (отмывания) преступных доходов в различных сферах деятельности.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод, способствующий раскрытию таких элементов криминалистической характеристики, как способы, механизм совершения преступления и отражение информации о совершенном деянии. Также применялись методы анализа, синтеза, наблюдения и описания.

Результаты исследования: рассмотрение элементов криминалистической характеристики отмывания преступных доходов позволило выявить особенности, которые раскрывают составные части способов и схем легализации. Установлено, что все способы легализации преступных доходов состоят из двух и более элементов, где первым и обязательным являются фиктивные финансовые операции и другие сделки. Вторым и последующими элементами являются использование подставных физических лиц, фирм-однодневок; систем денежных переводов в организациях финансового сектора и т.д. Кроме того, для большей информативности об исследуемом преступлении целесообразно элементы криминалистической характеристики раскрывать в соотношении с определенными фазами легализации. Такой подход раскрывает динамику совершения преступления, а также содержание элементов на определенных этапах легализации.

Выводы и заключения: результаты исследования в связи с недостаточной разработанностью рассматриваемой проблемы могут быть использованы при разработке эффективной методики расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, способ совершения преступления, типичные следы преступления.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF LEGALIZATION (LAUNDERING) OF INCOMES RECEIVED BY CRIMINAL WAY

Introduction: the article discusses the main elements of the forensic characterization of the legalization (laundering) of criminally obtained income necessary to develop a methodology for investigating the crime in question in order to improve the activities of the investigating authorities.

Materials and methods: the empirical basis of the study was composed of 53 criminal cases filed on the facts of legalization of criminal proceeds, statistics on identified crimes of the category under consideration, as well as public results of Federal Financial Monitoring Service to determine and minimize the risks of legalizing (laundering) criminal proceeds in various fields of activity.

The methodological basis of the study was a dialectical method that facilitates the disclosure of such elements of forensic characteristics as methods, mechanism of crime and reflection of information about the committed act. Also methods of analysis, synthesis, observation and description were used.

Results of the research: consideration of the elements of the criminalistic characteristics of laundering of criminal proceeds made it possible to identify features that reveal the components of methods and schemes of legalization. It has been established that all methods of money laundering include two or more elements, where the first and mandatory component are fictitious financial transactions and other transactions. The second and subsequent elements are the use of dummy individuals, "one-day firms"; money transfer systems in organizations of the financial sector, etc. In addition, for greater clarity on the investigated crime, it is advisable to disclose the elements of the forensic characteristics in relation to certain phases of legalization. This approach reveals the dynamics of the crime, as well as the content of elements at certain stages of legalization.

Conclusions and results: due to the insufficient elaboration of the problem under consideration the results of the study can be used in the development of an effective method of investigating the legalization (laundering) of criminally obtained incomes.

Key words: legalization of criminal proceeds, way to commit a crime, typical traces of crime.

Одним из условий повышения эффективности деятельности следственных подразделений по расследованию преступлений, связанных с отмыванием доходов, полученных преступным путем, является разработка эффективной методики их расследования. К числу мер по разработке таких методик относится исследование вопросов, связанных с определением и раскрытием криминалистической характеристики преступления.

Необходимость разработки эффективной и практически востребованной методики расследования обусловлена неоднозначным толкованием признаков легализации следственными органами и отсутствием единого подхода к разрешению типичных следственных ситуаций. К такому же выводу приходит Ю.В. Крачун, который указал, что «...вследствие отсутствия единообразия в юридической науке и в правоприменительной практике следователями принимаются кардинально противоположные решения по сути в аналогичных ситуациях» [8, с. 6].

В связи с этим выявляется и расследуется незначительное количество фактов легализации преступных доходов. Так, за 2014 г. в целом по России было выявлено 774 преступления по фактам отмывания преступных доходов, в 2015 – 863, в 2016 – 818, в 2017 – 711, и в 2018 г. – 993¹. Указанное количество выявленных преступлений, на наш взгляд, является незначительным, если их соотнести с другими регистрируемыми имущественными, хозяйственными и коррупционными преступлениями, а также с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия, драгоценных металлов, углеводородного сырья, древесины и прочих ресурсов, доходы от которых легализуются.

Таким образом, целью исследования является выделение и рассмотрение основных элементов криминалистической характеристики преступления, а также фаз (этапов) легализации преступных доходов, для достижения которой необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть подходы к формулированию элементов криминалистической характеристики; 2) выделить этапы отмывания преступных доходов; 3) проанализировать позиции авторов относительно выделения и обоснования типичных способов совершения преступления; 4) рассмотреть на основе решения предыдущих задач основные элементы криминалистической характеристики преступления.

В результате проведенного исследования установлено, что в настоящее время нет единого подхода к формированию элементов криминалистической характеристики рассматриваемого преступления. Некоторые авторы к числу таких элементов относят традиционные для большинства видов преступлений элементы криминалистической характеристики, такие как: сведения об объекте и предмете преступления; о способах совершения преступления; о месте и времени совершения преступления; о личности преступника; о типичных следах преступления. Другие исследователи криминалистическую характеристику раскрывают с позиции описания фаз (этапов) от-

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2014–2018 гг. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762/1/> (дата обращения 15.02.2019).

ывания преступных доходов, что позволяет показать факты легализации в динамике (в развитии).

Но для большей информативности, на наш взгляд, целесообразно не только раскрыть элементы криминалистической характеристики, а попытаться эти элементы соотнести с определенными фазами легализации. Такой подход раскроет и динамику совершения преступления, и содержание элементов на определенных этапах легализации. Прежде всего, это относится к сведениям о предмете, способе и обстановке совершения преступления, а также к следам, образующимся в результате совершения определенных операций по легализации. Следует отметить, что схожее описание криминалистической характеристики легализации преступных доходов, в котором было предложено совместить фазовый и элементный подходы [9, с. 93], предлагала С.К. Крепышева.

На наш взгляд, этапы легализации преступных доходов целесообразно рассматривать не только в связи с традиционными элементами криминалистической характеристики, но и с деятельностью той или иной преступной организации.

Большинство авторов, исследующих рассматриваемую проблему, единогласны в том, что факты легализации преступных доходов, как правило, совершаются преступными группами, а легализация является завершающей стадией оборота преступного капитала. Так, результаты исследования Ю.И. Селивановской свидетельствуют о том, что легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, является одним из двух основных направлений преступной деятельности организованных групп в сфере экономики [10, с. 39]. Р.В. Жубрин отмечает, что «...благодаря финансовой подпитке от легализации преступных доходов функционирует транснациональная организованная преступность» [5, с. 3]. По мнению Е.В. Щегловой, противодействие легализации преступных доходов является одним из приоритетных направлений борьбы с организованной преступностью [12, с. 3].

Таким образом, фазы (этапы) легализации преступных доходов (составных элементов криминалистической характеристики) следует рассматривать как последовательную деятельность преступных групп.

При этом количество этапов отмывания преступных доходов, на наш взгляд, зависит от сложности механизма легализации, структуры преступной организации, особенностей предмета преступления и ряда других обстоятельств.

Анализ и обобщение имеющейся литературы и следственной практики позволяют выделить двухфазовую, трехфазовую и четырехфазовую модели легализации [4, с. 34].

Двухфазовая модель (схема) легализации является наиболее простой и заключается в совершении членами организованной группы таких финансовых операций с преступными доходами, как «обналичивание» денежных средств, обменные сделки и ряд других операций, которые образуют первый этап легализации. На следующем этапе денежные средства возвращаются в легальный оборот под видом средств, полученных законным путем. При этом в качестве легального источника происхождения денежных средств будут позиционироваться операции, проведенные на первом этапе.

Трехфазовая модель (схема) легализации состоит из размещения, смешивания и интеграции преступных доходов. На этапе размещения совершаются такие операции, как обменные сделки, превращение наличных денежных средств в финансовые инструменты, перевод денег на счета других лиц, в том числе в другие страны и ряд других операций. На втором этапе происходит смешивание легализуемых средств с денежными средствами или финансовыми инструментами, полученными легальным путем. Для этого могут использоваться различные учреждения финансового и нефинансового секторов со значительными денежными потоками. Смешивание может проводиться под видом инвестирования денежных средств в указанные учреждения, срочных вкладов либо под видом различных сделок с такими учреждениями, например, в виде выплат от якобы оказанных услуг, поставленных товаров и пр. На последнем этапе легализуемые ценности имеют вид доходов, полученных законным путем и интегрируются в легальную экономику.

Четырехфазовая модель (схема) также состоит из ряда последовательных операций с денежными средствами или иным имуществом. На первом этапе члены преступной группы освобождаются от денежных средств, перечисляя их на счета подставных лиц. На втором этапе могут быть совершены обменные сделки, превращение денежных средств в финансовые инструменты и др. Третий этап заключается в маскировке средств с использованием операций со счетами легально функционирующих, в том числе крупных и авторитетных организаций. На последнем этапе происходит интеграция (объединение) легализованных доходов на счетах лиц, контролируемых организованными группами.

Отметим, что подобное деление схем легализации носит условный характер, так как в реальной жизни легализация представляет собой перманентный процесс по приданию преступным доходам вида полученных законным путем, охватываемый единым умыслом преступников. Кроме того, при изучении уголовных дел, возбужденных по ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ, выявить в них четкие признаки наличия той или иной схемы достаточно сложно. Поэтому такая градация обоснована для исследовательских целей и разработки методики расследования.

Рассмотрим некоторые наиболее важные элементы криминалистической характеристики в связи с определенными этапами легализации.

Предметом легализации, как следует из норм уголовного закона, являются денежные средства и иное имущество. При этом, исходя из анализа следственной практики, денежные средства в качестве предмета преступления встречаются значительно чаще, чем иное имущество. Кроме того, денежные средства используются во всех рассмотренных схемах отмывания, т.е. при двухфазовой, трехфазовой и четырехфазовой моделях легализации. Во всех отмеченных схемах в зависимости от конкретного способа легализации они могут быть представлены как в наличной форме, так и в безналичной, т.е. находящиеся на счетах физических и юридических лиц в финансовых учреждениях. Кроме того, денежные средства могут быть представлены как в национальной валюте, так и в иностранной.

К иному имуществу относится движимое и недвижимое имущество, имеющее определенную стоимость. К недвижимости принято относить строения, жилые и

нежилые помещения, предприятия как производственные и имущественные комплексы, а также земельные участки. Движимым имуществом, таким образом, является то, что не относится к недвижимому имуществу и не является денежными средствами. Например, транспортные средства, партия сырья или продукции, оборудование, ценные бумаги, изделия из драгоценных металлов и пр.

В качестве обязательного признака предмета легализации выделяется источник его происхождения, а именно происхождение в результате совершения конкретного преступления, доказывание которого является прерогативой следственных органов в рамках расследования предикатного состава преступления.

Отметим, что в соответствии с разъяснениями Верховного суда Российской Федерации, если имущество, приобретенное преступным путем, ограничено законом в гражданском обороте и ответственность за его незаконный оборот предусмотрена уголовным законом, то совершение с ним сделки в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению следует квалифицировать только по соответствующей статье как приобретение либо сбыт оружия, боеприпасов, наркотических средств без совокупности со ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ. Последующее совершение в указанных целях финансовых операций и сделок с денежными средствами, полученными в результате преобразования такого имущества (к примеру, с денежными средствами, приобретенными в результате продажи наркотического средства), образует объективную сторону преступлений, предусмотренных ст. 174 или ст. 174.1 УК РФ¹.

Законодатель не установил минимальный размер (порог) преступных доходов, легализация (отмывание) которых будет признаваться преступлением в соответствии со ст. ст. 174, 174.1 УК РФ. При этом размер доходов имеет значение только для квалификации деяний по квалифицированным составам указанного вида преступления.

Местом совершения преступления, а именно финансовых операций и сделок, направленных на легализацию преступных доходов, чаще всего являются финансово-кредитные учреждения, ломбарды, страховые компании, различные фонды, а также некоторые организации нефинансового сектора.

К организациям и учреждениям нефинансового сектора, принимающим участие в легализации, как правило, относятся объекты индустрии развлечений (казино, игровые зоны, рестораны), сферы услуг (автосервисы, гостиницы и пр.), а также объекты торговли и строительства. Через указанные объекты в связи со спецификой осуществляемой деятельности проходят значительные объемы денежных средств, в том числе наличных.

Рассматривая место совершения преступления, следует отметить территории отдельных стран, относящиеся к оффшорным зонам. Оффшорные зоны это небольшие государства и территории, которые проводят политику привлечения денежных средств из-за рубежа путем предоставления налоговых, регистрационных и иных

¹ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного суда РФ от 07.07.2015 № 32 // Бюл. Верховного суда РФ. 2015. N 9.

льгот. Сведения о таких территориях являются общедоступными и, как правило, позиционируются в разных источниках как свободные экономические зоны. Но наряду с внешне благими условиями для бизнеса соседствуют учреждения, специализирующиеся на легализации преступных доходов, чему способствуют указанные льготные условия для ведения экономической деятельности.

Отмеченные объекты относятся к тем или иным сферам деятельности, предметным областям, через которые осуществляется легализация. По результатам исследований, проведенных специалистами Росфинмониторинга, опубликованы уязвимости области, где проявление легализации преступных доходов наиболее вероятно. К ним отнесены следующие предметные области риска: кредитно-финансовая сфера; сфера бюджетных отношений; область коррупционных правонарушений; сфера незаконного оборота наркотиков. Таким образом, учреждения финансового сектора отнесены к области повышенного риска отмыывания преступных доходов.

Следующим и одним из наиболее важных и информативных элементов криминалистической характеристики легализации преступных доходов являются сведения о способе совершения преступления. Указанный элемент криминалистической характеристики «...индивидуализирует и качественно определяет преступное деяние» [7, с. 12].

Сведения о способах отмыывания являются необходимым условием разработки эффективной методики расследования. В этом вопросе следует согласиться с Е.М. Кадеровым, который считает, что для эффективного расследования легализации (отмыывания) денежных средств необходимо знать механизм и способы совершения данных преступлений [6, с. 64].

В криминалистике под сведениями о способе совершения преступления принято понимать информацию о деяниях лица по подготовке и совершению действий, образующих объективную сторону состава преступления, квалифицируемого по конкретной норме особенной части уголовного закона, а также действий, направленных на сокрытие следов преступления [11].

Законодательное описание рассматриваемого преступления заключается в совершении действий, указанных в диспозиции ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, а именно финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, которые были приобретены преступным путем. При этом операции и сделки совершаются со специальной целью – придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или имуществом.

Результаты изучения материалов уголовных дел и научных обобщений позволяют сделать вывод о большом разнообразии способов отмыывания преступных доходов, вместе с тем свидетельствуют о том, что каждый способ совершения финансовых операций и иных сделок, направленных на легализацию преступных доходов, состоит из двух и более элементов, количество которых зависит от механизма преступления и конкретных схем легализации.

Первым и обязательным составляющим каждого способа отмыывания являются финансовые операции и другие сделки с преступными доходами во всем их многообразии. При этом все операции и сделки являются изначально фиктивными, так как осуществляются с преступными доходами и с целью придания им вида полученных

законным путем. Вторым и последующими составными элементами каждого способа могут быть использование подставных физических лиц, подставных субъектов предпринимательской деятельности, т.е. «фирм-однодневок», систем денежных переводов в организациях финансового сектора, онлайн-кошельков, фиктивной внешнеэкономической деятельности и т. д. [3, с. 10].

В каждом конкретном случае факты легализации совершаются новым способом, где фиктивные операции и сделки сочетаются со множеством различных элементов, в том числе с теми, которые указаны выше, с учетом конкретных условий места и времени совершения преступления.

К числу наиболее распространенных способов легализации относятся:

- «обналичивание» денежных средств, заключающееся в перечислении денежных средств, имеющихся на счетах участников преступной группы, на счета подставных граждан или «фирм-однодневок» для их снятия в наличной форме. Перевод больших сумм, подлежащих обязательному контролю, как правило, осуществляется под видом определенных сделок. Таким образом, преступные доходы в наличной форме отдаляются от базового преступления;

- обменные сделки, заключающиеся в обмене российских денег на иностранную валюту [2, с. 44]. В результате обменных сделок преступники также получают денежные средства, которым придается вид приобретенных законным путем;

- продажа «грязных» денег. Способ состоит в продаже наличных средств, полученных в результате совершения преступлений, легально действующим организациям. Для реализации данного способа на счета лиц, контролируемых организованной преступной группой, под видом оплаты за исполнение сделки (оказание услуг, поставку товара) поступают денежные средства в безналичной форме, а эквивалентом этих средств являются наличные средства, передаваемые указанным организациям с определенными суммами вознаграждений;

- превращение наличных денег в финансовые инструменты, заключающееся в приобретении ценных бумаг за наличный расчет;

- перевод денежных средств на счета других лиц, в том числе в другую страну. Суть данных операций проста и заключается в перечислении на основании фиктивных договоров, либо без составления таковых денежных средств на счета лиц и организаций, контролируемых преступными группами для дальнейшего обналичивания, приобретения финансовых инструментов, либо перечисления на другие счета;

- слияние доходов, полученных преступным путем, с денежными средствами и иными активами, находящимися в легальном обороте. Для этого преступными группами могут использоваться учреждения финансового и нефинансового секторов. Основными условиями возможности слияния доходов является наличие значительных денежных потоков в таких учреждениях, а также подходов к руководителям и ответственным работникам таких учреждений для обеспечения совершения с ними псевдосделок. Слияние проводится под видом инвестиций, вкладов, исполнения различных договоров. Указанный способ является эффективным, распространенным и малоуязвимым. Об этом способе Б.В. Волженкиным отмечалось, что одним из распространенных способов легализации средств является вложение их в уже существующие

предпринимательские структуры или использование при создании новых коммерческих организаций, благотворительных фондов и т.п. [1, с. 110].

Выделенные способы легализации преступных доходов являются наиболее распространенными и типичными, отражающими сведения о механизме легализации.

Таким образом, рассмотренные элементы криминалистической характеристики могут быть использованы в разработке методики расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Волженкин Б.В. Экономические преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 1999. – 296 с.

2. Злоченко Я.М. Основы методики расследования и международного сотрудничества по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – 272 с.

3. Жамбалов Д.Б. О способах и следах легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. – № 1 (9).

4. Жамбалов Д.Б. Основы методики по расследованию легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004. – 189 с.

5. Жубрин Р.В. Основы профилактики легализации преступных доходов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 62 с.

6. Кадеров Е.М. Особенности расследования преступлений, совершенных преступными сообществами, созданными для легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных заведомо незаконным путем // Информационный бюллетень СК при МВД РФ. – 2002. – № 4 (114). – С. 63–66.

7. Коляда А.В. Расследование легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 27 с.

8. Крачун Ю.В. Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем: дис. ... канд. юрид. наук. – Тула, 2015. – 266 с.

9. Крепышева С.К. К вопросу о формировании криминалистической характеристики преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов // Бизнес в законе. – 2007. – № 1. – С. 91–98.

10. Организованная преступность и коррупция: результаты криминологосоциологических исследований / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2005. – Вып. 1. – 142 с.

11. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Способ совершения экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. №4. С.225-230.

12. Щеглова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 22 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Volzhenkin B.V. Economic crimes. – SPb.: Legal Center Press, 1999. – 296 p.
2. Zlochenko Y.M. Fundamentals of investigation techniques and international cooperation to counter the legalization (laundering) of proceeds from crime: dis. ... cand. legal sciences. – Ekaterinburg, 2001. – 272 p.
3. Zhambalov D.B. On methods and traces of legalization (laundering) of proceeds from crime // Forensic science: yesterday, today, tomorrow: Sat. scientific tr. – Irkutsk: FGKOU VO VSI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. – № 1 (9).
4. Zhambalov D.B. Bases of a technique on investigation of money laundering or other property acquired by criminal means: dis. ... cand. legal sciences / Sib.YUI Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Krasnoyarsk, 2004. – 189 p.
5. Zhubrin R.V. Fundamentals of prevention of the legalization of criminal income: avtoref. dis.... dr. legal sciences / FGKOU VPO "Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation". – M., 2013. – 62 p.
6. Kaderov E.M. Features of the investigation of crimes committed by criminal communities created for the legalization (laundering) of funds acquired by knowingly illegal means // Information Bulletin of the Investigations Committee at the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2002. – № 4 (114). – pp. 63–66.
7. Kolyada A.V. Investigation of the legalization (laundering) of proceeds from crime: avtoref. dis. ... cand. legal sciences / GOU VPO "MGIMO MFA of Russia". – M., 2010. – 27 p.
8. Krachun, Yu.V. Improving the method of investigation of crimes related to the legalization (laundering) of money and other property obtained by criminal means: dis. ... cand. legal sciences / FSBEI of HE "Tula State University". – Tula, 2015. – 266 p.
9. Krepysheva S.K. To the question of the formation of the forensic characteristics of crimes related to the legalization (laundering) of criminal proceeds // Business in Law. – 2007. – № 1. – PP. 91–98.
10. Organized crime and corruption: the results of criminological and sociological research. Issue 1. / Ed. Doctor of law, prof. N.A. Lopashenko. – Saratov, 2005. – 142 p.
11. Chinenov E. V., Shchukin V. I. the Method of committing economic crimes in the sphere of railway transport // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2018. – №. 4. – P. 225–230.
12. Scheglova E.V. Forensic support for the investigation of the legalization (laundering) of proceeds from crime: avtoref. dis. ... cand. legal sciences / Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia ". – M., 2009. – 22 p.

УДК 343.144

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10044

Зинин Александр Михайлович
профессор кафедры судебных экспертиз
Московского государственного
юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
доктор юридических наук
E-mail: amzinin@mail.ru

Zinin Alexandr Mikhailovich
Professor of the Department of Forensic
Examination of the Kutafin Moscow State
Law University (MSAL)
Dr. Sc. (Law)
E-mail: amzinin@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПО ПРИЗНАКАМ ВНЕШНОСТИ

Введение: в статье анализируются сущность и особенности идентификации человека по признакам его внешнего облика в непроцессуальных условиях ее проведения.

Материалы и методы: Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, познавательные методы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения, описания.

Результаты исследования: автор приходит к заключению, что успешная идентификация человека по признакам его внешнего облика в ходе непроцессуальной деятельности осуществляется в ходе комплексного использования оперативно-розыскных мероприятий, изготовления субъективных портретов разыскиваемых лиц, проверки имеющейся информации по различным видам регистрационных систем.

Выводы и заключения: успешная идентификация человека по признакам его внешнего облика возможна тогда, когда учитывается специфика носителей информации о признаках внешности человека, особенности деятельности ее субъектов и комплексного использования ее результатов.

Ключевые слова: оперативная идентификация; носители информации о признаках внешности человека.

FEATURES OF OPERATIONAL HUMAN IDENTIFICATION BY SIGNS OF APPEARANCE

Introduction: the article analyzes the essence and characteristics of human identification by signs of their appearance in non-procedural conditions for its implementation.

Materials and methods: the author's long-term study of the problematic issues of using various storage media about the appearance of a person in non-procedural activities to identify them is the basis of the study. The methodological basis of the study was the gen-

eral dialectical method of scientific knowledge, cognitive methods of observation, comparison, analysis, generalization, description.

Results of the study: the author concludes that a person is successfully identified by signs of their appearance during non-procedural activities through the integrated use of operational-search measures, the preparation of subjective portraits of wanted persons, verification of available information on various types of registration systems.

Conclusions and conclusions: a successful identification of a person by the signs of their appearance is possible when taking into account the specificity of storage media about the signs of a person's appearance, especially the activities of its subjects and the integrated use of its results.

Key words: operational identification; storage media about signs of human appearance.

Идентификация человека по признакам его внешнего облика осуществляется путем использования различных носителей информации, к которым относятся описания человека и его изображения. Содержание этой информации зависит от ее происхождения, видов использованных методов выявления, накопления, анализа информации, условий осуществления процесса идентификации, подготовленности субъектов идентификации к ее проведению и достоверности полученных результатов.

Идентификация человека рассматривается в криминалистической литературе как цель деятельности субъектов ее применения, сталкивающихся с необходимостью установления личности при раскрытии и расследовании преступлений. Вместе с тем она рассматривается и как процесс, в ходе которого анализируются отображения человека на различных носителях информации. При этом для достижения выше указанных целей актуальным является полнота и достоверность отображения информации о признаках внешнего облика человека. В процессе идентификации осуществляется оценка его полноты и результативности, что зависит в том числе не только от содержания деятельности, но и квалифицированности субъектов идентификации.

Деятельность по установлению личности человека осуществляется поэтапно, путем использования различных видов идентификации с точки зрения не только полноты информации, но и правомочий субъектов идентификации осуществлять эту деятельность. Установление личности является конечной целью субъектов правоприменения, для достижения которой используются различные средства и методы идентификации с учетом полномочий этих субъектов. В зависимости от этого оцениваются результаты идентификации.

В криминалистике идентификация рассматривается прежде всего исходя из видов носителей информации о свойствах и признаках объектов, которые ее содержат. Применительно к цели установления личности существенное, если не решающее значение имеет информация о признаках внешности человека. Она персонифицирует человека, позволяя ответить на вопрос, что именно этот человек является либо подозреваемым, либо потерпевшим при раскрытии и расследовании преступлений.

В деятельности по установлению личности участвуют различные правомочные субъекты, среди которых важную роль играют те, кому поступает первичная информация о происшествии и лицах к нему причастных. На первоначальном этапе установления личности важна компетентность сотрудников оперативных подразделений, а также сотрудников органов дознания, которым приходится собирать и оценивать информацию о лицах, причастных к определенному событию. От их готовности осуществлять деятельность, умения оценивать информацию как достаточную и надежную для установления личности зависит конечный результат. В связи с этим представляется весьма специфичной их деятельность по установлению личности, поскольку данная информация довольно часто требует проверки на предмет ее полноты и достоверности. А проверка требует знания процессов возникновения, накопления и использования информации. Специфика информации о признаках внешности человека заключается в том, что ее анализ требует также умения оценить способность имеющихся в распоряжении субъектов методов и средств с точки зрения достижения результатов идентификации.

Проблемы идентификации в криминалистической литературе подробно рассмотрены в общетеоретическом плане [1, с. 260–276]. Идентификации, ее роли в установлении личности по уголовным делам была посвящена монография В.Я. Колдина [2]. Он же обобщил свои позиции по проблемам идентификации в монографии «Судебная идентификация», изданной в 2002 г. [3]. В этой монографии В.Я. Колдин, рассматривая процессуальные формы криминалистической идентификации, упоминает в качестве одной из ее форм – непроцессуальную форму идентификации [3, с. 38]. Основное внимание он уделяет значению криминалистической идентификации в экспертной и судебно-следственной практике [3 с. 79– 80]. В.П. Колмаков рассмотрел идентификацию в деятельности следователя [4, с. 110]. В.А. Образцов в курсе лекций по криминалистике, рассматривая вопросы установления лица, совершившего общеуголовное преступление в условиях неочевидности, основное внимание уделил следовой информации [5, с. 335]. М.Я. Сегай рассмотрел проблемы идентификации при производстве следственных действий и в процессе экспертного отождествления [6, с. 254].

Таким образом, непроцессуальная форма идентификации не нашла достаточно-го освещения в криминалистической литературе. Это, как представляется, обусловлено тем, что вопросы оперативно-розыскной деятельности и связанные с ней проблемы обычно рассматриваются в специализированной литературе с соответствующим грифом ограничения пользования. Тем не менее, процесс идентификации охватывает деятельность многих субъектов правоохранительных органов и не всегда она связана с такими ограничениями, тем более, что в настоящее время федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности не имеет ограничительного грифа. Как представляется, вопросы непроцессуальной идентификации нуждаются в более широком освещении в связи с тем, что многие из них не связаны со специальными мероприятиями и соответствующими субъектами.

Непроцессуальная идентификация человека по признакам его внешнего облика осуществляется в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Эти мероприятия проводятся в соответствии с положениями статьи 6 федерального закона от

12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В ряду оперативно-розыскных мероприятий названо «отождествление личности». Сущностью данного мероприятия является «идентификация проверяемых лиц по статическим и динамическим признакам внешности». В.М. Мешков и В.Л. Попов понимают под отождествлением личности «опознание человека как непосредственно, так и опосредованно» [6, с. 34]. В первом случае отождествление осуществляется людьми, ранее непосредственно наблюдавшими данных лиц. Во втором – используются различные виды отображений человека, которого необходимо опознать (словесный портрет, субъективный портрет, фотоснимок, видеокадр).

А.Ю. Шумилов поясняет, что отождествление личности является «разновидностью сыскного опознания, включающего опознание человека (как живого, так и трупа) и опознание материальных объектов и животных» [7, с. 73].

Таким образом оперативно-розыскное отождествление может быть как непосредственным, так и опосредованным. В первом случае оно по своему содержанию подобно процессуальному опознанию, но без соответствующих условий его проведения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Во втором случае – опосредованное, которое осуществляется по отображениям внешнего облика человека. Субъектами такого отождествления являются сотрудник оперативного подразделения и сотрудники специальных лабораторий, т.е. лица, которые обладают компетенцией осуществлять сравнение изображений проверяемых лиц [7, с. 74]. Имеются в виду сотрудники экспертно-криминалистических и регистрационных подразделений.

К перечню субъектов, которые могут осуществлять идентификацию человека по признакам его внешнего облика, следует добавить лиц, которые ранее видели человека, представляющего оперативный интерес, и согласны его опознать путем просмотра изображений, имеющихся в органах внутренних дел (ранее в органах милиции были распространены фотоальбомы).

Таким образом, понятие оперативной идентификации человека по признакам его внешнего облика шире, чем оперативно-розыскная идентификация как вид оперативно-розыскных мероприятий, поскольку в число ее субъектов входят сотрудники экспертно-криминалистической службы, составляющие субъективные портреты лиц, подлежащих розыску в связи с совершенными ими правонарушениями, и осуществляющие проверку составленных портретов по учетам, которые ведутся в этих подразделениях. Такие портреты не являются непосредственными объектами идентификации, но они служат способом актуализации информации, сообщаемой потерпевшими и свидетелями.

Рассмотрим более подробно составляющую процесса идентификации по признакам внешнего облика человека. Носителями такой информации являются: словесный портрет, субъективный портрет, фотоснимок, кадры видеозаписи. В идеале все эти носители позволяют полно и достоверно отображать внешний облик человека. Человек узнает ранее виденного человека по мысленному образу, который сформировался в его памяти. Словесный портрет позволяет узнать человека по его описанию в ходе оперативно-розыскного мероприятия, при работе с учетами. Субъективный портрет

позволяет сузить круг поиска, найти лиц, подобных разыскиваемому. Фотоснимок – общепризнанный объективный носитель информации, максимально достоверно отображающий внешний облик человека. Кадры видеозаписи позволяют запечатлеть не только анатомические, но и функциональные признаки внешности человека (походка, жестикуляция и др.).

Однако на практике вышеназванные носители информации не всегда позволяют провести идентификацию, достигнув уровня отождествления. В лучшем случае дают возможность прийти к вероятному выводу о тождестве. Рассмотрим причины такого положения.

Мысленный образ нередко бывает крайне беден и не дает возможности не только провести идентификацию, но даже осуществить предварительный поиск проверяемых лиц. Кроме того, на его содержание влияют факторы формирования представления о внешнем облике человека, которые и являются содержанием мысленного образа.

Словесный портрет был предложен и разработан А. Бертильоном для описания человека с натуры или по фотоснимку. Он должен быть достаточно подробным, упорядоченным и единообразным. Однако единообразия не достигается – разные составители словесного портрета по-разному оценивают один и тот же признак, так как большинство признаков отличаются средними, обычными значениями для определенной группы людей и кроме того, сами правила определения признаков ориентированы на представление о норме признака, а она субъективна у разных людей. В итоге словесный портрет одного человека, составленный разными лицами, отличается при его сравнении.

Кроме того, методика словесного портрета используется для всех ситуаций идентификации, хотя она была рассчитана для регистрации человека с натуры. Очевидно, что подробное описание мелких признаков внешности вряд ли нужно для узнавания человека в условиях дефицита времени, например, при проверке документов. Здесь нужна другая система признаков внешности, ориентированная на ситуацию.

Субъективный портрет в наибольшей степени зависит от содержания мысленного образа и от умения сотрудника, составляющего портрет, «расшифровать» это содержание. Нередко субъективные портреты настолько далеки от оригинала – внешнего облика разыскиваемого человека, что можно согласиться со многими оперативными работниками о бесполезности таких портретов. Многие факторы влияют на содержание субъективного портрета [8, с. 49–57, 85–91].

Сигналетический (опознавательный) фотоснимок, правила изготовления которого были разработаны еще А. Бертильоном, наиболее надежный, достоверный носитель информации о признаках внешности человека при соблюдении определенных правил и условий его получения [9, с. 345–351]. Однако на практике приходится иметь дело с фотоснимками, изготовленными с использованием не предназначенной для запечатления человека в целях его идентификации аппаратуры и в условиях, не отвечающих этим целям. Фотоснимки, на которых особенности внешности плохо различимы или искажены, только предлагаются для идентификации, вливаются в учеты.

В практике портретной идентификации все чаще предлагаются для ее проведения распечатки кадров видеозаписи камер наружного наблюдения, где запечатлен только силуэт человека, либо лицо, изображение которого не позволяет составить даже приблизительное представление о признаках внешности.

Таким образом, носители информации о признаках внешности не всегда пригодны для идентификации человека. Но результативность оперативной идентификации человека по признакам его внешнего облика зависит от умения субъекта идентификации использовать имеющуюся информацию, выделить в ней ту совокупность признаков, которая может быть использована в той или иной ситуации.

Идентификация, осуществляемая в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, чаще всего скоротечна. Она не позволяет, как это происходит в экспертной идентификации, последовательно и полно осуществлять сопоставление признаков внешности, имеющихся в носителе информации, и тех, которыми характеризуется проверяемое лицо. Представляется, что субъекту идентификации до начала ее проведения целесообразно выделить те признаки, которые позволят принять решение об успехе идентификации. В эту совокупность признаков должны входить те, которые являются ориентирующими, доминирующими и индивидуализирующими внешний облик человека – объекта идентификации.

Ориентирующие признаки в меньшей степени зависят от условий наблюдения и позволяют выделить человека в значительной группе людей. Доминирующие признаки – наиболее характерны для внешности данного человека. Индивидуализирующие – особенности строения элементов внешности, совокупность которых достаточна для установления личности. Затем, с учетом ситуации осуществляется собственно отождествление наблюдаемого человека.

Не всегда оперативная ситуация позволяет считать, что отождествление как цель идентификации состоялась, в силу ее быстротечности (например, проверка документов, участие потерпевшего в обходе территории, где может находиться предполагаемый преступник). Поэтому такую идентификацию следует считать предварительной, за которой последует использование других способов идентификации, например, проверка проверяемого лица по регистрационным массивам, в том числе дактилоскопическим.

Таким образом, оперативная идентификация человека по признакам его внешнего облика является достаточно сложным процессом, в котором могут быть задействованы различные носители информации, различные субъекты идентификации и различные ситуации проведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М.: Юрист, – 1977. – Т. 2. – 410 с.
2. Колдин В.Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. – М.: МГУ, 1969. – 149 с.
3. Колдин В.Я. Судебная идентификация: учебное пособие / науч. ред. В.В. Крылов. – М.: ЛексЭст, 2003. – 528 с.

4. Колмаков В.П. Идентификационные действия следователя. – М.: Юрид. лит., 1977. – 112 с.
5. Образцов В.А. Криминалистика: курс лекций. – М.: Право и закон, Юрифир, 1996. – 448 с.
6. Мешков В.М., Попов В.Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия: учебно-практическое пособие. – М.: Щит-М, 1999. – 80 с.
7. Комментарий к федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Л. Н. Башкатов, В. И. Зажицкий, В. И. Михайлов, А. Б. Наумец и др.; отв. ред. А. Ю. Шумилов. – М.: Вердикт-1 М, 1997. – 208 с.
8. Зинин А.М. Фоторобот: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 103 с.
9. Шамаев Г.П. Судебная фотография и видеозапись: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 527 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Belkin R.S. Forensics course. – М.: Lawyer. 1977.V.2. – 410 p.
2. Koldin V.Ya. Identification and its role in establishing the truth in criminal matters. – М.: Moscow Publishing House. University, 1969. – 149 p.
3. Koldin V.Ya. Forensic identification. Textbook / Koldin V.Ya.; Scientific Ed .: Krylov V.V. – М.: LexEst, 2003. – 528 p.
4. Kolmakov V.P. Identification actions of the investigator / Kolmakov V.P. – М.: Yurid. lit., 1977. – 112 p.
5. Samples VA Forensics. Lecture course. – М.: Law and Law, Yurifir, 1996. – 448 p.
6. Meshkov V.M., Popov V.L. The operational-search tactics and features of the legalization of information received during the preliminary investigation. Educational-practical manual / Meshkov V.M., Popov V.L. – М.: Shield-M, 1999. – 80 p.
7. Shumilov A.Yu. Commentary on the Federal Law "On the operational-search activity." / Bashkatov L.N., Zazhitsky V.I., Mikhailov V.I., Naumets A.B., and others; Repl. Ed.: Shumilov A.Yu. – М.: Verdict-1 M, 1997. – 208 p.
8. Zinin A.M. The photobot: a monograph / A.M. Zinin. – М.: Yurlitinform, 2016. – 103 p.
9. Shamaev G.P. Forensic photography and video recording: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Forensic Expertise", qualification "forensic expert" / G.P. Shamaev; Moscow state Law University O. E. Kutafina (Moscow State Law Academy). – М.: Norma: INFRA-M, 2017. – 527 p.

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10045

Карпенко Ольга Александровна
старший преподаватель кафедры
криминалистики и специальной техники
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического инсти-
тута МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: olga1492@mail.ru

Karpenko Olga Aleksandrovna
senior lecturer of the Department
of criminology and special equipment
Vladivostok branch of the far Eastern law
Institute of the Ministry of the Interior
of Russia
Candidate of law
E-mail: olga1492@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Введение: значительные изменения в политической, социальной и экономической сферах жизни характеризуют современный этап развития общества, которые повлекли за собой существенное ухудшение криминогенной обстановки. Практика расследования преступлений показала, что традиционный подход в деятельности правоохранительных органов хоть и является необходимым, но недостаточным условием для успешного решения поставленных перед ними задач. В статье рассматривается один из перспективных криминалистических методов «профайлинг». Автор отразил основные подходы к определению рассматриваемого понятия, уточнил его практическое значение. Особое внимание отведено анализу применения профайлинга в зарубежных странах. Проанализированы основные направления использования криминалистического профайлинга в России. Отмечена необходимость совершенствования образовательных программ по подготовке специалистов «криминалистический профайлер». Также в статье рассмотрена нормативно-правовая база, регламентирующая применение профайлинга, отмечены существующие проблемы и пути их решения.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное законодательство и другие нормативные правовые акты, регулирующие применение профайлинга для предотвращения противоправных деяний. Методологическая основа исследования: общий диалектический метод научного познания, также такие общенаучные методы, как дедукция, индукция, наблюдение, сравнение, анализ, обобщение и описание.

Результаты исследования: обоснована целесообразность использования криминалистического профайлинга в деятельности правоохранительных органов, также представлена необходимость правовой и методической регламентации криминалистического профайлинга в нормативных документах.

Выводы и заключения: специалисты должны составлять криминалистический профиль, который содержит в себе, помимо важной информации о личности преступника, анализ следовой картины преступления. Необходимо разработать и внедрить в учебный процесс вузов системы МВД России программы подготовки специалистов в области практического использования профайлинга. Знание сотрудниками правоохранительных органов базовых методик криминалистического профайлинга позволит результативнее осуществлять поиск лиц, заподозренных в совершении противоправных действий, а также повысит эффективность профилактических мероприятий. Проблема теоретического осмысления и практического применения криминалистического профайлинга в деятельности правоохранительных органов актуальна и требует дальнейшего рассмотрения и решения.

Ключевые слова: профайлинг, криминалистический профайлинг, психологическая диагностика, предупреждение противоправных деяний, нетрадиционные криминалистические методы.

FORENSIC PROFILING: PROBLEMS OF APPLICATION AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Introduction: significant changes in the political, social and economic spheres of life characterize the modern stage of development of society, which led to a significant deterioration of the crime situation. The practice of investigating crimes has shown that the traditional approach in the activities of law enforcement agencies, although necessary, but not sufficient for the successful solution of their tasks. In the article the author considers one of the perspective criminalistic methods «profiling». The author reflected the main approaches to the definition of the concept under consideration, clarified its practical significance. Special attention is paid to the analysis of profiling application in foreign countries. The main directions of modern use of forensic profiling in Russia are analyzed. The author notes the need to improve educational programs for training specialists "forensic Profiler". The article also discusses the legal framework governing the use of profiling, the existing problems and ways to solve them.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal law, criminal procedure legislation and other normative legal acts regulating the use of profiling to prevent illegal acts. Methodological basis of the research: General dialectical method of scientific cognition, as well as General scientific methods such as deduction, induction, observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results: the expediency of the use of forensic profiling in the activities of law enforcement agencies is justified, the need for legal and methodological regulation of forensic profiling in regulatory documents is also presented.

Conclusions and results: experts should make a forensic profile, not psychological, which contains in addition to important information about the identity of the offender, the analysis of the trace picture of the crime. It is necessary to develop and implement training

programs in the field of practical use of profiling in the educational process of universities of the Ministry of the Interior of Russia. Knowledge of basic methods of forensic profiling by law enforcement officers will significantly improve the search for persons suspected of committing illegal actions, as well as increase the effectiveness of preventive measures. The problem of theoretical understanding and practical application of forensic profiling in the activities of law enforcement agencies is relevant and requires further consideration and decision.

Key words: profiling, forensic profiling, psychological diagnostics, prevention of illegal acts, non-traditional forensic method.

В условиях современности законодатель, научное сообщество и практические сотрудники уделяют пристальное внимание исследованию и внедрению в практику предотвращения, раскрытия и расследования преступлений новых форм использования специальных знаний.

Наиболее эффективными, по нашему мнению, в данной области являются методы, связанные непосредственно с человеком, его жизненными процессами, исследование которых не всегда возможно произвести с помощью традиционных криминалистических средств. К таким методам можно отнести: использование полиграфа, когнитивное интервьюирование, профайлинг, гипнорепродукционный метод активизации памяти.

В рамках статьи остановимся более подробно на таком нетрадиционном криминалистическом методе, как криминалистический профайлинг.

Анализ научной литературы позволил сделать вывод, что в настоящее время отсутствует единое мнение о сущности и методологических основах профайлинга, существует несколько различных подходов к составлению профиля как психологического, так и криминалистического, большинство из которых не лишены недостатков.

Существуют различные точки зрения на определение понятия «профайлинг» [13, с. 145]. В учебном пособии «Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий» он определен как «система установления вероятной причастности определенного субъекта к планируемому противоправному действию» и как «технологии предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии» [4, с. 9].

Мы будем придерживаться определения, предложенного доктором психологических наук М.Р. Арпентьевой, которая рассматривает «профайлинг как комплекс социально-психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информации, основанных на оценке невербального, вербального и субвербального поведения объекта, по прогнозированию сценариев развития ситуаций и отношений, поступков, моделей поведения и общения человека» [2, с. 11].

Практическое значение профайлинга заключается в логическом анализе фактов, на основе которого устанавливаются причинно-следственные связи между различными событиями.

На страницах научной печати можно отметить изрядное количество классификаций видов профайлинга по различным основаниям. Среди них отметим классификацию в зависимости от сферы применения, предложенную ведущим экспертом-профайлером, основателем тренингового центра Irkutsk IARL Иркутского представительства Международной академии исследования лжи А.А. Козулевой:

- авиационный профайлинг;
- профайлинг на железных дорогах;
- гостиничный профайлинг;
- бизнес-профайлинг;
- криминалистический профайлинг;
- аудит-профайлинг;
- кадровый профайлинг;
- банковский профайлинг;
- страховой профайлинг;
- семейный профайлинг [10].

В настоящее время в России успешно развивается и эффективно используется в практической деятельности авиационный профайлинг, научно обоснованная методика которого разработана в 70-х гг. в Израиле. В отличие от других видов авиационный профайлинг в России имеет нормативно-правовую регламентацию применения для обеспечения безопасности на транспорте:

- приказ Минтранса России от 25.07.2007 № 104 «Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров»;
- приказ Федеральной авиационной службы России от 15.07.1998 № 222 «Об утверждении и введении в действие Типового положения о службе авиационной безопасности авиапредприятий (эксплуатанта) гражданской авиации»;
- телеграмма Росавиации от 16.04.2012 № 160730 «Информация по безопасности полетов № 8».

Ряд авторов профайлинг, который применяют на объектах транспорта, называют техническим [7]. Так, Л.К. Пирогова, на наш взгляд, верно отмечает в своих исследованиях, что методика профайлинга, сформулированная для гражданской авиации и положительно зарекомендовавшая себя в данной области, представляет практический интерес для всех подразделений, ведомств и структур, связанных с обеспечением безопасности людей, объектов и территорий, которая заключается в своевременном предупреждении любого противоправного действия. Проведение профайлинга в залах ожидания, при предполетном досмотре, на борту воздушного судна и после полета представляет единую непрерывную технологию обеспечения безопасности [8, с. 47].

Для оперативно-розыскной и следственной деятельности чрезвычайно важен именно криминалистический профайлинг в целях психологической диагностики, выявления и предотвращения заведомо ложных показаний, разработки тактических приемов производства тех или иных следственных действий.

Криминалистическое профилирование начинается с осмотра места происшествия и доказательств. Вместо поверхностного осмотра профайлеры исследуют местоположение места происшествия, время совершения преступного деяния и окружающую территорию.

Следователи и оперативные сотрудники также вправе использовать криминалистическое профилирование в своей практической деятельности. Грамотно составленный криминалистический профиль предполагаемого преступника специалистом и умелое применение его в практической деятельности сотрудниками правоохранительных органов позволит в кратчайшие сроки решать задачи предварительного расследования, а именно:

- раскрывать преступление;
- устанавливать виновное лицо и осуществлять его уголовное преследование;
- всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства уголовного дела;
- обнаруживать и процессуально закреплять доказательства для последующего их использования в процессе судебного разбирательства;
- обеспечивать законное и обоснованное привлечение в качестве обвиняемых лиц, совершивших преступление, и не допустить привлечения невиновных к уголовной ответственности;
- выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и принимать меры по их устранению [6, с. 72–73].

В отличие от наших соотечественников зарубежные ученые уже давно и достаточно плодотворно работают в области практического использования профайлинга. Д. Дуглас (J. Douglas) был одним из пионеров разработки рассматриваемого метода. В конце 70-х гг. прошлого века он организовал отдел бихевиористики (психологического анализа поведения) в федеральном бюро расследований. Следует отметить, что он первым в мире начал внедрять методы психологии в практику расследования преступлений по делам об убийствах (необъяснимых, серийных, особо жестоких): изучал статистику таких убийств в США, опрашивал осужденных за подобные преступления. Дуглас пытался выявить закономерность: кто и почему совершает столь жестокие преступления в рамках программы исследования «Личностно-преступное профилирование». В результате его работы появился термин «профайлер» и сама эта профессия в США [11]. Д. Дуглас определил профайлинг как «процесс идентификации всех психологических характеристик индивидуума, составляющий общее описание личности, основанный на анализе совершенных им преступлений» [1, с. 3].

Анализ архивных уголовных дел, а также научных публикаций, посвященных рассматриваемой тематике, позволил выявить ряд недостатков в практике применения криминалистического профайлинга в России.

Ранее мы уже отмечали, что в практической деятельности сотрудниками правоохранительных органов не уделяется должное внимание современным криминалистическим методам в связи с отсутствием должной нормативно-правовой регламентации, слабой технической оснащенности подразделений, длительностью и трудоемкостью освоения методик, недоверием самих сотрудников [5, с. 126].

Также подчеркнем, что в настоящее время существует определенная разница в получении профильного образования в России и за рубежом.

В качестве профайлеров в уголовном судопроизводстве России преимущественно выступают специалисты в области психологии, вследствие чего в большинстве случаев составленный ими профиль преступника очень сложен для восприятия сотрудниками правоохранительных органов из-за избытка специальной терминологии.

гии. Поэтому полученные данные практически не влияют на ход расследования и рекомендации профайлера в большинстве случаев отвергаются или игнорируются [3, с. 100–104]. Криминалистический профайлинг слабо востребован также следственной практикой в силу того, что подбор психологической стратегии ведения следственного действия затрачен по времени.

Так, в США существует профессия судебный (криминалистический) психолог (Forensic Psychologist). Судебный (криминалистический) психолог обладает необходимыми знаниями, умениями и навыками по применению рассматриваемого метода в практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Одной из главных задач, выполняемых судебным (криминалистическим) психологом, является изучение целей и мотивов совершения преступлений, составление профилей преступников. Для того чтобы стать таким психологом, необходимо последовательно выполнить шесть шагов:

- успешно окончить школу судебной психологии и получить степень бакалавра;
- получить степень магистра в области психологии или судебной психологии (данный шаг является необязательным, можно пропустить и перейти к следующему шагу);

- получить докторскую степень;
- пройти производственную практику продолжительностью два года;
- подать заявку на получение лицензии через комиссию экспертов по психологии;

- сдать экзамен для профессиональной практики в области психологии, находящийся в ведении Ассоциации государственных и областных советов по психологии в США [12].

В настоящее время в России профессии профайлера юридически не существует, нет образовательных программ по подготовке специалистов «криминалистический профайлер», однако, несмотря на это, программы некоторых вузов включают дисциплины, связанные с бесконтактным определением лжи. Объем учебных часов слишком мал для приобретения знаний, умений и навыков для использования в практической деятельности психологов в правоохранительной системе.

В США представлена такая профессия, как «криминалистический профайлер». В большинстве случаев криминалистические профайлеры – это действующие сотрудники федерального бюро расследований, прошедшие профессиональную подготовку (до 500 часов), при этом обязательным условием является постоянное прохождение курсов повышения квалификации в национальных и международных организациях, занимающихся профилированием.

Учитывая вышеизложенное, видится решение обозначенных проблем следующими способами:

Во-первых, психологи должны составлять не психологический профиль преступника, а именно криминалистический, содержащий важную информацию для предотвращения, раскрытия и расследования преступлений (анализ следовой картины преступления).

Во-вторых, необходимо обучить сотрудников следственных и оперативных подразделений элементам криминалистического профайлинга, а именно разработать

и внедрить в учебный процесс вузов системы МВД России программы подготовки специалистов в области практического использования профайлинга.

Подобный курс изучают сотрудники МВД России (например, на базе ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»), обеспечивающие безопасность на транспорте и при проведении массовых мероприятий, представители подразделений ГИБДД и уголовного розыска. Условиями для поступления на подобный курс являются наличие юридического или психологического образования, не менее пяти лет стажа службы в правоохранительных органах и положительная характеристика с места службы.

Знания, которые приобретают сотрудники правоохранительных органов, позволяют оценить личность, в кратчайшие сроки установить психологический контакт, распознать ложь в полученных показаниях [9, с. 227].

Вместе с тем следует понимать, что криминалистический профайлинг в деятельности правоохранительных органов – это вспомогательный метод, успех использования которого напрямую зависит от применения сотрудниками научно обоснованных и зарекомендовавших себя криминалистических средств и методов.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что обучение будущих и действующих сотрудников правоохранительных органов криминалистическому профайлингу сегодня должно стать неотъемлемой составляющей их профессиональной подготовки. Также отметим необходимость четкой правовой и методической регламентации криминалистического профайлинга в нормативных документах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ressler R., Burgess A., Douglas J. Criminal Profiling Research on Homicide. Unpublished Research Report. – N.Y., 1982. – 70 p.
2. Арпентьева М.Р. Профайлинг как экспертная технология // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2016. – 270 с.
3. Арпентьева М.Р. Криминальный профайлинг: история и современность // Актуальные вопросы уголовного права и криминологии на современном этапе: межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, – 2018. – С. 100–104.
4. Волынский-Басманов Ю.А., Волынский В.Ю. [и др.]. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий: учебное пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2014. – 199 с.
5. Карпенко О.А. Использование нетрадиционных специальных знаний в разоблачении заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2018. – № 1 (84). – С. 125–130.
6. Манова Н.С., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс: конспект лекций. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 176 с.
7. Минкин В.А., Целуйко А.В. Практические результаты применения систем технического профайлинга для обеспечения безопасности на транспорте // Транспортное право. – 2014. – № 3. – С. 27–32.
8. Пирогова Л.К. Профайлинг. Превентивные методы обеспечения авиационной безопасности: учебно-наглядное пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2014. – 72 с.

9. Фойгель Е.И., Козулева А.А. Использование метода профайлинга в оперативной, следственной и экспертной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2015. – № 2 (8). – С. 223–233.
10. Что такое профайлинг. URL: https://samopoznanie.ru/articles/chto_takoe_profayling2/#ixzz5o2h6eUrS (дата обращения 16.05.2019).
11. John Douglas. URL: https://criminalminds.fandom.com/wiki/John_Douglas/ (дата обращения 27.08.2019).
12. Forensic Psychology Online. URL: <https://www.forensicpsychologyonline.com/> (дата обращения 15.05.2019).
13. Грибунов О.П. Применение технологий профайлинга в деятельности правоохранительных органов по выявлению, пресечению и предупреждению преступлений на объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2015. – №. 4 (68). – С. 142–146.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Ressler R., Burgess A., Douglas J. Criminal Profiling Research on Homicide. Unpublished Research Report. N.Y., 1982. – 70 p.
2. Arpentiev M. R. Profiling as expert technology // Integrated psycho-physiological forensics: current status and prospects: proceedings of the international. scientific.- practical. Conf. Kaluga state University named. K. E. Tsiolkovsky, 2016. – 270 p.
3. Arpentiev M. R. Criminal profiling: history and modernity // Topical issues of criminal law and criminology at the present stage: interuniversity collection of scientific papers. – Krasnoyarsk, 2018. – P. 100–104.
4. Volyn-Basmanov, Y. A., Volynsky V. Yu. and etc. Profiling. Technology to prevent illegal actions: proc. benefit. M.: UNITY-DANA: Law and law, 2014. – 199 p.
5. Karpenko O. A. the Use of unconventional special knowledge in exposing false testimony of witnesses and victims // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 1 (84). – P. 125–130.
6. Manov, N. With., Frantsiforov V. criminal procedure: abstract of lectures. M.: Yurayt-Izdat, 2007. – 176 p.
7. Minkin V. A., tseluiko A.V. Practical results of application of technical profiling systems for transport safety // Transport law. – 2014. – No. 3. – P. 27–32.
8. Pirogova L. K. Profiling. Preventive methods to aviation safety: proc. visual aid. M.: DGSK Ministry of internal Affairs of Russia, 2014. – 72 p.
9. Vogel E. I., A. A. Koshuleva using the method profiling in operational, investigative and expert activity // Siberian criminal procedure and forensic reading. – 2015. – No. 2 (8). – P. 223–233.
10. What is profiling? URL: https://samopoznanie.ru/articles/chto_takoe_profayling2/#ixzz5o2h6eUrS.
11. John Douglas. URL: https://criminalminds.fandom.com/wiki/John_Douglas.
12. Forensic Psychology Online. URL: <https://www.forensicpsychologyonline.com>.
13. Gribunov O.P. The use of profiling technologies in the activities of law enforcement agencies to identify, suppress and prevent crimes at transport infrastructure facilities // Bulletin of the St. Petersburg University. – 2015. – № 4 (68). – P. 142–146.

УДК: 343.140.02

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10046

Халиков Аслям Наилевич
профессор Института права
Башкирского государственного
университета
доктор юридических наук, профессор
E-mail: han010@yandex.ru

Khalikov Aslyam Nailevich
Professor of the Institute of law
Bashkir state University
University, doctor of law, Professor
E-mail: han010@yandex.ru

РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Введение: в статье исследуются вопросы расследования уголовных дел в условиях преюдиции ранее принятых решений в гражданском, арбитражном и административном процессах, когда такие решения противоречат доказательствам по уголовному делу. Предлагаются правовые способы проверки и оценки доказательств по уголовному делу, относящихся к судебным решениям, имеющим преюдициальное значение. Указывается на правовые пути преодоления преюдиции исключительно через судебный порядок отмены ранее принятых незаконных решений по гражданским и иным делам.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляет общий диалектический метод познания. Используются логический, системный, структурно-функциональный методы, а также методы анализа, описания, обобщения.

Результаты исследования: на основе анализа нормативных и специальных литературных источников сформулированы доводы, обосновывающие оспоримость преюдициальных решений по уголовным, гражданским и административным делам в случае установления соответствующих криминальных обстоятельств при полном и всестороннем расследовании уголовных дел.

Выводы и заключения: делается вывод, что окончательная оценка расследования и затем рассмотрения обвинения по уголовному делу в суде в условиях имеющихся преюдициальных судебных решений должна исходить из ряда элементов предмета доказывания по уголовному процессу в части соответствующих фактов, имеющих значение для дела. При этом процедура отмены незаконных решений должна идти через органы прокуратуры при установлении вновь открывшихся обстоятельств в гражданском, арбитражном или административном процессе.

Ключевые слова: преступление, преюдиция, производство по вновь открывшимся обстоятельствам, расследование, решение суда, суд, уголовное дело.

INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES IN THE CONTEXT OF JUDICIAL DECISIONS

Introduction: the article investigates the issues of investigation of criminal cases in the conditions of prejudice of earlier decisions in civil, arbitration and administrative processes, when such decisions contradict the evidence in a criminal case. Legal methods of verification and evaluation of evidence in a criminal case in terms related to judicial decisions having a pre-trial value are proposed. The author points to the legal ways of overcoming the prejudice exclusively through the judicial procedure of cancellation of previously made illegal decisions in civil and other cases.

Materials and methods: the methodological basis of the study is the General dialectical method of cognition. Logical, system, structural and functional methods of research, as well as methods of analysis, description, generalization were used.

Results of the research: on the basis of the analysis of normative and special literary sources, the arguments justifying the challenge of pre-trial decisions in criminal, civil and administrative cases in the case of establishing the relevant criminal circumstances in the full and comprehensive investigation of criminal cases are formulated.

Conclusions: it is concluded that final evaluation of the investigation and then consideration by the prosecution in a criminal case in court in a prejudicial court decisions should be based on the number of elements of the subject of proof in the criminal process in part of the circumstances relevant to the case. Thus procedure of cancellation of illegal decisions has to go through bodies of Prosecutor's office at establishment of again opened circumstances in civil, arbitration or administrative process.

Key words: crime, prejudice, production on again opened circumstances of the investigation, the court's decision, the court in a criminal case.

Одним из сложных моментов в практике расследования уголовных дел, особенно экономического характера, является наличие преюдиции ранее принятых судебных решений. Или, иными словами, когда установлению обстоятельств уголовного дела препятствуют вступившие в силу судебные акты, которые противоречат фактическим сведениям и доказательствам, имеющимся в материалах расследуемого уголовного дела. В данном случае мы будем вести речь о преюдиции в гражданском, арбитражном и административном процессах, поскольку преюдиция приговоров по уголовным делам в уголовном судопроизводстве более понятна и в случае необходимости вполне выполнима или преодолима в рамках уголовно-процессуального предмета доказывания. В других же названных процессуальных отраслях права (гражданском, арбитражном или административном) понимание, выполнение, а тем более преодоление преюдиции судебных решений весьма неоднозначно и гораздо сложнее.

Сущность преюдиции, исходя из ст. 90 УПК РФ (в ред. федерального закона № 191-ФЗ от 29.06.2015), определяется тем, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного

судом в соответствии со ст. ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

Анализ приводимого и других положений ст. 90 УПК, которые были до ныне действующего, становился предметом многих уголовно-процессуальных исследований, продолжающихся до последнего времени [1; 2, с. 48–58; 3; 4, с. 198–207; 7, с. 48–56; 8]. Разброс мнений здесь большой – от абсолютного значения законной силы имеющихся судебных актов до отрицания любой преюдиции при расследовании уголовных дел. В то же время результаты большинства исследований показывают, что абсолютной преюдиции быть не может, так как всегда имеется возможность возникновения новых обстоятельств при расследовании уголовных дел, которые могут скорректировать судебное решение либо и вовсе трансформировать его в противоположное ранее принятому. Как пишет И.В. Чащина, преюдиция в уголовном процессе должна быть опровержимой. Но в то же время, если суд при рассмотрении уголовного дела придет к выводу, что установленные им обстоятельства противоречат обстоятельствам, установленным вступившим в законную силу решением суда, то он не вправе положить их в основу приговора до тех пор, пока данное судебное решение не будет отменено вышестоящей судебной инстанцией, так как при наличии вступившего в законную силу судебного решения нельзя вынести противоречащий ему приговор [9, с. 21].

Вместе с тем нельзя и вовсе отрицать преюдициальное значение ранее принятых судебных решений в других отраслях права, поскольку налицо различные формы выполнения надлежащих норм судопроизводства (гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального, административно-процессуального и др.), когда суды добросовестно рассматривают по существу юридический конфликт, всесторонне исследуя доводы сторон в правовом поле. В этом смысле каждая отрасль судопроизводства имеет свои методы исследования обстоятельств дела, специфичные процессуальные инструменты для поиска и оценки доказательств, вследствие чего ранее принятые решения в иных отраслях процессуального права не могут быть резко противопоставлены уголовному процессу. В этом ракурсе, разумеется, при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела у участников уголовного судопроизводства значительно больше гарантий и процессуальных прав, обеспечивающих более полное, объективное и всестороннее исследование доказательств. В то же время вряд ли можно назвать и решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве, истиной в последней инстанции ввиду множества имеющихся недостатков и нарушений уголовно-процессуального закона при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

Следовательно, при расследовании уголовного дела в условиях преюдициальности ранее принятых судебных решений необходимо выработать определенные правила изучения обстоятельств преступления, соответствующих доказательств и иных

данных, которые бы способствовали объективному и всестороннему их исследованию с надлежащей правовой оценкой. Общим правилом при расследовании уголовных дел в условиях преюдиции правовых актов должно быть объективное, уважительное и беспристрастное отношение как к ранее принятым судебным решениям, так и тщательная и взвешенная позиция к собранным и собираемым доказательствам по уголовному делу, если они не соответствуют ранее вынесенным судебным актам.

Разумеется, в первую очередь в процессе предварительного расследования следователь должен собрать, проверить и дать процессуальную оценку материалам уголовного дела, которые свидетельствуют (или не свидетельствуют) о совершении преступления по тем обстоятельствам, по которым имеются ранее принятые судебные решения. Причем в этом случае речь должна идти не о версиях или непроверенных фактах, а об окончательной процессуальной оценке результатов расследования уголовного дела в той части, которые относятся к имеющимся судебным решениям по гражданским или иным делам. Фактически будет иметь место процессуальное или доказательственное сопоставление материалов уголовного дела и материалов и решений по гражданскому или иному делу, когда первые собраны и проверены исключительно по инициативе органов следствия, а вторые имеют уровень судебного решения, которое на момент расследования никем не отменено и находится в законной силе. Следовательно, органы следствия прежде всего подвергают тщательной проверке и оценке свои материалы расследования, которые могут быть положены в основу предстоящего судебного решения по уголовному делу или, как минимум, в основу предъявления окончательного обвинения подозреваемому или обвиняемому.

В данном случае нельзя не сказать о злоупотреблениях, которые возможны при оценке материалов уголовного дела, при сопоставлении с принятыми решениями по гражданским или иным делам. Речь идет о различной *оценке* установленных фактов, с одной стороны, по уголовному и, с другой стороны, по гражданскому или арбитражному делу, но не о самих *фактах*, которые могут быть идентичными в обоих случаях. К сожалению, ныне действующие уголовные законы разрешают делать такие «резинные» выводы, когда гражданский суд может, допустим, признать сделку законной, а органы следствия ту же сделку признать под влиянием обмана. Хотя в том же Гражданском кодексе РФ имеются нормы о совершении недобросовестных, притворных, мнимых сделок и т.д. (ст. ст. 166–181 ГК РФ), и суд по гражданскому делу сам вправе дать, а нередко и дает им соответствующую оценку с приведением должных мотивов, причем не в пользу обвинения по уголовному делу. Кроме этого на уровне теории права, а значит с уголовных или гражданско-правовых позиций вряд ли можно предельно точно определить такие широко интерпретирующиеся понятия, как «злоупотребление доверием», «добросовестное заблуждение», «корыстный умысел» и т.д. Например, корыстный умысел фактически есть у любого коммерсанта, стремящегося получить прибыль от своего бизнеса, а найти понятие «злоупотребление доверием» при весьма широком толковании договорных отношений возможно при изучении многих гражданско-правовых договоров. Тем самым следует четко отличать факты, свидетельствующие о явном преступлении (насильственные действия при заключении договоров, подделка документов, факты психологического принуждения лица к

сделке вне свободы им выбора и т.д.), и различную оценку тождественных фактов, одинаково установленных по доказательствам в уголовном процессе и в иных отраслях процессуального права. Причем не следует забывать и о положениях презумпции невиновности, когда все сомнения толкуются в пользу обвиняемого.

Вместе с тем если какие-то факты не установлены при рассмотрении дела в гражданском, арбитражном или административном процессе, но установлены при расследовании уголовного дела, то они будут иметь самостоятельное доказательственное значение, не имеющее преюдициального смысла и оцениваемое объективно с позиций уголовного права. И, разумеется, такие факты вместе с имеющимися доказательствами могут опровергать ранее принятые судебные решения.

Далее, при наличии судебного решения, которое противоречит уголовному делу, следует изучить непосредственно само гражданское, арбитражное или иное дело, по результатам рассмотрения которого вынесено судебное решение. Для объективности расследования надлежащим образом заверенная копия данного дела должна быть истребована и приобщена к материалам уголовного дела в полном объеме. Соответственно, полная копия гражданского или иного дела даст возможность оценить имеющиеся в ней доказательства и другие материалы, а также установленные факты, наличие тех или иных документов. Причем доказательства по гражданскому или другому делу могут иметь как обвинительное, так и оправдательное значение при их соотношении с материалами уголовного дела, разумеется, если их рассматривать с объективных позиций, а не только с обвинительным уклоном. В данном случае следует учесть, что при прогнозировании дальнейшего судебного разбирательства по уголовному делу все доводы как обвинения, так и защиты будут касаться в одинаковой степени доказательств, имеющихся и в уголовном, и в гражданском или ином деле. Вследствие чего сопоставление, анализ и проверку доказательств, а к ним, кроме материалов уголовного дела, относимы и материалы гражданских, арбитражных и административных дел, следует проводить изначально в процессе расследования уголовного дела, когда полномочия следственных органов гораздо шире, чем возможности суда.

При изучении гражданского или иного дела, имеющего преюдициальное значение, следует понимать, что, исходя из текста ст. 90 УПК РФ, преюдицией обладает непосредственно само решение суда, то есть его заключительная часть. Описательно-мотивировочная часть в данном случае может быть принята во внимание только в части, подтверждающей заключительное или постановляющее положение, но никак не весь текст, в котором не все содержание может иметь отношение к постановляющей части. В этом отношении достаточный уровень рекомендаций для органов следствия и суда при сопоставлении материалов уголовного дела и иного дела, по которому имеется преюдициальное решение, предоставил Конституционный суд РФ в своем постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко».

В частности, исходя из решения Конституционного суда РФ, следует, что общие принципы осуществления правосудия распространяются на все виды судопроиз-

водства – конституционное, гражданское, административное и уголовное, означающее равное значение решений любых судов. Из этого следует, что уголовный суд не может иметь доминирующего значения над другими видами судопроизводства.

В то же время Конституционный суд указал, что предмет исследования в каждом виде судопроизводства имеет свои особенности, исходя из которых определяются не только компетентный суд, но и специфика процессуальных правил доказывания по соответствующим делам. В этом смысле, по мнению Конституционного суда, УПК РФ устанавливает требования к доказыванию виновности лица и к оценке судом доказательств, которая осуществляется судьей, присяжными заседателями, а также прокурором, следователем, дознавателем по их внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, исходя из того, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. В свою очередь, гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство исходит из того, что обстоятельства, на которые лицо, участвующее в деле, ссылается как на основание своих требований и возражений, должны быть доказаны самим этим лицом (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ, ч. 1 ст. 65 АПК РФ). Конституционный суд подчеркнул, что признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности.

О границах преюдициальности судебных решений по уголовным делам Конституционный суд указывает по следующим основным направлениям:

1. Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением, которым завершено рассмотрение дела по существу в рамках любого вида судопроизводства, имеют преюдициальное значение для суда, прокурора, следователя или дознавателя по уголовному делу в отношении лица, правовое положение которого уже определено ранее вынесенным судебным актом по другому делу.

Однако в силу объективных и субъективных пределов действия законной силы судебного решения для органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, не могут являться обязательными обстоятельства, установленные судебными актами других судов, *если этими актами дело по существу не было разрешено или если они касались таких фактов, фигурировавших в гражданском судопроизводстве, которые не являлись предметом рассмотрения и потому не могут быть признаны установленными вынесенным по его результатам судебным актом.* Тем самым Конституционный суд РФ при опровержении преюдиции указывает, во-первых, на *обстоятельства, не рассмотренные в гражданском или ином деле* и, во-вторых, говорит о *фактах, которые не были предметом рассмотрения в гражданском или ином суде* и которые следует установить по уголовному делу.

2. Принятые в порядке гражданского или иного судопроизводства и вступившие в законную силу решения судов не могут рассматриваться как предрешающие выводы суда при осуществлении уголовного судопроизводства о том, содержит ли деяние признаки преступления, а также о виновности обвиняемого, которые должны основываться на всей совокупности доказательств по уголовному делу. Иными словами, *не следует искать преюдиции в судебных решениях по гражданским и иным делам относительно наличия состава преступления и виновности лица в совершении преступного деяния.* Данные решения принимаются исключительно в уголовном процессе.

3. Не составляют предмета доказывания по гражданскому или административному делу обстоятельства фальсификации доказательств как уголовно наказуемого деяния. Данные фактические обстоятельства выходят за рамки объективных пределов законной силы судебного решения, вынесенного в гражданском или ином судопроизводстве, и составляют предмет доказывания по уголовному делу, возбужденному по признакам соответствующего преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации. К таким же противоправным фактам, влияющим на законность судебных решений, Конституционный суд относит:

- 1) заведомо ложные показания свидетеля;
- 2) заведомо ложное заключение эксперта;
- 3) заведомо неправильный перевод;
- 4) фальсификацию доказательств, повлекшую за собой принятие незаконного или необоснованного судебного акта;
- 5) преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении данного дела, которые установлены вступившим в законную силу приговором суда.

Доказав и предъявив обвинение в совершении преступлений в виде ложных показаний свидетеля или ложных заключений эксперта, неправильного перевода, фальсификации доказательств или иных преступлений, которые напрямую повлияли на незаконное судебное решение по гражданскому или иному делу, уголовное дело должно быть направлено в суд. И только после приговора по данному делу оно может быть использовано для отмены незаконных решений путем возобновления производства по вновь открывшимся обстоятельствам по гражданскому, арбитражному или административному делу.

При отсутствии перечисленных явно незаконных действий опровержение или преодоление преюдиции производится всей совокупностью процессуальных и следственных действий как при общих направлениях расследования уголовного дела, так и в части проверки и оценки имеющихся по уголовному делу ранее вынесенных судебных решений. Специфическими способами исследования вопросов преюдиции при расследовании уголовного дела могут быть истребование и осмотр гражданского и иного дела в качестве документов, приобщаемых к уголовному делу. Далее могут иметь место допросы сторон по гражданскому делу или их представителей и очные ставки между сторонами в случае существенности противоречий в их показаниях. В случае необходимости следует истребовать путем запроса либо изъять дополнитель-

ные документы путем выемки или обыска у представителей сторон, а также у иных заинтересованных лиц. Возможно выполнить иные следственные действия для установления или опровержения преюдиции судебных решений при расследовании уголовного дела.

Окончательная оценка расследования и затем рассмотрения обвинения по уголовному делу в суде в условиях имеющихся преюдициальных судебных решений должна исходить из ряда элементов предмета доказывания по уголовному процессу (ст. 73 УПК РФ) в части соответствующих фактов, имеющих значение для дела. Объективная или материальная сторона преступления начинается с события преступления, т. е. времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления и также сюда можно отнести характер и размер вреда, причиненного преступлением. Именно перечисленные данные должны в первую очередь исследоваться при оценке доказательств по уголовному делу и принятых судебных решений по гражданскому или иному делу в их сопоставлении, проверке и оценке.

Завершая наши суждения нельзя, конечно, не сказать об остающейся проблеме в вопросе преюдиции – о процедуре отмены ранее принятых судебных решений по гражданским или иным делам, если они противоречат доказательствам по уголовному делу, т. е. когда нет достаточных оснований говорить о фальсификации доказательств, насильственных действиях или иных преступлениях, совершаемых в сфере правосудия, но по уголовному делу есть достаточные доказательства о незаконности принятого решения по гражданскому или иному делу. Незаконное решение по такому делу могло быть принято в силу неправильной оценки фактов, игнорирования представленных стороной доказательств и иных обстоятельств, не связанных с криминалом. Сегодня в уголовном процессе, как справедливо указывает Л.В. Головкин, не выработан отточенный и быстрый механизм отмены подобных незаконных решений [5, с. 487–488].

Не вдаваясь в детали, мы считаем, что такой механизм отмены незаконных решений по гражданским, арбитражным или административным делам должен идти через Генерального прокурора РФ или прокуроров субъектов Российской Федерации, которые будут вправе оперативно, на основе представляемых доказательств по уголовному делу вносить представление об отмене судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам, которые должны быть указаны в соответствующих нормах ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ [6, с. 171].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Березин А.С. Преюдиции в отечественном уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006. – 283 с.
2. Головкин Л.В. Три аксиомы применения преюдиции в уголовном процессе // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти П.А. Лупинской. – М.: Элит, 2011. – С. 48–58.
3. Гореликова А.Г. Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 205 с.

4. Дубровин В.В. Преюдиция в уголовном судопроизводстве России: развитие и современное состояние // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – М.: Юрлитинформ. – 2012. – № 3. – С. 198–207.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – 2-е изд. – М.: Статут, 2017.
6. Лопатин С.А. Реализация или преодоление преюдиции в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 245 с.
7. Победкин А.В. Очередная реформа уголовного судопроизводства в контексте правового нигилизма (заметки на полях по поводу изменений и дополнений УПК РФ) // Право и жизнь. – 2010. – № 5. – С. 48–56.
8. Резник Г.М. Не дать преюдиции стать капканом // Новая адвокатская газета. – 2010. – № 10.
9. Чашчина И. В. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 21.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Berezin A.S. Prejudice in domestic criminal proceedings: dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.09. – N.Novgorod, 2006. – 283 p.
2. Golovko L.V. Three axioms of applying prejudice in criminal proceedings // Proof and decision-making in modern criminal proceedings: Materials of the International scientific-practical conference dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor P.A. Lupinsky: Sat scientific tr – M.: Elite, 2011. – S. 48–58.
3. Gorelikova A. G. Prejudice in the criminal process of the Russian Federation: dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.09. – M., 2010. – 205 s.
4. Dubrovin V.V. Prejudice in the criminal justice of Russia: development and current state // Library of the criminalist. Science Magazine. – M.: Publisher Yurlitinform, 2012. № 3. – S. 198–207.
5. The course of the criminal process / Ed. Doctor of Law, prof. L.V. Golovko. –2 ed. – M.: Statute, 2017. – S. 487–488.
6. Lopatin S.A. Implementation or overcoming of prejudice in criminal proceedings of the Russian Federation: dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.09. – M., 2017. – 245 p.
7. Pobedkin A.V. Another reform of criminal proceedings in the context of legal nihilism (marginal notes on changes and amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) // Law and life. – 2010. – № 5. – S. 48–56.
8. Reznik G.M. Do not give prejudice to become a trap // New Lawyer Newspaper. – 2010. № 10 and others.
9. Chashchina, I.V. Prejudice in the criminal process of Russia and foreign countries: comparative legal research: author. diss cand. legal sciences. – M., 2011. – S. 21.

УДК: 343.985

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10047

Цурбанов Сергей Александрович
аспирант кафедры правосудия
и правоохранительной деятельности
Тульского государственного
университета
E-mail: s.tsurbanov@yandex.ru

Tsurbanov Sergey Aleksandrovich
postgraduate of Department of Justice
and Law Enforcement
Tula state University
E-mail: s.tsurbanov@yandex.ru

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОСТОЯНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ИЛИ ЭКСЦЕССА ОБОРОНЫ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ

Введение: в статье рассматриваются криминалистические подходы к пониманию состояния необходимой обороны и эксцесса обороны, противодействия их установлению в ходе предварительного расследования. Проанализированы тактические особенности взаимодействия следователя с органами дознания, использования специальных знаний и проведения отдельных следственных действий при установлении состояния необходимой обороны и эксцесса обороны в условиях противодействия предварительному расследованию.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, нормативные правовые акты, регулирующие отношения в ходе производства предварительного расследования по уголовным делам. Методологической основой исследования выступают общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: сформирован подход к криминалистическому пониманию состояния необходимой обороны и эксцесса обороны, установлены цели противодействия установлению состояния необходимой обороны или превышения ее пределов в ходе предварительного расследования. Определены основные тактические задачи по установлению факта и обстоятельств общественно опасного посягательства и обороны от него, тактические особенности взаимодействия следователя с органами дознания, использования специальных знаний и проведения отдельных следственных действий в условиях противодействия расследованию.

Выводы и заключения: преступное посягательство и оборона от него могут рассматриваться как единый объект ситуационно-криминалистического изучения, направленного на установление всего комплекса обстоятельств, характеризующих закономерности механизма поведения посягающих и обороняющихся лиц, отображения следов и иной криминалистически значимой информации в окружающей материаль-

ной среде, памяти людей. Противодействие установлению состояния необходимой обороны или превышения ее пределов в ходе предварительного расследования может преследовать конкретные цели сформировать у следователя не соответствующие действительности представления: о характере общественно опасного посягательства, от которого осуществлялись (якобы осуществлялись) оборонительные действия, его интенсивности и реальности угрозы жизни и здоровью оборонявшегося; о наличии общественно опасного посягательства в момент совершения оборонительных действий; о соразмерности защиты характеру и опасности посягательства.

Проверка версий как выдвинутых следователем, так и заявленных стороной защиты, о действиях в состоянии необходимой обороны или с превышением ее пределов, а также версий о возможной инсценировке необходимой обороны предполагают активный сбор и анализ доказательственной и иной криминалистически значимой информации по делу. При этом основными тактическими задачами выступают проверка достоверности и полноты полученных доказательств и иных сведений о предположительно имевшем место состоянии необходимой обороны (эксцессе обороны), получение новых доказательств, подтверждающих или опровергающих версию о необходимой обороне или превышении ее пределов, иных обстоятельствах расследуемого события. Указанные задачи, а также фактор возможного противодействия расследованию обуславливают тактические особенности взаимодействия следователя с органами дознания, использования специальных знаний и проведения отдельных следственных действий.

Ключевые слова: состояние необходимой обороны, эксцесс обороны, противодействие предварительному расследованию, фальсификация, инсценировка, негативные обстоятельства, версии о необходимой обороне, ситуалогическая экспертиза.

TACTICAL FEATURES OF ESTABLISHING THE STATE OF A NECESSARY DEFENSE OR DEFENSE OF DEFENSE IN THE CONDITIONS OF COUNTERING AN INVESTIGATION

Introduction: The article discusses forensic approaches to understanding the state of necessary defense and excess of defense, counteracting their establishment during the preliminary investigation. The tactical features of the investigator's interaction with the bodies of inquiry, the use of special knowledge and the conduct of individual investigative actions to establish the state of necessary defense and excess of defense in the face of countering the preliminary investigation are analyzed.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation and other normative legal acts regulating relations in the course of preliminary investigation of criminal cases. The methodological basis of the research is the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results: an approach to the forensic understanding of the state of necessary defense and excess of defense has been formed, goals have been set to counteract the establishment of the state of necessary defense or exceeding its limits during the preliminary investigation. The main tactical tasks to establish the fact and circumstances of a socially dangerous encroachment and defense against it, the tactical features of the interaction of the investigator with the bodies of inquiry, the use of special knowledge and the conduct of individual investigative actions in the context of countering the investigation are determined.

Conclusions and conclusions: criminal encroachment and defense against it can be considered as a single object of a situational-criminalistic study aimed at establishing the whole complex of circumstances characterizing the laws of behavior of the encroaching and defending persons, displaying traces and other forensic information in the surrounding material environment, people's memory. Opposition to establishing the state of necessary defense or exceeding its limits during the preliminary investigation may pursue specific goals to form the investigator's ideas that are not relevant to reality: the nature of a socially dangerous encroachment from which defensive actions were carried out (supposedly carried out), its intensity and the reality of the threat to life and health of the defender; the presence of a socially dangerous assault at the time of the conduct of defensive actions; on the proportionality of the protection to the nature and danger of assault.

Checking the versions, both put forward by the investigator and declared by the defense, about actions in the state of necessary defense or exceeding its limits, as well as versions about the possible re-enactment of the necessary defense, involve the active collection and analysis of evidence and other forensic information in the case. In this case, the main tactical tasks are to verify the reliability and completeness of the evidence and other information about the alleged state of necessary defense (excess of defense), to obtain new evidence to confirm or refute the version of the necessary defense or exceeding its limits, other circumstances of the investigated event. These tasks, as well as the factor of possible opposition to the investigation, determine the tactical features of the interaction of the investigator with the bodies of inquiry, the use of special knowledge and the conduct of individual investigative actions.

Key words: state of necessary defense, excess of defense, counteraction to preliminary investigation, falsification, staging, negative circumstances, versions of necessary defense, situational examination.

Установление и проверка в ходе предварительного расследования сведений о необходимой обороне или эксцессе обороны имеет очевидный ситуационный характер, обусловленный воздействием различных факторов и условий, противодействие со стороны подозреваемого, обвиняемого или иных лиц, не заинтересованных в установлении истины по делу. Такое противодействие существенно затрудняет процесс проверки следственных версий и доказывания факта и обстоятельств совершения оборонительных действий, требует от следователя грамотного выбора тактических приемов и средств разрешения возникающих проблемных ситуаций.

Основываясь на результатах проведенного исследования, можно сделать вывод, что следственная практика пока не в должной мере обеспечена современными крими-

налистическими рекомендациями по установлению состояния необходимой обороны и эксцесса обороны в различных ситуациях противодействия предварительному расследованию.

В криминалистической литературе представлены результаты ряда исследований, посвященных вопросам ситуационной природы преступных посягательств и связанных с ними явлений и процессов, противодействия предварительному расследованию, проверки версий о необходимой обороне или эксцессе обороны. В их числе монографические, диссертационные и другие научные работы известных ученых-криминалистов Э. У. Бабаевой, Р. С. Белкина, А. В. Варданяна, Т. С. Волчецкой, А. Ф. Волинского, Б. Я. Гаврилова, Ю. П. Гармаева, А. Ю. Головина, О. П. Грибунова, В. Н. Карагодина, А. М. Кустова, В. П. Лаврова, И. В. Тишутинной, Н. П. Яблокова и ряда других авторов. Подчеркивая важное теоретическое и прикладное значение проводимых в криминалистике исследований рассмотренных вопросов, подчеркнем, что сохраняется необходимость дальнейшего активного изучения рассматриваемых явлений с криминалистических позиций, разработки на этой основе тактических рекомендаций по разоблачению фальсификаций и инсценировок состояния необходимой обороны и эксцесса обороны, иного противодействия предварительному расследованию.

Методологической основой исследования выступают общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, познавательные методы и приемы наблюдения, анализа, обобщения и описания, в том числе метода системного анализа.

В следственной и судебной практике возникает немало сложностей в установлении факта и оценке условий правомерности необходимой обороны, доказывании отдельных обстоятельств совершения общественно опасных посягательств и оборонительных действий от них. Установление и проверка следователем сведений (версий) об имевшей место необходимой обороне или эксцессе обороны в криминалистическом аспекте характеризуется комплексом ситуационных и системно-деятельностных признаков, факторов и условий.

Ситуация общественно опасного посягательства и детерминируемая ей обстановка совершения оборонительных действий тесно взаимосвязаны и взаимно влияют на посткриминальный итог всех действий. Как справедливо подчеркнула Т. С. Волчецкая, криминальная ситуация представляет собой «совокупность материальных и социально-психологических условий, создаваемых индивидуальным сочетанием элементов преступной деятельности в тех пространственно-временных рамках, в которых эта деятельность осуществляется субъектом преступления» [1, с. 74]. В этой связи можно сделать вывод, что преступное посягательство и оборона от него могут рассматриваться как единый объект ситуационно-криминалистического изучения, направленного на установление всего комплекса обстоятельств, характеризующих закономерности механизма поведения посягающих и обороняющихся лиц, отображения следов и иной криминалистически значимой информации в окружающей материальной среде, памяти людей.

Согласно результатам проведенного эмпирического исследования¹ установление состояния необходимой обороны, как правило, происходит в процессе расследования по уголовным делам, возбуждаемым по ст. ст. 105, 111 УК РФ (77 % изученных случаев), реже по ч. 1 ст. 108 или ч. 1 ст. 114 УК РФ (23 %). При этом установление состояния необходимой обороны или эксцесса обороны может сопровождаться активным противодействием предварительному расследованию со стороны субъектов преступлений или иных заинтересованных лиц.

Учитывая представленные в криминалистической литературе взгляды на сущность противодействия расследованию Р. С. Белкина [2, с. 240], А. Ю. Головина, О. П. Грибунова [3, с. 49], В. Н. Карагодина [4, с. 38], В. П. Лаврова [5, с. 13], И. В. Тишутинной [6, с. 26] и других авторов, видится обоснованным подход к пониманию противодействия предварительному расследованию как осуществляемой в разнообразных формах и разными способами умышленной деятельности субъектов преступлений и связанных с ними лиц, направленной на воспрепятствование работе правоохранительных органов в ходе расследования по уголовным делам.

Противодействие установлению состояния необходимой обороны или превышения ее пределов в ходе предварительного расследования может преследовать конкретные цели сформировать у следователя не соответствующие действительности представления:

- о характере общественно опасного посягательства, от которого осуществлялись (якобы осуществлялись) оборонительные действия, его интенсивности и реальности угрозы жизни и здоровью оборонявшегося;
- о наличии общественно опасного посягательства в момент совершения оборонительных действий;
- о соразмерности защиты характеру и опасности посягательства.

Как показало исследование, субъектами противодействия установлению состояния необходимой обороны или превышения ее пределов чаще всего выступают подозреваемые и обвиняемые по уголовным делам о преступлениях против жизни и здоровья, находящиеся с ними в различной связи свидетели и потерпевшие по делу. Субъектами рассматриваемого противодействия также могут выступать лица, совершавшие общественно опасное посягательство, от которого осуществлялись оборонительные действия. Ими, как правило, преследуется цель избежать уголовной ответственности за собственное преступление, выставить себя исключительно потерпевшими от действий оборонявшегося лица.

Основываясь на ранее предложенной систематизации форм противодействия предварительному расследованию [7, с. 145], можно сделать вывод, что противодействие установлению следователем факта и реальных обстоятельств совершения общественно опасного посягательства и оборонительных действий от него осуществляется путем сокрытия следов (преимущественно путем инсценировки или фальсификации материальных и идеальных следов расследуемого события), дополняющего его негативного воздействия на участников предварительного расследования. Такое воздействие (путем уговоров, угроз, попыток подкупа и пр.) чаще всего оказывается на

¹ Изучено 130 уголовных дел, возбужденных и расследовавшихся по ст. ст. 105, 108 (ч. 1), 111, 112, 114 (ч. 1) УК РФ.

свидетелей-очевидцев расследуемого события, потерпевшего, следователя, в отдельных случаях – на других сотрудников правоохранительных органов, экспертов.

Проверка версий как выдвинутых следователем, так и заявленных стороной защиты, о действиях в состоянии необходимой обороны или с превышением ее пределов, а также версий о возможной инсценировке необходимой обороны предполагает активный сбор и анализ доказательственной и иной криминалистически значимой информации по делу. При этом особую роль играет проводимый следователем ситуационный анализ, объектом которого выступает деятельность субъектов расследуемого события, поступающая криминалистически значимая информация о ней, а также ход и результаты проводимого расследования, причем как «в ретроспективном, так и в перспективном (прогнозном) аспектах» [8, с. 9].

Такой анализ и основанный на его результатах выбор линии поведения следователя и тактики проведения различных следственных и других процессуальных действий производится уже на начальном этапе расследования. При этом должны быть обеспечены:

- проверка достоверности и полноты полученных доказательств и иных сведений о предположительно имевшем место состоянии необходимой обороны (эксцессе обороны);
- получение новых доказательств, подтверждающих или опровергающих версию о необходимой обороне или превышении ее пределов, иных обстоятельствах расследуемого события.

Решение указанных задач невозможно без активного взаимодействия следователя с органами дознания. Такое взаимодействие должно осуществляться в течение всего хода расследования. Оно основано на принципе организационного руководства следователем процессом расследования и его оперативно-розыскного обеспечения. Важное значение имеет постоянный обмен информацией следователей и подразделений уголовного розыска, оперативное принятие мер по выявлению и преодолению противодействия расследованию, а также обеспечение защиты потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства.

Указанное взаимодействие не должно носить формального и поверхностного характера ни со стороны следователя, дающего процессуальные поручения или организующего совместную работу, ни со стороны сотрудников органов дознания, исполняющих такие поручения либо другие функции в ходе рассматриваемого взаимодействия. Например, недопустимы дача следователем неконкретизированных поручений органам дознания, непринятие должных мер по инструктажу и определению четких задач участия сотрудников оперативно-розыскных подразделений в следственных действиях на этапе подготовки к их проведению, планирование участия в качестве исполнителей сотрудников органов дознания без обсуждений и учета их служебной занятости и пр. Со стороны сотрудников органов дознания, в свою очередь, должны быть исключены случаи формального исполнения данных поручений, непредставления или несвоевременного предоставления следователю оперативно-розыскной или иной ориентирующей информации, имеющей значение для дела, конфликтность в отношениях со следователем, несогласованность проводимых оперативно-розыскных мероприятий с ситуацией и задачами предварительного расследования.

Устанавливая обстоятельства общественно опасного посягательства и обороны от него, следователю необходимо получить криминалистически значимую информацию о фактах совершения ранее участниками расследуемого события преступлений и административных правонарушений насильственного или экстремистского характера, против общественной безопасности, причастности к криминальным или иным антисоциальным группам, случаях агрессивного поведения в быту, по месту работы или учебы или склонности к такому поведению. Такие сведения могут быть получены следователем путем направления запросов о судимости и привлечении к административной ответственности интересующих следствие лиц, дачи поручений органам дознания выяснить сведения о личности и поведении по месту жительства, работы, учебы, спорта, проведения досуга.

Установление в ходе предварительного расследования факта и обстоятельств общественно опасного посягательства и обороны от него, механизма происшедшего события, разоблачение его инсценировок и фальсификаций предполагает активное использование следователем специальных знаний. Изучение следственной практики показывает, что в указанных целях следователями активно назначаются различные судебные экспертизы. В их числе судебно-медицинские, психиатрические, судебно-психологические, генотипоскопические, криминалистические (трасологические, судебно-баллистические и др.), судебно-почвоведческие, компьютерно-технические, экспертизы материалов, веществ и изделий и ряд других.

Как было отмечено, состояние необходимой обороны или эксцесса обороны возникает в определенной ситуации и само по себе может рассматриваться как определенная обстановка (ситуация). Установление такой ситуации следственными или экспертными методами выступает особой разновидностью сложных диагностических задач, разрешение которых, помимо прочего, предполагает воссоздание, восстановление характеристик обстановки необходимой обороны (эксцесса обороны) и механизма такого события, что позволяет, помимо прочего, относить их к числу реституционных задач судебной экспертизы.

О. Н. Сергеева применительно к проверкам версий о необходимой обороне указала на целесообразность производства ситуалогических (комплексных медико-криминалистических) экспертиз [9, с. 125]. Е. Н. Холопова отмечает, что ситуалогическая (ситуационная) экспертиза может быть как комиссионной, так и комплексной [10, с. 235].

Проведенное исследование показывает, что ситуалогические экспертизы, направленные на установление состояния необходимой обороны (эксцесса обороны) и механизма произошедшего события, как правило, производятся экспертами разных специальностей (9,2 % изученных уголовных дел), причем каждый из них проводит исследования в пределах своих специальных знаний. В их числе могут быть эксперты в областях трасологии, баллистики, исследования холодного оружия, судебной медицины, биологии, материалов, веществ и изделий, почвоведения. Назначение таких экспертиз может преследовать цель разоблачения инсценировок общественно опасных посягательств и обороны от них либо отдельных обстоятельств произошедшего (например, при самооговоре, имитации соразмерности защиты характеру и опасности посягательства), ложных показаний о действиях в состоянии необходимой обороны или эксцессе обороны.

Разоблачению противодействия установлению состояния необходимой обороны или эксцесса обороны способствует выявление в ходе различных следственных действий негативных обстоятельств, представляющих собой признаки явлений и действий либо их отсутствие, вступающих в противоречие (до их логического разрешения в ходе расследования) с обычным объяснением факта в связи с выдвинутой версией.

Чаще всего подобные негативные обстоятельства выявляются в ходе осмотра места происшествия, освидетельствований и других следственных действий, направленных на собирание материально отображаемой информации. Так, в 18,5 % изученных уголовных дел уже в ходе осмотра места происшествия было зафиксировано отсутствие следов, характерных для общественно опасного посягательства и обороны от него, а в 13,8 % – были выявлены следы, вступающие в противоречие с версией о действиях в состоянии необходимой обороны или с превышением ее пределов. В 20,8 % уголовных дел на теле, одежде, обуви участников якобы имевшего места нападения и обороны от него, а также трупе не были выявлены телесные повреждения и другие материальные следы, характерные для такой версии происшедшего. В 5,4 % телесные повреждения и другие следы не соответствовали версии по давности и механизму образования. В 6,2 % изученных уголовных дел версия о действиях в состоянии необходимой обороны опровергалась изъятыми видеозаписями происшедшего события (с камер видеонаблюдения, видеорегистраторов, средств мобильной связи, размещенных в сети Интернет).

Негативные обстоятельства для версии о действиях в состоянии необходимой обороны или эксцесса обороны могут быть установлены в ходе следственных действий, направленных на получение и проверку вербальной доказательственной информации (допросов, очных ставок, проверки показаний на месте, предъявления для опознания). Во многих случаях это выявленные ложные полностью или в части показания об обстоятельствах происшедшего события. Попытки фальсификации показаний со стороны подозреваемого (обвиняемого), свидетелей, потерпевших предпринимались в 88,5 % изученных уголовных дел. Следовательно во всех случаях проведения допросов и других следственных действий, направленных на получение и проверку вербальной доказательственной информации о факте и обстоятельствах совершения оборонительных действий, должен прогнозировать возникновение конфликтной ситуации, продумывать и качественно реализовывать тактические приемы ее преодоления. Необходимо учитывать, что попытки дать ложные показания о факте и обстоятельствах возникновения состояния необходимой обороны или эксцесса обороны, общая линия поведения таких лиц в ходе следствия могут быть элементом более сложной системы противодействия предварительному расследованию, осуществляемого различными субъектами.

Как следствие, можно сделать вывод об определенной криминалистической специфике допросов: подозреваемого или обвиняемого, утверждающего о действиях в состоянии необходимой обороны или с превышением ее пределов; лица, от действий которого предположительно совершалась оборона; свидетелей-очевидцев расследуемого события, а также других лиц, обладающих сведениями об обстоятельствах расследуемого события.

Задачи проверки вербальной информации о действиях в состоянии необходимой обороны или эксцессе обороны могут быть достигнуты путем проведения проверки показаний на месте. Последовательность проведения этого следственного действия, как представляется, должна соответствовать стадиям расследуемого события (нападения и обороны от него), исходя из проверяемых показаний. В числе таких стадий могут быть выделены следующие:

- предшествовавшая началу общественно опасного посягательства, от которого осуществлялась оборона;
- появление признаков реальности угрозы начала нападения, начала совершения общественно опасных действий;
- совершение оборонительных действий;
- прекращение общественно опасного посягательства, последовавших после этого действиях нападавшего, оборонявшегося и других лиц.

Детальная проверка показаний применительно к каждому из указанных периодов, сопровождаемая демонстрацией действий на месте их совершения, может не только установить или подтвердить ложный характер проверяемых показаний о факте или правомерности обороны, но и привести лицо, чьи показания проверяются, к пониманию бессмысленности оказания дальнейшего противодействия установлению истины по делу, побудить его к сотрудничеству со следствием.

Материальная и вербальная доказательственная информация о необходимой обороне или эксцессе обороны может быть получена и проверена в ходе других следственных действий. Важным условием их производства выступает качественная подготовка и активное использование в ходе их производства тактико-криминалистических рекомендаций. Проверка версий о действиях лица в состоянии необходимой обороны или с превышением ее пределов должна обязательно учитывать фактор возможного противодействия предварительному расследованию. Его своевременное выявление и преодоление позволит обеспечить правильную уголовно-правовую квалификацию совершенного деяния, собрать и оперативно проверить обвинительные или оправдательные доказательства, спрофилировать последующее противодействие судебному разбирательству по этой категории уголовных дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М., 1997. – 248 с.
2. Белкин Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления // Криминалистика / под ред. А.Ф. Вольнского. – М.: Закон и право, Юнити-Дана, 1999. – 615 с.
3. Головин А.Ю., Грибунов О.П., Бибииков А.А. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений: монография. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2015. – 164 с.
4. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1992.
5. Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению. – М.: Академия управления МВД России, 2011. – 148 с.

6. Тишутина И.В. Об общей характеристике противодействия расследованию // Вестник криминалистики. – 2013. Вып.1 (45). – С. 24–31.

7. Головин А.Ю., Цурбанов С.А. Противодействие предварительному расследованию: некоторые вопросы системных исследований // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 1 (88). – С. 137–149.

8. Головин А.Ю., Баранов М.В., Головина Е.В. Решение ситуационных задач предварительного расследования (теория, механизм, ошибки). – М.: Юрлитинформ, 2017. – 200 с.

9. Сергеева О.Н. Теория и практика криминалистического обеспечения проверки версий о необходимой обороне и превышении ее пределов: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999.

10. Холопова Е.Н. Ситуационная экспертиза: понятие, значение и возможности использования // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития. – Калининград: БФУ им. И. Канта, 2017. – С. 232–239.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Volchetskaya T.S. Forensic Situation / T.S. Volchetskaya. - M., 1997. – 248 p.

2. Belkin R.S. Countering the investigation and ways to overcome it // Forensics; under the editorship of A.F. Volynsky. – M., 1999. – 615 p.

3. Golovin A.Yu., Gribunov O. P., Bibikov A. A. Forensic methods of overcoming opposition to the investigation of transport crimes: monograph / A.Yu. Golovin, O.P. Gribunov, A.A. Bibikov. – Irkutsk, 2015. – 164 p.

4. Karagodin V.N. Fundamentals of the forensic doctrine of overcoming opposition to the preliminary investigation: dis. ... Dr. jur. sciences. – Yekaterinburg, 1992.

5. Lavrov V.P. Counteraction to the investigation of crimes and measures to overcome it / V.P. Lavrov. – M., 2011. – 148 p.

6. Tishutina I.V. About the general characteristic of counteraction to the investigation / I.V. Tishutina // Bulletin of forensics. – 2013. – Issue 1 (45). – P. 24–31.

7. Golovin A.Yu., Tsurbanov S.A. Countering the preliminary investigation: some issues of system research / A.Yu. Golovin, S.A. Tsurbanov // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No 1 (88). – P. 137–149.

8. Golovin A.Yu., Baranov M.V., Golovina E.V. The solution of situational tasks of the preliminary investigation (theory, mechanism, errors) / A.Yu. Golovin et al. – M., 2017. – 200 p.

9. Sergeeva O.N. Theory and practice of forensic support for verifying versions of the necessary defense and exceeding its limits: dis. ... cand. jur. sciences. – St. Petersburg, 1999.

10. Kholopova E.N. Situational examination: concept, meaning and possibilities of use / E.N. Kholopova // Situational approach in legal science and practice: modern opportunities and development prospects. – Kaliningrad, 2017. – P. 232–239.

УДК 343.983

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10048

Шведова Наталья Николаевна
доцент кафедры основ экспертно-
криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса экспертно-
криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: nshvedova@yandex.ru

Shvedova Natalya Nikolaevna
Associate Professor Chair of Expert-
Criminalistic Activity Fundamentals,
Training and Scientific Complex
of Expert-Criminalistic Activity,
Volograd Academy of the Ministry
of Interior of Russia
Candidate of Law Science, Associate Professor
E-mail: nshvedova@yandex.ru

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ АЛГОРИТМЫ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДОКУМЕНТОВ

Введение: в статье рассмотрены возможности применения для решения задач технико-криминалистической экспертизы документов диагностических алгоритмов, разработка которых основана на принципах медицинской диагностики, позволяющих дифференцировать сходные объекты и явления.

Материалы и методы: автором на основе анализа экспертной практики выявлены ошибки, часто встречающиеся при производстве диагностических технико-криминалистических исследований оттисков печатей и штампов. Изучена имеющаяся научно-методическая база, обеспечивающая решение диагностических задач в технико-криминалистической экспертизе документов. Методологической основой проведенного исследования являются общий и специальные методы познания, такие как системный, комплексный, методы аналогии и обобщения, классификации и моделирования.

Результаты исследования: удалось разработать диагностические алгоритмы решения некоторых экспертных задач технико-криминалистической экспертизы документов на основе выделения маркерных признаков для определенных групп объектов, а также обосновать целесообразность применения алгоритмических методов для подготовки судебных экспертов, в частности в рамках освоения дополнительной профессиональной программы по экспертной специальности «Технико-криминалистическая экспертиза документов».

Выводы и заключения: методический подход к диагностированию в рамках технико-криминалистической экспертизы документов с использованием алгоритмов позволяет не только обеспечить достоверность и обоснованность экспертных выводов, но и повысить качество подготовки специалистов для экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов внутренних дел.

Ключевые слова: технико-криминалистическая экспертиза документов, диагностический алгоритм, маркерный признак, экспертная задача, реквизиты документов.

DIAGNOSTIC ALGORITHMS IN SOLVING PROBLEMS OF FORENSIC TECHNICAL EXAMINATION OF DOCUMENTS

Introduction: The article focuses on the possibilities of using diagnostic algorithms to solve problems of forensic technical examination of documents. Their development is based on principles of medical diagnostics that allow differentiating similar objects and phenomena.

Materials and Methods: Based on the expert practice analysis the author reveals the most common mistakes in the conduct of diagnostic forensic technical examinations of seal and stamp impressions. The author also analyzes the existing scientific and methodological framework that helps solve diagnostic problems in forensic technical examination of documents. The methodological basis of the conducted research includes general and specific methods of cognition such as system and complex methods, methods of analogy and generalization, classification and modeling.

Research results: The author managed to develop diagnostic algorithms of solving some expert problems of forensic technical examination of documents based on marker signs for certain groups of objects as well as to prove the reasonableness of using algorithmic methods in forensic experts' training, in particular as part of additional professional program in Forensic Technical Examination of Documents.

Summary and Conclusion: The methodological approach to diagnostics in forensic technical examination of documents with the use of diagnostic algorithms allows not only providing reliability and validity of expert conclusions but also improving the quality of training specialists for expert-criminalistic subdivisions of territorial agencies of internal affairs.

Key words: forensic technical examination of documents, diagnostic algorithm, marker sign, expert problem, document attributes.

Одной из острых проблем современной государственной судебно-экспертной деятельности является недостаточная обоснованность выводов по результатам производства судебных экспертиз, что существенно снижает их доказательственную ценность в условиях состязательного судопроизводства. В полной мере это относится и к технико-криминалистическим экспертизам документов, которые зачастую позволяют установить причастность лица к совершению различных уголовно наказуемых деяний, в том числе экономической направленности. Как показывает изучение материалов экспертной практики, немало ошибок допускается в результате нарушения последовательности проведения исследования, неверной интерпретации и оценки выявленных свойств объекта при решении как диагностических, так и идентификационных задач.

В целом для предметной области технико-криминалистической экспертизы документов характерно преобладание диагностических исследований по установлению способа изготовления документа и (или) его реквизитов [7; 8]. Но и при установлении тождества устройств и приспособлений, примененных для изготовления документа и внесения в него реквизитов, решение диагностической задачи, как правило, является промежуточным, но обязательным этапом. Тем не менее, методические подходы к их решению недостаточно разработаны, что неизбежно вызывает трудности у судебных экспертов.

Например, немало сложностей возникает при установлении способа изготовления удостоверительной печатной формы по ее оттиску в документе. Несмотря на то, что в специальной литературе достаточно подробно рассмотрены диагностические признаки различных технологий изготовления печатей и штампов, отображающиеся в оттисках, анализ экспертной практики показывает, что в своих заключениях эксперты нередко уклоняются от решения данного вопроса по необоснованным причинам, формулируя данное обстоятельство следующим образом: «установить способ изготовления печати не представилось возможным в связи неполным отображением в оттиске диагностических признаков».

Представляется, что подобная практика является недопустимой, так как при решении идентификационной задачи способ изготовления печати является одним из общих признаков, входящих в идентификационную совокупность, свойственную для исследуемого оттиска. Важно также и то, что различие сравниваемых оттисков по данному общему признаку (способу изготовления печати) является достаточным основанием для категорического отрицательного вывода о тождестве, что нередко упускается из внимания при производстве идентификационных технико-криминалистических экспертиз. Именно поэтому, на наш взгляд, методические основы диагностических исследований реквизитов документов нуждаются в уточнении путем разработки диагностических алгоритмов решения экспертных задач.

Под диагностическим алгоритмом в медицине понимается система правил выполнения в определенной последовательности операций, обеспечивающих постановку диагноза [1, с. 242]. Как известно, методология медицинской диагностики послужила основой для разработки частной судебно-экспертной теории – учения об экспертной диагностике [3, с. 115–126; 5, с. 70–74]. В рамках этого учения исследовались проблемы судебно-почерковедческой диагностики (В.Ф. Орлова, М.В. Бобовкин, М.В. Жижина и др.), решения диагностических задач при производстве судебно-баллистических экспертиз (Т.В. Толстухина, И.В. Латышов и др.), особенности дактилоскопической диагностики (С.С. Самищенко, О.А. Соколова и др.), а также различные аспекты диагностических исследований в отношении иных объектов криминалистических экспертиз. Однако теоретическим и методическим вопросам диагностики в технико-криминалистической экспертизе документов, на наш взгляд, внимания уделялось недостаточно. Так, А.А. Волков в своей работе предпринял попытку разработать общую диагностическую методику для указанного вида экспертизы [2, с. 79–100], но ограничился перечислением и описанием общеизвестных стадий (предварительное, раздельное, сравнительное исследование), свойственных любому экспертному исследованию. Какую-либо специфику в методике диагностирования свойств объектов технико-криминалистической экспертизы автору установить не удалось.

Кроме того, в существующей учебной и методической литературе по технико-криминалистической экспертизе документов порядок решения диагностических задач излагается кратко, и сводится, как правило, к описанию признаков, характерных для тех или иных способов выполнения реквизитов документов [6; 7; 8; 9]. Но не всегда даже высококвалифицированный эксперт может с первого взгляда определить тот или иной способ выполнения реквизита, что связано с большим разнообразием современных пишущих приборов, технологий цифровой и полиграфической печати, а также материалов документов, влияющих на отображение диагностических признаков.

Представляется, что для устранения пробелов в методическом обеспечении диагностических технико-криминалистических исследований реквизитов документов целесообразно применить логические схемы медицинского диагностирования. Причем при разработке подобного алгоритма следует разбить процесс диагностирования на такие элементарные операции (шаги), которые были бы доступны не только опытному специалисту, но и начинающему эксперту. Для этого необходима система «маркёрных признаков», т. е. таких, которые обозначают наличие или отсутствие отличительных свойств исследуемого объекта [4].

Термин «маркёрный/маркерный признак» является устоявшимся в медицинской литературе и широко используется для дифференциальной диагностики различных заболеваний, сходных по симптоматике. Представляется целесообразным использование данного термина и в экспертной диагностике, в частности при диагностических исследованиях в технико-криминалистической экспертизе документов.

Например, штрихи текстовых реквизитов, выполненных на различных печатающих устройствах, могут иметь некоторое сходство между собой по морфологии, что требует выделения маркерного признака для этой группы объектов. Так, для решения диагностической задачи по установлению вида печатающего устройства, использованного для внесения буквенных и (или) цифровых реквизитов в документе, целесообразно придерживаться следующей последовательности действий: первоначально установить наличие или отсутствие маркерного признака морфологии штрихов, которым в данном случае является строение штрихов в виде упорядоченных дискретных элементов.

Далее при его обнаружении следует с помощью метода оптической микроскопии изучить исследуемые штрихи с целью выявления деформации бумаги в местах наложения красящего вещества. Если данный признак отсутствует, а изображение знаков сформировано в толще бумаги, имеющей глянцевое покрытие, то выявленная совокупность диагностических признаков достаточна для вывода о том, что реквизиты документа выполнены на термоактивной бумаге с помощью знакопечатающего устройства мозаичного типа, работающего по принципу термопечати. При наличии деформации бумаги в местах наложения красящего вещества и поверхностном размещении краски наряду с упорядоченным расположением дискретных элементов в штрихах можно утверждать, что текстовый (буквенный, цифровой) реквизит выполнен с помощью печатающего устройства матричной печати.

Если же в штрихах исследуемых реквизитов вышеназванный маркерный признак не будет обнаружен, а дискретные элементы расположены хаотично, следует применить микроскопический метод и изучить микроструктуру красящего вещества. Наличие его мелкозернистой структуры с характерным блеском и отображения «краевого эффекта» в штрихах позволяет прийти к выводу об электрофотографическом

способе печати, а при отображении микроструктуры штрихов в виде пятен с проникновением красящего вещества в толщу бумаги и матовой поверхностью штрихов можно установить факт нанесения реквизита с помощью печатающего устройства струйной печати.

В нижеприведенной схеме продемонстрированы основные элементы примерного диагностического алгоритма решения задачи по установлению вида печатающего устройства, с помощью которого выполнены исследуемые текстовые реквизиты.

Рис. 1. Примерный диагностический алгоритм установления вида печатающего устройства, примененного для выполнения текстовых реквизитов в документе

Безусловно, для обеспечения полноты исследования данный алгоритм необходимо дополнить этапами, направленными на выявление всех диагностических признаков, в том числе с применением методов люминесцентного анализа и исследова-

ния в отраженных инфракрасных лучах, что позволит получить обоснованный категорический вывод.

Хотелось бы подчеркнуть, что алгоритмизация процесса диагностического исследования может быть полезной и для организации обучения судебных экспертов. Исходя из того, что судебно-экспертная деятельность по сути состоит из системы последовательных действий эксперта по решению поставленной перед ним задачи, освоение профессиональных навыков также можно представить в виде системы образовательных алгоритмов.

Традиционный подход к обучению будущих экспертов заключается в изложении учебного материала в описательной форме на лекционных занятиях, который воспринимается обучаемыми как «сухой» объем информации. Практические занятия не в полной мере позволяют освоить лекционный материал, что в итоге не обеспечивает в полной мере формирование профессиональной компетенции у молодых специалистов и, как следствие, зачастую вызывает у них серьезные затруднения на практике.

Если же построить образовательный процесс на основе точных предписаний по последовательному выполнению отдельных этапов решения той или иной профессиональной задачи в виде диагностических (и не только!) алгоритмов, можно кардинальным образом изменить ситуацию. Например, при освоении дисциплины «Технико-криминалистическая экспертиза документов» будущим судебным экспертам необходимо овладеть умением распознавать тот или иной способ воспроизведения полиграфических реквизитов, определять вид печати. Для этого нужно освоить достаточно большой объем специальных знаний как теоретического, так и прикладного характера.

Но, как показывает опыт педагогической деятельности автора настоящей статьи, восприятие лекционного материала по данной теме вызывает определенные трудности у обучаемых. Возникают сложности в самостоятельном выявлении и оценке характерных признаков того или иного вида печати на практических занятиях до тех пор, пока педагог не сформулирует определенный диагностический алгоритм, в котором выделит особый, наиболее существенный маркерный признак. В данном случае в качестве такового выступает наличие либо отсутствие неравномерного распределения красящего вещества и формирование по краям штрихов в виде так называемого «красочного бортика».

Фрагмент такого диагностического алгоритма, используемого при освоении названной темы при обучении сотрудников экспертно-криминалистических подразделений по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации по экспертной специальности «Технико-криминалистическая экспертиза документов» в Волгоградской академии МВД России, представлен в виде схемы процесса по последовательному выявлению диагностических признаков.

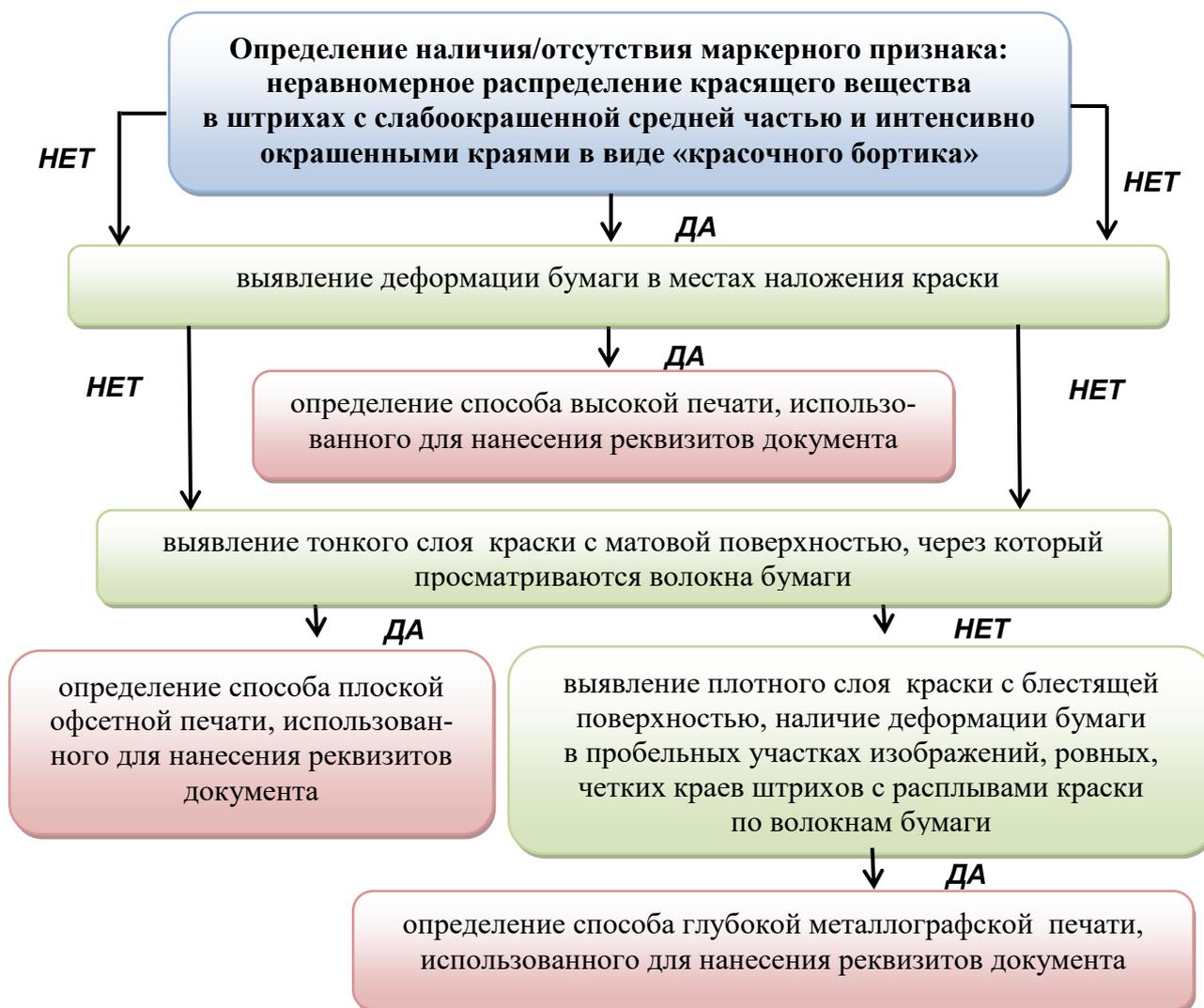

Рис. 2. Образовательный диагностический алгоритм по дополнительной профессиональной программе «Технико-криминалистическая экспертиза документов»

Таким образом, процесс диагностирования в технико-криминалистической экспертизе документов, реализуемый через систему диагностических алгоритмов, позволяет не только определять способ выполнения реквизитов, но и дифференцировать сходные способы, что имеет существенное значение для получения обоснованных и достоверных экспертных выводов. Применение алгоритмических методов при обучении будущих судебных экспертов максимально приближает образовательную среду к условиям их профессиональной деятельности и позволяет сформировать устойчивые профессионально значимые компетенции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Большая медицинская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. Б. В. Петровский. – Т. 1. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. 576 с.

2. Волков А.А. Диагностика в технико-криминалистическом исследовании реквизитов документов: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – 186 с.
3. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 928 с.
4. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера, 2002. URL: vocabulary.ru (дата обращения 13.06.2019).
5. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 368 с.
6. Сосенушкина М.Н., Шведова Н.Н. [и др.]. Техничко-криминалистическая экспертиза документов (основные термины и понятия): справочное пособие. – М.: ЭКЦ МВД России, 2005. – 64 с.
7. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник / под ред. В.Е. Ляпичева, Н.Н. Шведовой. – Волгоград: ВА МВД России, 2013. – 268 с.
8. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учебник / под ред. А.А. Проткина. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 296 с.
9. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю.М. Дильдина; общ. ред. В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – Ч. 1. – 568 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Big Medical Encyclopedia in 30 vol. Ed. by V.V. Petrovskii. Vol. 1. – Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia, 1974. – 576 p.
2. Volkov A.A. Diagnostics in forensic technical examination of document attributes. Thesis for a Candidate's Degree in Juridical Sciences. – Saratov, 1999. – 186 p.
3. Forensics. Textbook. T.V. Averianova, R.S. Belkin, I.G. Korukhov, E.R. Rossinskaia. 4th ed. updated and revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. – 928 p.
4. Dictionary of Psychology. Ed. by A. Reber. 2002. Available at: <https://vocabulary.ru>. Accessed on June 13, 2019.
5. Rossinskaia E.R. The theory of forensic examination (Forensic expertology). Textbook. E.R. Rossinskaia, E.I. Galiashina, A.M. Zinin. Ed. by E.R. Rossinskaia. 2nd ed. updated and revised. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2016. – 368 p.
6. Sosenushkina M.N., Shvedova N.N. Forensic technical examination of documents (main terms and notions). Reference book. – Moscow: EKTS MVD Rossii, 2005. – 64 p.
7. Forensic technical examination of documents. Textbook. Ed. by V.E. Liapichev, N.N. Shvedova. – Volgograd: VA MVD Rossii, 2013. – 268 p.
8. Forensic technical examination of documents. Textbook. Ed. by A.A. Protkin. – Moscow: Iurlitinform, 2015. – 296 p.
9. Typical expert methods of examining real evidence. P. 1. Ed. by Cand. Sc. (Engineering) I.M. Dildin. Gen. ed. by Cand. Sc. (Engineering) V.V. Martynov. – Moscow: EKTS MVD Rossii, 2010. – 568 p.

УДК: 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10049

Щербаченко Александр Константинович
доцент кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности
Ростовского юридического института
МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: rui@mvd.ru

Scherbachenko Alexander Konstantinovich
associate Professor of the Chair of Crimi-
nalistics and Operational-Investigative
Activities Rostov Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Rus-
sian Federation
Candidate of Law Sciences
E-mail: rui@mvd.ru

БАЗОВАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕХАНИЗМА МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ, И ОРИЕНТИР В ПРАКТИКЕ ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ

Введение: новые способы мошенничеств, совершенных группой лиц, как одно из распространённых и закономерных явлений объективной действительности, при росте и качественных изменениях таких преступлений выступают актуальной проблемой для криминалистики и правоприменительной практики, требуют познания и разработки соответствующих криминалистических средств, приемов и методов.

Объект статьи – деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению мошенничеств, совершенных группой лиц.

Предмет – закономерности механизма мошенничеств, совершенных группой лиц, а также закономерности систематизации криминалистических знаний в рамках базовой криминалистической характеристики как эффективного ориентира для раскрытия, расследования и предупреждения мошенничеств, совершенных группой лиц.

Материалы и методы: нормативно-правовую базу исследования составили Конституция РФ, уголовное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее раскрытие, расследование и предупреждение мошенничеств, совершенных группой лиц, данные официальной статистики за последние пять лет, результаты анализа уголовных дел о мошенничествах, совершенных группой лиц.

Методом познания мошенничеств, совершенных группой лиц, в рамках настоящей статьи стал деятельностный подход. Авторская позиция опирается на диалектический материализм.

Результаты исследования: представлено авторское понимание базовой криминалистической характеристики как отражения механизма мошенничеств, совершенных группой лиц, и ориентира в практике их расследования.

Выводы и заключения: назрела теоретико-прикладная необходимость разработки базовой криминалистической характеристики мошенничеств, совершённых группой лиц.

Базовая криминалистическая характеристика мошенничеств, совершённых группой лиц, существенно отличается от видовых, подвидовых криминалистических характеристик мошенничеств. К признакам базовой криминалистической характеристики изучаемой категории преступлений относятся: системность, взаимосвязанность и соподчинённость элементов, обобщённость и большая степень абстрактности криминалистических знаний, отражение механизма мошенничеств и противодействия его расследованию.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая характеристика, методика, группа, мошенничество, базовая, ориентир.

BASIC CRIMINALISTICS CHARACTERISTICS AS A REFLECTION OF THE MECHANISM OF FRAUD COMMITTED BY A GROUP OF PERSONS AND A GUIDE IN THE PRACTICE OF THEIR INVESTIGATION

Introduction: new methods of fraud committed by a group of persons, as one of the most common and natural phenomena of objective reality, with the growth and qualitative changes in such crimes acts as an urgent problem for criminalistic and law enforcement practice, requiring the knowledge and development of appropriate forensic tools, techniques and methods.

The object of the article is the solution, investigation and prevention of fraud committed by group of persons.

The subject is the laws of the mechanism of fraud committed by group of persons, and patterns of systematization of forensic science as part of the basic criminalistic characteristics as an effective reference point for solution, investigation and prevention of fraud committed by group of persons.

Materials and Methods: the legal basis of the study was the Constitution of the Russian Federation, criminal law, criminal procedure law governing the solution, investigation and prevention of fraud committed by a group of persons, official statistics for the last five years, the results of the analysis of criminal cases of fraud committed by a group of persons.

The method of cognition of frauds committed by a group of persons in the framework of this article was the activity approach, the author's position is based on dialectical materialism.

Results: the author's understanding of the basic criminalistic characteristics as a reflection of the mechanism of fraud committed by a group of persons and a guide in the practice of their investigation is presented.

Summary and Conclusion: there is a theoretical and applied need to develop the basic techniques of fraud committed by group of persons; the most significant for the base

of criminalistic characteristics of frauds, committed by a group of persons are linked: the creation of criminal groups involved in fraud activities and the collapse of the criminal groups who commit fraud; between the creation, the activities of criminal groups involved in fraud and the occurrence of forensically important information; basic characteristics of frauds, committed by a group of individuals differs significantly from the species, subspecies characteristics of frauds; characteristics of the basic criminalistic characteristics of the studied categories of crimes include: consistency, interrelation and hierarchy of elements, generality and greater abstraction of forensic science, a reflection of the mechanism of the fraud committed by group of persons and combating his investigation.

Key words: criminalistics, criminalistic characteristic, group, fraud, basic, technique, reference point.

За первые девять месяцев 2019 г. в России, по данным официальной статистики, зарегистрировано 1355,5 тыс. преступлений. В 49 субъектах РФ имеется рост регистрируемых преступлений. Более 536 тыс. преступлений не раскрыты.

Мошенничество в структуре преступности – одно из распространенных преступлений (12,2 %).

Ущерб от преступлений составил более 430 миллиардов рублей (+9,8 % по оконченным и приостановленным преступлениям), из них более 92 % совершены в городах или поселках городского типа.

Имеется тенденция снижения раскрываемости преступлений прошлых лет на 3,8 %.

Наблюдается рост совершения преступлений организованными группами или преступными сообществами на 5 %.

Ростовская область по количеству мошенничеств, совершенных в период с января по август 2019 г., в сравнении с предыдущим периодом занимает первое место среди субъектов РФ (+68,2 %). Каждое второе-третье мошенничество совершается в группе [9].

К сожалению, правоприменительные органы и криминалистическая наука еще не отреагировали на подобные трансформации.

Указанные обстоятельства определили необходимость создания базовой криминалистической характеристики как отражения механизма мошенничеств, совершенных группой лиц, и ориентира в практике их расследования

Криминалистические аспекты раскрытия и расследования мошенничеств разрабатывали такие ученые-криминалисты, как И.В. Александров, С.И. Аненков, И.О. Антонов, С.М. Астапкина, Д.В. Астафьев, Р.С. Атаманов, В.Ю. Белицкий, Д.В. Березин, М.Н. Богданов, А.И. Босых, Е.В. Булгакова, М.П. Бушинская, А.В. Варданян, К.А. Виноградова, О.В. Волохова, Л.В. Вохмина, С.В. Горобченко, О.А. Гуева, Г.А. Густов, Е.Н. Дерябина-Чистякова, Л.Я. Драпкин, И.И. Звезда, Н.М. Золотова, В.Н. Карагодин, Ю.Ф. Карелов, В.А. Казаков, С.И. Казинская, С.И. Коновалов, О.В. Кругликова, Б.А. Куринов, Р.Р. Курмаев, А.М. Кустов, А.Ф. Лановой, В.В. Малыгина, А.А. Навалихин, М.А. Неймарк, Э.Д. Нугаева, Н.Н. Потапова, А.Н. Розин, А.Е. Слепнев, С.А. Черняков, М.Р. Шагиахметов, А.В. Шаров, И.Н. Шумигай,

Т.Л. Ценова, М.М. Уразбахтин и многие другие.

Криминалистическая характеристика преступлений выступает как одно из активных направлений, разрабатываемых в криминалистике.

В разработке вопросов криминалистической характеристики принимали участие ведущие ученые-криминалисты Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, А.В. Варданян, И.А. Возгрин, А.Ю. Головин, А.Н. Колесниченко, В.А. Образцов, Л.А. Сергеев, В.Г. Танасевич и многие другие.

В.А. Образцов отмечает, что «криминалистическая характеристика – это совокупность данных о механизме совершения преступления, средства отражения, отражающих объектах, взаимодействующих при этом информации, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений путем применения обусловленных ими криминалистических средств, приёмов и методов, а также разработка научных рекомендаций по оптимальному решению данной задачи» [7, с. 8].

Наиболее интересен подход А.В. Варданяна [4], О.П. Грибунова [5], О.В. Айвазовой и других, предполагающий, что криминалистическая характеристика преступлений выступает как систематизированное отражение механизма преступной деятельности.

О.В. Айвазова видит соотношение понятий криминалистической характеристики и механизма преступления: «имея сходство в содержательном аспекте, понятия “криминалистическая характеристика преступлений” и “механизм преступлений” являются разноплановыми, образно говоря, олицетворяющими “две стороны одной медали”».

Механизм преступления отражает динамический характер преступной деятельности; систематизированные результаты его научного познания представлены в форме криминалистической характеристики преступлений» [1, с 152].

Наиболее детально вопросы механизма преступления разработаны А.Н. Васильевым, Р.С. Белкиным и А.М. Кустовым.

В механизме мошенничества, совершенного группой лиц, следует выделить три фазы: начальная, основная, заключительная.

Начальная фаза механизма мошенничества, совершенного группой лиц: формирование группы и распределение ролей участников мошенничества; технологическая подготовка участников мошенничества; создание блоков защиты от уголовного преследования или программ поведения на случай возникновения уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности; совершение преступлений, входящих в подготовку мошенничества; выбор сферы и объектов мошенничества; изучение жертвы, ее финансового поведения и состояния; определение способов и средств сокрытия мошенничества, совершенного группой лиц; выбор благоприятных мест и времени для совершения мошенничества; создание и поддержание необходимых коррумпированных связей; разработка планов сбыта или легализации похищенного путем мошенничества.

Основная фаза механизма мошенничества, совершенного группой лиц: строгое распределение ролей при подготовке, совершении и сокрытии мошенничества; создание условий для совершения хищения путем мошенничества; уточнение и изменение заранее запланированных действий, связанных с подготовкой, совершением и сокрытием мошенничества; действия, связанные с завладением похищенного; маскировка

мошенничества под законную или незапрещенную деятельность; приготовление и реализация способов мошенничеств (коммуникативные способы, способы подлога, способы, связанные с инсценировкой события, комбинированные способы); распределение участников группы, подготавливающих мошенничество.

Заключительная фаза механизма мошенничества, совершенного группой лиц, связана с периодом от момента совершения мошенничества и до начала его раскрытия и расследования, включает действия: по наблюдению за посткриминальным поведением жертвы или работника учреждения (организации), которым причинен вред; по противодействию раскрытию и расследованию мошенничества; лжеявка с повинной заранее подготовленного группой для предварительного расследования «субъекта преступления»; легализация или сбыт похищенного при мошенничестве; приобретение новых высокотехнологических средств для совершения последующих мошенничеств; поддержание условий неочевидности мошенничества; дискредитация жертвы и потерпевших или возможных доказательств о мошенничестве.

В целом мы поддерживаем выводы и положения М. В. Субботиной применительно как к базовой методике расследования преступлений, так и к базовой криминалистической характеристике, однако считаем возможным их уточнить и дополнить относительно мошенничеств, совершенных группой лиц.

Так, М.В. Субботина считает, что «в качестве самостоятельного структурного элемента закономерные связи не следует выделять, поскольку если перечисленные сведения не будут закономерно связаны между собой, то они будут представлять никому не нужную информацию» [8, с. 58].

Вывод о бессмысленности элементов, не имеющих взаимозависимости и связи, согласуется с нашими представлениями о криминалистической характеристике преступлений, включая и его базовую форму, однако ставить под сомнение закономерные связи, даже в контексте самостоятельного элемента, вряд ли целесообразно, поскольку для базовой криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных группой лиц, именно взаимосвязи группы с другими элементами составляют генеральную сущность.

Среди таковых можно выделить следующие закономерные взаимосвязи:

- создание преступных групп, совершающих мошенничества;
- деятельность и распад преступных групп, совершающих мошенничества;
- создание, деятельность преступных групп и возникновение криминалистически значимой информации.

Общность таких закономерностей позволяет исследовать элементы базовой криминалистической характеристики.

Прав А.Ю. Головин, отмечая, что к типовым корреляционным связям между элементами механизма преступления, получающим отражение в его криминалистической характеристике, следует отнести: «однозначные связи; вероятные связи; связи со средней степенью вероятностью; маловероятные связи» [6, с. 124].

Мы согласны с мнением ведущих ученых-криминалистов о том, что «криминалистическая характеристика определенных групп преступлений должна содержать обобщенные знания о типичном, выражающие ориентир для субъекта раскрытия и расследования таких преступлений» [2, с. 157].

Базовая методика расследования мошенничеств, совершенных группой лиц, должна включать:

а) научные основы (предмет, объект; цель и задачи; принципы формирования и развития; базовую криминалистическую характеристику; криминалистическую классификацию мошенничеств, совершенных группой лиц);

б) укрупненный комплекс криминалистических рекомендаций по раскрытию, расследованию и предупреждению мошенничеств, совершенных группой лиц.

По нашему мнению, немаловажной является разработка мер криминалистической превенции.

В этом направлении наиболее интересны и значимы работы профессора А.В. Варданяна, который отмечает, что «потребность в реализации следователем мероприятий профилактического характера актуализируется с момента реального установления причин совершенного преступления, независимо от текущего этапа расследования и нередко приобретая незамедлительный характер.

Поэтому представляется ошибочным, порождающим формальный подход и снижающим эффективность профилактического воздействия, распространенное в современной следственной практике представление об отнесенности профилактических мер к сугубо завершающему этапу расследования, основанное на узком толковании ч. 2 ст. 158 УПК РФ» [3, с. 172].

М.В. Субботина под базовой криминалистической характеристикой понимает «систему обобщенных криминалистически значимых сведений о типичных, закономерно связанных между собой элементах определенных категорий преступлений и условиях их совершения, присущих всем этим преступлениям» [8, с. 58].

С учетом вышеизложенного базовая криминалистическая характеристика изучаемой категории преступлений включает следующие признаки:

- системность;
- взаимосвязанность и соподчинённость элементов;
- обобщенность;
- отражение механизма мошенничеств, совершенных группой лиц, и противодействие расследованию.

К элементам базовой криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных группой лиц, относятся:

- характеристика формирования, деятельности и распада группы;
- способы мошенничеств;
- способы противодействия расследованию мошенничеств, совершенных группой лиц;
- типовая криминалистически значимая информация, отражающая механизм мошенничества.

Базовая криминалистическая характеристика мошенничеств, совершенных группой лиц, отличается от видовых и подвидовых криминалистических характеристик мошенничеств обобщенностью знаний об изучаемой категории преступлений и направленностью к отображению взаимосвязей и взаимозависимостей механизма как ориентира для субъекта расследования в условиях неочевидности и других неблагоприятных ситуаций.

Исследование в рамках данной статьи позволило получить следующие выводы и рекомендации:

- в структуре преступности мошенничество – одно из распространенных преступлений;
- в правоприменительной практике наибольшие трудности возникают при раскрытии и расследовании мошенничеств, совершенных группой лиц;
- назрела теоретико-прикладная необходимость разработки базовой методики мошенничеств, совершенных группой лиц;
- к наиболее значимым для базовой криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных группой лиц, относятся взаимосвязи: создания преступных групп, совершающих мошенничества; деятельности и распада преступных групп, совершающих мошенничества; между созданием, деятельностью преступных групп, совершающих мошенничества, и возникновением криминалистически значимой информации;
- базовая криминалистическая характеристика мошенничеств, совершенных группой лиц, существенно отличается от видовых, подвидовых криминалистических характеристик мошенничеств;
- к признакам базовой криминалистической характеристики изучаемой категории преступлений относятся: системность, взаимосвязанность и соподчинённость элементов, обобщённость и большая степень абстрактности криминалистических знаний, отражение механизма мошенничеств, совершенных группой лиц, и противодействия его расследованию;

Под базовой криминалистической характеристикой следует понимать систему взаимосвязанных и соподчинённых элементов, обобщенно отражающих механизм мошенничеств, совершенных группой лиц, и противодействия его расследованию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Айвазова О.В. Криминалистическая характеристика преступлений как систематизированное отражение механизма преступной деятельности: результаты научной полемики // Вестник Томского гос. университета. – 2014. – № 389. – С. 153–157.
2. Белкин Р., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в криминалистике // Социалистическая законность. – 1987. – № 9. – С. 56–58.
3. Варданян А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского гос. университета. – 2018. – № 430. – С. 169–173.
4. Варданян А.В., Грибунов О.П., Капустюк П.А. [и др.]. Расследование мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта: учебное пособие. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2018. – 92 с.
5. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81). – С. 23–34.

6. Головин А.Ю. Криминалистическая систематика: монография. – М., 2002. – 335 с.
7. Образцов В.А. Проблемы раскрытия преступлений против здоровья населения, связанные с пищевыми отравлениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1976. – 26 с.
8. Субботина М.В. Концепция формирования базовых методик расследования преступлений: монография. – Волгоград, 2007. – 112 с.
9. Состояние преступности в России / ФКУ «Главный информационный-аналитический центр МВД РФ (за январь–август, 2019)». – М., 2019. – 60 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Aivazova O. V. Criminalistic characteristics of crimes as a systematic reflection of the mechanism of criminal activity: the results of scientific controversy. Vestn. Thom. state University. – 2014. – No. 389. – P. 153–157.
2. Belkin R., Bykhovsky I., Dulov A. Fashionable hobby or a new word in criminalistic // Socialist legality. – 1987. – No. – 9. P. 56–58.
3. Vardanyan A.V. Criminalistic prevention in the system of state measures for crime prevention // Vestn. Thom. state University. – 2018. – No. 430. – P. 169–173.
4. Vardanyan A.V., Gribunov O. P., Kapustyuk P. A., Permyakov A. L., Unzhakova S. V. investigation of fraud associated with the implementation of investment projects at railway transport enterprises. – Irkutsk: Publishing house of the East Siberian Institute of the Russian interior Ministry, 2018. – 92 p.
5. Vardanyan A.V., Gribunov O. P. Modern doctrine of methodical and criminalistic support of investigation of certain types of crimes // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 2 (81). – Pp. 23–34.
6. Golovin A. Y. Forensic sistematic. – М., 2002. – P. 335.
7. Obraztsov V. A. Problems of detection of crimes against public health related to food poisoning. – М., 1976. – P. 26.
8. Subbotina M. V. the Concept of formation of basic methods of investigation of crimes. – Volgograd, 2007. – 112 p.
9. The state of crime in Russia / «Main information and analytical center of the Ministry of internal Affairs (January-August, 2019)». – М., 2019. – 60 p.

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО.
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 342.9

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10050

Добров Алексей Николаевич

начальник кафедры административного
права и административной
деятельности ОВД

Восточно-Сибирского института
МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: dobson@bk.ru

Dobrov Aleksey Nikolaevich

Head of the Department of Administrative
Law and Administrative Activity of
the Internal Affairs Bodies East-Siberian
Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia

Candidate of Science (Law), Associate Professor

E-mail: dobson@bk.ru

Баранова Светлана Анатольевна

старший преподаватель кафедры
административного права и
административной деятельности ОВД
Восточно-Сибирского института
МВД России

кандидат юридических наук

E-mail: svetlana.myshenko@gmail.com

Baranova Svetlana Anatolievna

Senior Lecturer of the Department
of Administrative Law and Administrative
Activity of the Internal Affairs Bodies
East-Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

Candidate of Science (Law)

E-mail: svetlana.myshenko@gmail.com

Рачёв Дмитрий Николаевич

главный эксперт-специалист
оперативного управления МВД России
кандидат юридических наук

E-mail: d.n.rachev1970@gmail.com

Rachev Dmitry Nikolaevich

chief expert-specialist
Operational management of the Ministry
of internal Affairs of Russia

Candidate of Science

E-mail: d.n.rachev1970@gmail.com

**ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ
МЕР ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ГРАЖДАН К ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОРЯДКА**

Введение: в статье исследуются основные проблемы, связанные с привлечением граждан к охране общественного порядка, а также организационно-правовые меры, направленные на привлечение населения к охране правопорядка.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют федеральные и региональные нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы участия граждан в охране общественного порядка.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили сформулировать рекомендации и предложения, направленные на привлечение граждан к охране общественного порядка и общественной безопасности.

Выводы и заключения: для решения проблемы привлечения граждан к охране общественного порядка требуется комплекс организационно-правовых мер: постоянное информирование населения (о наличии возможности принимать участие в охране правопорядка, льготах и гарантиях, наиболее значимых результатах), популяризация данного вида общественно полезной деятельности (рекламные щиты, конкурсы, участие наиболее известных должностных лиц муниципального образования), совершенствование действующего законодательства, улучшение материального и социального статуса лиц, принимающих участие в охране правопорядка.

Ключевые слова: общественный порядок, правопорядок, охрана общественного порядка, добровольная народная дружина, народный дружинник.

ON THE EFFICIENCY OF CERTAIN ORGANIZATIONAL-LEGAL MEASURES TO ATTRACT CITIZENS TO THE PUBLIC ORDER PROTECTION

Introduction: the article examines the main problems associated with attracting citizens to the public order protection, as well as the basic organizational and legal measures aimed at attracting of the population to the public order protection.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by federal and regional legal acts regulating the participation of citizens in the public order protection.

The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, the methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, synthesis and description.

Results of the study made possible to formulate recommendations and proposals aimed at attracting citizens to the public order protection and public safety protection.

Summary and conclusions: to solve the problem of attracting citizens to the the public order protection a set of organizational and legal measures is required: constant informing of the population (about the availability of opportunities to participate in the the public order protection, benefits and guarantees, the most significant results) and popularization of this type of socially useful activity (billboards, competitions, participation of the most famous officials of the municipality), improvement of the current legislation, improvement of the material and social status of persons participating in the the public order protection.

Key words: public order, law order, the public order protection, voluntary people's guard, people's volunteer.

На органы внутренних дел возложены важнейшие задачи по борьбе с преступностью, обеспечению общественного порядка и поддержанию общественной безопасности. Состояние общественного порядка «во многом зависит от того, насколько все граждане проявляют активность в борьбе с правонарушениями» [3, с. 46]. Содействие граждан органам внутренних дел в данной сфере имеет большое значение, поскольку с их участием удастся задерживать за совершение преступлений злоумышленников, пресекать тысячи административных правонарушений, обеспечивать и поддерживать общественный порядок.

Несмотря на достаточное результативное и эффективное оказание помощи со стороны населения органам внутренних дел в охране общественного порядка, данная деятельность имеет ряд проблемных аспектов. Среди них можно выделить недостаточную осведомленность граждан о возможности участия в охране правопорядка, их низкую заинтересованность. Ряд авторов справедливо отмечают, что «если говорить о принципе добровольности участия граждан в охране общественного порядка, который закреплен в законе, то активность населения в этом направлении деятельности хоть и увеличивается из года в год, но все же остается недостаточной» [4, с. 107]. Более того, стоит особо отметить и несовершенную систему мер стимулирования, поощрения, социальной защиты лиц, принимающих добровольное участие в охране правопорядка [1; 2].

Разрешение указанных проблем будет способствовать привлечению большего количества граждан к обеспечению общественного порядка, пополнению численности добровольных народных дружин.

Проблема привлечения граждан к охране общественного порядка требует комплекса организационно-правовых мер, реализуемых как органами государственной власти и местного самоуправления, так и территориальными органами внутренних дел.

Что касается органов местного самоуправления, то их деятельность по привлечению населения к содействию органам внутренних дел по поддержанию общественного порядка и общественной безопасности на определенной территории должна быть направлена как на информирование граждан о формах участия населения в охране общественного порядка, в частности, в деятельности народных дружин и их привилегиях, так и на совместное с регионом совершенствование материального и социального статуса лиц, принимающих участие в охране правопорядка. Однако при этом решающее значение играет финансовое обеспечение указанных процессов.

Для привлечения граждан к работе в качестве дружинников необходимо периодическое информирование населения через СМИ в двух основных направлениях:

- 1) о существующей возможности принимать участие в охране общественного порядка совместно с органами внутренних дел, внося свой личный вклад в поддержание общественной безопасности на определенной территории, осуществляя собственными действиями и усилиями профилактику и предупреждение совершения противоправных деяний, и возможности получения различных компенсаций и льгот за участие в такой деятельности;

2) об основных результатах деятельности народных дружин. В данном случае акцент стоит делать на достижениях и результатах отдельных добровольных народных дружин, заслуживающих внимания, в конкретном регионе или муниципалитете.

В целях распространения информации и популяризации участия граждан в охране правопорядка и привлечения их к данной деятельности органам местного самоуправления необходимо:

1) должностным лицам местной администрации и представительного органа муниципального образования периодически принимать участие в охране общественного порядка, прежде всего, тем, кто пользуется уважением и авторитетом у большинства граждан;

2) размещать рекламно-информационные щиты с изображением народных дружинников с отличительной символикой;

3) проводить муниципальные конкурсы «Лучший дружинник» [5, с. 23], «Лучшая народная дружина».

Со стороны органов внутренних дел для стимулирования граждан к участию в охране правопорядка необходимо установление контактов с предприятиями и организациями на территории определенного региона путем рассылки официальных писем с предложением провести опрос среди сотрудников, желающих вступить в члены народной дружины, проведению разъяснительной работы с руководителями предприятий по стимулированию и поощрению граждан, участвующих в обеспечении правопорядка. Опыт взаимодействия органов внутренних дел с предприятиями и организациями имеется в ряде регионов. Так, например, в Самарской области дружинники материально поощряются со стороны предприятий и организаций, заключивших соглашения с органами внутренних дел о выделении граждан для участия в охране общественного порядка. Как правило, это денежные выплаты и дополнительные дни к отпуску. Такой опыт может быть распространен и в других субъектах.

Комплекс разработанных и реально действующих мер материального стимулирования и социального обеспечения также окажет положительное влияние на процессы привлечения активного населения к участию в охране правопорядка. Заинтересованность граждан в охране общественного порядка необходимо подкреплять различными формами морального поощрения. Меры материального стимулирования и поощрения позволяют поддержать мотивацию населения оказывать содействие органам внутренних дел по реализации возложенных на них задач и функций. Меры поощрения морального характера также играют важную роль в возможности самовыражения, признании заслуг, оценке значимости деятельности народных дружинников в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности.

Кроме того, большое значение имеют меры социальной защиты дружинников, поскольку во время охраны общественного порядка, например, при пресечении правонарушений, существует вероятность причинения вреда их здоровью.

В настоящее время материально-социальный статус народного дружинника в самом общем виде урегулирован ст. 26 федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Данная статья содержит рамочные положения:

- 1) возможность предоставления бесплатных проездных билетов дружинникам во время исполнения ими своих обязанностей на уровне субъекта РФ или муниципального образования;
- 2) возможность выплаты вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании совершивших их лиц;
- 3) предоставление ежегодного отпуска без сохранения заработной платы по месту работы продолжительностью до 10 дней;
- 4) иные виды поощрений, установленные федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел;
- 5) возможность личного страхования народных дружинников на период их участия в охране общественного порядка на уровне субъекта РФ или муниципального образования; иные льготы и компенсации, установленные органами государственной власти субъектов РФ или местного самоуправления.

Как видим, формы стимулирования и поощрения работы дружинников устанавливаются, главным образом, на уровне субъектов РФ и муниципальных образований, поэтому материально-социальный статус народного дружинника может значительно отличаться в зависимости от региона.

Так, в Самарской области ст. 9 закона Самарской области от 7 декабря 2009 г. № 138-ГД «Об участии граждан в охране общественного порядка на территории Самарской области» устанавливает четыре вида поощрений для граждан, активно участвующих в охране общественного порядка: объявление благодарности, награждение грамотой, ценным подарком или денежной премией. Указанная статья предусматривает также, что «за особые заслуги в охране общественного порядка, проявленные при этом личное мужество и героизм граждане могут представляться к награждению государственными наградами РФ, государственными наградами Самарской области и наградами муниципальных образований в Самарской области». Важно отметить, что в регионе предусмотрено и материальное стимулирование народных дружинников. Размер выплат установлен органами местного самоуправления и составляет от 30 до 120 рублей в час на основании табеля учета рабочего времени.

Схожий перечень мер поощрений дружинников с некоторыми дополнениями существует и в других субъектах РФ (объявление благодарности, награждение почетной грамотой, награждение ценным подарком, выдача денежной премии, присвоение наград, предоставление народным дружинам помещений, технических и иных материальных средств согласно закону Ленинградской области от 15 апреля 2015 г. № 38-оз «Об участии граждан в охране общественного порядка на территории Ленинградской области»; благодарность, благодарственное письмо, почетная грамота, проездные билеты на все виды общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения согласно закону Кировской области от 11 ноября 2014 г. № 476-ЗО «О регулировании отдельных правоотношений, связанных с участием граждан в охране общественного порядка на территории Кировской области» и др.).

Важное место в статусе народного дружинника занимают меры личного страхования, поскольку, как было отмечено выше, во время охраны общественного порядка существует вероятность причинения вреда жизни и здоровью дружинника. Не-

смотря на достаточно развитую существующую систему поощрений деятельности народных дружинников, вопросы социальной защиты их находятся в стадии разработки и внесения дополнений в действующее законодательство, например, Самарской области.

В Иркутской области ст. 5 закона Иркутской области от 21 ноября 2014 г. № 133-ОЗ «Об отдельных вопросах, связанных с участием граждан в охране общественного порядка в Иркутской области» закрепляет, что «личное страхование дружинников могут осуществлять органы местного самоуправления»; «льготы и компенсации дружинников устанавливаются в соответствии с муниципальными актами».

Положительным аспектом в правовом регулировании общественных отношений, складывающихся в процессе деятельности народных дружин, является разработка в помощь муниципалитетам модельных муниципальных правовых актов: «Решение представительного органа муниципального образования об утверждении положения о мерах социальной защиты народных дружинников и членов их семей в связи с участием народных дружинников в мероприятиях по охране общественного порядка» и «Постановление местной администрации об установлении порядка выплаты единовременных денежных компенсаций народным дружинникам или членам их семей в связи с участием народных дружинников в мероприятиях по охране общественного порядка на территории». Значимость данных модельных актов обусловлена, во-первых, формированием единого правового пространства на территории всей области, во-вторых, содействием органам местного самоуправления в принятии требуемых муниципальных правовых актов.

Необходимо подчеркнуть, что кроме законодательного установления системы мер стимулирования, поощрения, страхования народных дружинников, для реализации всех этих мер необходимо финансирование, заложенное как в бюджете субъекта РФ, так и в бюджете муниципального образования. Однако, как правило, местные бюджеты не могут выдержать всей финансовой нагрузки, необходимой для материального обеспечения народных дружин и дружинников. В данном случае возможно субсидирование местных бюджетов. В качестве примера можно указать постановление правительства Самарской области от 18 февраля 2016 г. № 65 «Об утверждении Порядка предоставления в 2016 году субсидий из областного бюджета местным бюджетам в целях софинансирования расходных обязательств муниципальных образований в Самарской области по обеспечению участия населения в охране общественного порядка, возникающих при выполнении полномочий органов местного самоуправления по оказанию поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, созданию условий для деятельности народных дружин». Данный акт устанавливает критерии и условия отбора муниципальных образований для предоставления и расходования субсидий, а также закрепляет целевое использование субсидий: на денежные выплаты, приобретение материально-технических средств, добровольное страхование жизни и здоровья лиц, участвующих в охране правопорядка.

Обобщая опыт ряда регионов, представляется возможным сформулировать ряд организационно-правовых мер по привлечению граждан к охране общественного порядка. К ним относятся:

1) дополнение региональных законов, регулирующих отдельные аспекты участия населения в обеспечении правопорядка, нормами о личном страховании дружинников;

2) разработка модельных муниципальных правовых актов, регламентирующих меры социальной защиты дружинников во время их участия в мероприятиях по охране общественного порядка;

3) сочетание мер морального поощрения и материального стимулирования деятельности лиц, принимающих участие в охране правопорядка, и обязательное финансовое обеспечение данных мер за счет бюджета региона или муниципалитета.

Проблема привлечения граждан к охране общественного порядка требует комплекса организационно-правовых мер, реализуемых как органами государственной власти и местного самоуправления, так и территориальными органами внутренних дел. Совершенствование законодательной базы, регламентирующей вопросы участия населения в охране общественного порядка на предмет ее соответствия современным реалиям, а также совершенствование институтов государственного социального страхования жизни и здоровья лиц, принимающих участие в обеспечении общественного порядка являются одними из действенных механизмов по привлечению граждан с активной жизненной позицией к охране правопорядка. Необходимо также и информационное обеспечение деятельности народных дружинников и функционирования добровольных народных дружин, а также популяризация данного вида деятельности среди населения. Это в свою очередь позволит снизить количество противоправных деяний, совершаемых в общественных местах, а также внесет вклад в повышение уровня общественной безопасности и общественного порядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андрианов И.П. Добровольная народная дружина как средство профилактики правонарушений, наркомании и алкогольной зависимости, противодействия развитию деструктивных течений и экстремизма в молодежной среде // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2017. – № 1-1. – С. 263–268.

2. Баньковский Е.А. Современные проблемы правового регулирования участия граждан в охране общественного порядка // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 1 (42). – С. 97–99.

3. Ваньков А.В. Вопросы участия граждан в охране общественного порядка в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2013. – № 3. – С. 46–50.

4. Кирьянова О.В. Участие граждан в охране общественного порядка // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 5 (173). – С. 106–109.

5. Шапошников В.Л. О некоторых проблемах участия граждан в охране общественного порядка // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 3. – С. 20–24.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Andrianov I.P. Voluntary public order squad as means of prevention of offenses, drug and alcohol dependence, fighting against destructive directions and extremism in the youth environment // 21st Century Science: Actual Trends of Development. – 2017. – №. 1-1. – P. 263–268.
2. Bankovsky E.A. Modern problems of legal regulation of citizen participation in the protection of public order // Vestnik of the Vladimir Law Institute. – 2017. – №. 1 (42). – P. 97–99.
3. Vankov A.V. Questions of participation of citizens in protection of public order in the Russian Federation // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2013. – №. 3. – P. 46–50.
4. Kiryanova O.V. Citizen participation in policing // Agricultural and land law. – 2019. – №. 5 (173). – P. 106–109.
5. Shaposhnikov V.L. On some problems of citizen participation in the protection of public order // Problems of law enforcement. – 2016. – №. 3. – P. 20–24.

УДК 342

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10051

Николаев Александр Геннадьевич
профессор кафедры управления
деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного
порядка центра командно-штабных
учений Академии управления
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: alnikpravo@rambler.ru

Nikolaev Alexander Gennadievich
Professor of the Department of Manage-
ment of the Division for the Protection of
Public Order of the Center for Command
and Staff Exercises of the Academy of
Management of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
PhD in Law, Associate Professor
E-mail: alnikpravo@rambler.ru

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОНТОЛОГИЯ

Введение: в статье рассматриваются вопросы, связанные с осознанием правовой сущности дисциплинарной онтологии. Вопрос о сущности понятия «дисциплина» рассматривается с различных мировоззренческих позиций.

Материалы и методы: теоретическую и эмпирическую основу исследования составляют различные мнения ученых-нормативистов, представителей естественно-правовой теории правопонимания, а также приверженцев юридико-либертарной теории.

Результаты исследования: исходя из этимологического и философского понятия онтологии под онтологией дисциплинарного права следует понимать учение о бытии и сущности содержания понятия «дисциплины» во всех его проявлениях.

Выводы и заключения: дисциплинарное принуждение в законодательстве должно быть обусловлено соблюдением принципа формального равенства, состоящего из компонентов: абстрактно-всеобщей равенности сторон правоотношений, формальности добровольности исполнения и свободы выбора правомерного поведения, а также справедливости вынесенного дисциплинарного наказания с защитным механизмом правосудного доступа.

Ключевые слова: дисциплинарная онтология, дисциплина, правоотношения, административное право, юридико-либертарная теория.

DISCIPLINARY ONTOLOGY

Introduction: the scientific article discusses issues related to the awareness of the legal nature of disciplinary ontology. The question of the essence of the concept of “discipline” is considered from various worldviews and based on the opinions of various scholars.

Materials and Methods: The theoretical and empirical basis of the study is made up of various opinions of normative scientists, representatives of the natural legal theory of legal understanding, as well as adherents of the legal-libertarian theory.

Research results: in our opinion, based on the etymological and philosophical concepts of ontology, the ontology of disciplinary law should be understood as the doctrine of the essence and essence of the concept of “discipline” in all its manifestations.

Conclusions and conclusions: in the ontological perspective of studying and answering this question, we believe that disciplinary coercion in the legislation should be conditional on the observance of the principle of formal equality, consisting of the components: abstractly universal equality of the parties to the legal relationship, the formality of voluntary execution and freedom of choice of lawful behavior, and fairness of disciplinary punishment with a protective mechanism of judicial access.

Key words: Disciplinary ontology, discipline, legal relations, administrative law, legal-libertarian theory

Суть научного исследования дисциплинарного принуждения состоит в том, что современное нормативное обеспечение и соблюдение служебной дисциплины не соответствует характеру развития современной системы административно-правовых отношений в исследуемой сфере. Полагаем, что успешное государственное управление внутренними делами в рассматриваемой публичной сфере возможно лишь на основе полноты сформированности и единого концептуального подхода в нормативно-правовом обеспечении и реализации института дисциплинарного принуждения в административном праве.

Институт дисциплинарного принуждения должен быть максимально унифицированным, стабильным и четко регламентированным как на уровне законодательных, так и иных правовых актов. При определении материальных и процессуальных норм дисциплинарного принуждения должно быть обеспечено единообразие методических подходов, общности механизма защиты и привлечения к дисциплинарной ответственности, а также учета публично-правового характера возникающих административно-правовых отношений в системе государственной службы. Сегодня в некоторых случаях отсутствие четкости формулирования отдельных правовых норм явно способствует их расширительному толкованию и одновременно создает возможность для совершения действий коррупционного характера и принятия решения на административное усмотрение руководителя [11, с. 72]. Для совершенствования рассматриваемой сферы деятельности необходимо понять один из элементов философского аспекта дисциплинарного принуждения – дисциплинарной правовой онтологии и на основе этого предложить меры.

Рассматривая понятие «дисциплина», необходимо уяснить сущность и актуальность дисциплинарной правовой онтологии¹. Правовая онтология анализируется в философии права, причем учение о бытии (сущности) права одни авторы сводят к вопро-

¹ Под онтологией [гр. *ontos* (ontos) сущее + *logos* слово, понятие, учение] принято понимать «философское учение о бытии», «учение о бытии как таковом; раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, наиболее общие сущности и категории сущего» (Словарь иностранных слов. – 7-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1980. С. 355).

су «о том, к какому типу реальности отнести право» [15, с. 213], другие – «к анализу человека как правового существа бытия и существования права и формах существования права» [8, с. 40–52].

Вопрос о сущности понятия «дисциплина» может рассматриваться с различных мировоззренческих позиций либо исходя из мнений ученых-исследователей. Нормативистами¹ (легисты и юридические позитивисты) утверждалось, что право существует только в виде правовых норм, находящих формальное отражение в источниках позитивного права. Представители естественно-правовой теории правопонимания утверждали, что содержание норм права исходит из выражения ими правовых идей, обусловленных поддержанием общечеловеческих ценностей, защитой естественных (прирожденных неотчуждаемых) прав человека (свободы, равенства, справедливости, всеобщего блага и др.). Представитель данной школы Г.Ф. Шершеневич утверждал, что «идеалу дается название “право”, которому соответствует реальное понятие, и путем постоянного сочетания слова и понятия ум привыкает придавать идеалу ту реальность, какая соединена с названием» [17, с. 112]. Социологическая школа права² утверждала, что сущность права состоит в возникающих общественных отношениях и в сложившейся правоприменительной практике. Встречаются и смешанные подходы в рассматриваемой сфере.

В трудах Р.З. Лившица, ученого-правоведа, сочетаются подходы всех научных школ. Он утверждал, что «ближе всего к сущности права подходит идея справедливости» [5, с. 65]. В продолжение этого Р.З. Лившиц писал: «право есть нормативно закрепленная справедливость» [5, с. 68]. Это выражение включает в себя естественно-правовое, нормативистское и социологическое представление о праве как о единстве теории, норм и общественных отношений.

¹ Нормативистская школа права – направление в теории и философии права, представители которой рассматривают право как единую систему норм и стремятся исследовать эту систему саму по себе. Основоположителем теории является Г. Кельзен, который предлагал рассматривать право как иерархическую систему норм, каждая из которых имеет в качестве своего основания действительности вышестоящую норму. Конечным основанием действительности нормативной системы является основная (суверенная) норма, уполномочивающая на установление первой конституции тех, кто её создал после последней революции. Свою теорию Кельзен называл «Чистым учением о праве» (нем. Reine Rechtslehre). «Чистота» теории Кельзена заключается в устранении из юридической науки всего «метаюридического», в первую очередь политико-идеологических положений, а также элементов социологии, психологии и политической теории (Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М.: Омега, 2008. С. 174).

² Социологическая теория права – школа «живого права». Эта теория получила наибольшее распространение в XX в. в трудах Р. фон Иеринга (Германия), Л. Дюги и Ф. Жени (Франция), Е. Эрлиха (Австро-Венгрия), С. Муромцева (Россия) и др. Школа основывается на эмпирических исследованиях, связана с развитием и функционированием правовых институтов. Под правом здесь понимаются, прежде всего, юридические действия, юридическая практика, применение права, правопорядок. Действующие правовые акты не всегда адекватны экономическим и социальным условиям, в этой связи сторонники школы придают большое значение свободе судейского усмотрения (Большой юридический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/law>).

С точки зрения юридико-либертарной теории В.С. Нерсисянца, сущность права выражается «в принципе правового равенства, состоящего из следующих идей: формального равенства, всеобщей необходимой формы свободы и справедливости» [8, с. 32–39]. В отличие от данной теории мнение С.П. Маврина сводится к замене категории «справедливость» на более уточняющее понятие «социальная справедливость» [144, с. 86]. Это отчасти связано и с мнением другого ученого, В.М. Лебедева, обосновывающего социологический подход к исследованию правоотношений во внутриорганизационной сфере деятельности и утверждающего, что «здесь необходимо учитывать не только его нормы, объединенные в институты, субинституты, части, трудовые правоотношения, но и фактически трудовые и тесно примыкающие к ним отношения» [4, с. 15]. В этом отчасти усматривается влияние социологической школы правопонимания С.А. Муромцева [6], а также концепции интегративного правопонимания Р.З. Лившица. Существуют мнения и других ученых в рассматриваемых вопросах, но все они формируются с учетом достижений естественно-правовой теории, сформировавшейся под влиянием Т. Гоббса, Г. Гроция, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, Б. Спинозы, Ш. Монтескье, А.Н. Радищева и других, а в XX в. дополненной мыслями П.И. Новгородцева, Е.Н. Трубецкова и др. [133, с. 335].

На наш взгляд, исходя из этимологического и философского понятия онтологии, под онтологией дисциплинарного права следует понимать учение о бытии и сущности содержания понятия «дисциплины» во всех его проявлениях.

В контексте развиваемого юридического правопонимания [2, с. 320] возможно указать, что учение (концепция) о дисциплине в её соотношении с отражением в формальных источниках права и есть онтология дисциплинарного права. Бытие правовой сущности дисциплинарной онтологии заключается в том, что в основе этого понятия лежит общий принцип соблюдения формального равенства, теоретически понимаемый в исходном начале дисциплинарной онтологии – что есть дисциплина? Данное понятие может включать в себя совокупность внутренне взаимосвязанных и предполагающих друг друга характеристик и свойств как необходимого единства понятия дисциплины в виде правовой сущности и правового явления, а также при ее соблюдении – общеобязательной правовой формы отражения равенства, свободы и справедливости, установленных в общественных правоотношениях социума.

В онтологическом [122, с. 874] ракурсе изучения, отвечая на данный вопрос, мы полагаем, что соблюдение дисциплины должно быть обусловлено соблюдением формального равенства, состоящего из компонентов: абстрактно-всеобщей равности сторон правоотношений, соблюдения установленного внутреннего порядка, формальности добровольности исполнения, свободы выбора правомерного поведения и справедливости вынесенного дисциплинарного наказания. Дисциплина как форма (правовая категория формы общественных отношений) определяется в онтологическом плане совокупностью установленных формальных свойств и характеристик дисциплины. В широком смысле – это соблюдение установленных правил порядка и субординации поведения в обществе, либо организации, а в узком смысле данное понятие определяется равностью сторон взаимоотношений, свободой выбора поведения и справедливым установленным дисциплинарным наказанием (взысканием).

При этом дисциплину как правовую форму установленных правоотношений (а также и ее формальные компоненты – установленный порядок равенности сторон, свободы выбора поведения и справедливости выбранного наказания) не смешивают с содержанием фактических установленных общественных отношений, объективируемых и регулируемых правовой формой выражения. Здесь категории – порядок, равенство, свобода и справедливость – являются правовыми формальностями, а не фактичностью, что по сути это формально-содержательные (не материально-содержательные, либо эмпирические) компоненты, характеристики и свойства дисциплины и ее правовой формы отражения.

Схожие правовые конструкции находят видение и в действующей Конституции России¹, где в ст. 37 закреплены права граждан на свободный труд, распоряжение своими способностями к труду, право на индивидуальные и коллективные споры и другие трудовые гарантии, а также запрет на принудительный труд [9, с. 58–62]. Л.Д. Воеводин писал, что «Конституция Российской Федерации, принятая в конце 1993 года, в части обсуждаемых проблем, также, как и Всеобщая декларация прав человека (1948)², представляет собой больше намерение, чем законообязательное установление» [1, с. 189]. Исходя из этого, и мы стремимся определиться с наиболее приемлемым отражением содержания дисциплины в исследуемой сфере.

По мнению В.С. Нерсисянца, «работодатель представляет собой организацию и является, таким образом, юридически лицом, в то время как работник действует в своем личном, индивидуальном качестве и является физическим лицом. Их абстрактные правовые статусы, абстрактные интегральные индивидуальные правовые ресурсы существенно разнятся, и, если их поставить в условия формально-равной свободы, то работодатель, как обладатель большего правового ресурса, будет иметь формальную возможность блокировать правовые действия работника, как обладателя меньшего правового ресурса, и лишения, таким образом, формально-равного доступа к норме права (закона) и, соответственно, формально-равной (на основе «равной меры» абстрактной правовой деятельности) правосудной защиты своих интересов» [7, с. 250].

По мнению В.И. Иванова, «реализация прав как правовой по своей природе процесс предполагает наличие разных форм и стадий осуществления, которым присущи свои особенности. Так, реализация конкретного субъективного права может быть, например, облечена в форму соблюдения связанных с ним или даже вытекаю-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL: <http://www.pravo.gov.ru>

² Статья 23 Всеобщей декларации прав человека провозглашает: «каждый человек имеет право на труд...» (Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Рос. газ. 1998. 10 дек.). Полнее об этом говорится в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, принятом 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (Бюл. Верховного суда РФ. 1994. № 12), где указано: «участвующие в настоящем Пакте государства признают право на труд...».

щих из него установлений [100, с. 146–152]. Очевидно, что соблюдение норм вне зависимости от субъекта такого соблюдения, будь то физическое лицо, общественное объединение, орган государства и др., имеют своей целью сохранить ненарушенными эти права и свободы, обеспечить их неприкосновенность» [3, с. 15].

Мы должны понимать, что восстановление нарушенных прав и свобод является отступлением от общего правила и не может являться неременной формой реализации основных прав и свобод человека и выдвигать принцип правоустановления и правореализации (правоприменения) в сфере «формально-неравных» служебных отношений. Законодатель и правоприменитель должны всегда стремиться только к объективированию принципа «формально-равных» служебных (трудовых) отношений.

В онтологическом отношении понятия «дисциплины» существенно то обстоятельство, что абстрактно-всеобщая равная мера правосудного доступа, равенство, свобода и справедливость при её соблюдении в государственном управлении должны восприниматься только в их формально-правовом значении, в качестве особых закрепленных правовых форм выражения в действующем законе. Проявление всеобщих принципов формального равенства и справедливости в вопросах поддержания служебной дисциплины может образовать единое, внутренне-согласованное и не противоречащее самому понятию дисциплина, а также ее соблюдению без нарушения субординационного подчинения в процессе служебной деятельности и установленных внутриорганизационных правил поведения [166, с. 64–69] в публичных общественных отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие. – М.: Норма: ИНФРА-М, 1997. – 304 с.
2. Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
3. Иванов В.И. О государственных гарантиях прав и свобод личности в Российской Федерации: монография. – М.: ТЕИС, 2004. – 94 с.
4. Лебедев В.М. Теоретические основы Трудового кодекса Российской Федерации // Трудовое право. – 2003. – № 11. – С. 14–16.
5. Лившиц Р.З. Теория права: учебник. – М.: БЕК, 2001. – 224 с.
6. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. – СПб.: Изд. дом СПбУ, 2004. – 224 с.
7. Нерсесян В.С. Современное право: теория и методология: монография / под ред. В.В. Лапаевой. – М.: Норма, 2012. – 303 с.
8. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 1997. – 652 с.
9. Николаев А.Г. Дисциплинарное принуждение, затрагивающее сферу конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 8 (152). – С. 58–62.

10. Николаев А.Г. Дозволения и запреты как регулятивная форма дисциплинарного принуждения // *Право и государство: теория и практика*. – 2015. – № 5 (125). – С. 146–152.
11. Васильев Ф.П., Николаев А.Г. Отдельные проблемы правового обеспечения и реализации дисциплинарной ответственности в системе правоохранительных органов России // *Вестник Владимирского юридического института / Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний*. – 2014. – № 6 (126). – С. 68–72.
12. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М., 1996. – 938 с.
13. Томашевский К. Л. Очерки трудового права (История, философия, проблемы систем и источников) / науч. ред. О. С. Курылева. – Минск: Изд. центр БГУ, 2009. – 335 с.
14. Трудовое право России: учебник / под ред. СП. Маврина, Е.Б. Хохлова. – М.: Норма, 2007. – 656 с.
15. Философия права: учебник / О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная, С.И. Максимов и др.; под общ. ред. О.Г. Данильяна. – М.: Эксмо, 2005. – 416 с.
16. Шевцов А.В. Управленческие и процессуальные функции юрисдикционной деятельности органов внутренних дел // *Труды Академии управления МВД России*. – 2017. – № 2 (42). – С. 64–69.
17. Шершеневич Габриэль (Гавриил) Феликсович. Общая теория права. Т. 1. – М.: Тип. Бр. Башмаковых, 1910.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Voevodin L.D. Legal status of an individual in Russia. Tutorial. – М.: Publishing house MGUU publishing group INFRA-M-NORMA, 1997. – 304 p.
2. Gadzhiev G.A. Ontology of law: (a critical study of the legal concept of reality): monograph / G.A. Gadzhiev. – М.: Norm: INFRA – М., 2013. – 320 p.
3. Ivanov V.I. On state guarantees of individual rights and freedoms in the Russian Federation: Monograph. – М.: TEIS, 2004. – 94 p.
4. Lebedev V.M. Theoretical Foundations of the Labor Code of the Russian Federation // *Labor Law*. – 2003. - №. 11. – S. 14–16.
5. Livshits R.Z. Theory of Law: A Textbook. – М.: БЕК, 2001. – 224 p.
6. Muromtsev S.A. Definition and main division of law. – SPb.: Ed. SPbU House, 2004. – 224 p.
7. Nersesyanyan V.S. Modern law: theory and methodology. Monograph / V.S. Nersesyanyan; under. ed. V.V. Lapaeva. – М.: Norma, 2012. – 303 p.
8. Nersesyants B.C. Philosophy of Law: Textbook for universities. – М.: INFRA-M – NORMA, 1997. – S. 652.
9. Nikolaev A.G. Disciplinary coercion affecting the sphere of constitutional rights, freedoms and duties of a person and a citizen of the Russian Federation. Law and state: theory and practice. – 2017. - №. 8 (152). – S. 58–62.

10. Nikolaev A.G. Permissions and prohibitions as a regulatory form of disciplinary coercion // Law and state: theory and practice. – 2015. – №. 5 (125). – S. 146–152.
11. Vasiliev F.P., Nikolaev A.G. Some problems of legal support and implementation of disciplinary responsibility in the system of law enforcement bodies of Russia // Bulletin of the Vladimir Law Institute. Publishing House: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service. – 2014. – №. 6 (126). – S. 68–72.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language / Russian Academy of Sciences. Russian Language Institute V.V. Vinogradova. - 4th ed., Revised. – M. – 1996. – 938 p.
13. Tomashevsky K.L. Essays on labor law (History, philosophy, problems of systems and sources) / K.L. Tomashevsky; scientific ed. O.S. Kuryleva. – Minsk: “Ed. BSU Center”, 2009. – 335 p.
14. Labor law of Russia: Textbook / Ed. Joint venture Mavrina, E.B. Khokhlova. – M.: NORMA, 2007. – 656 p.
15. Philosophy of law: Textbook / O.G. Danilyan, L.D. Bayrachnaya, S.I. Maximov et al.; under the general. ed. O.G. Danilyana. – M.: Publisher Eksmo, 2005. – 416 p.
16. Shevtsov A.V. Administrative and procedural functions of the jurisdictional activity of internal affairs bodies // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 2 (42). – S. 64–69.
17. Shershenevich Gabriel (Gabriel) Felixovich. General theory of law. Volume I. – Moscow.: Br. Bashmakovykh, 1910.

УДК: 342.56

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10052

Попова Ирина Павловна

доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института
МВД России
кандидат юридических наук
председатель Усть-Илимского
городского суда Иркутской области
в почетной отставке
E-mail: irinabaikal@mail.ru

Popova Irina Pavlovna

Associate Professor Criminal Proceedings
Department East Siberian Institute
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, chairman of Ust-Ilim
City Court of Irkutsk Region
honorary retirement E-mail: iri-
nabaikal@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Введение: в статье исследовано значение судебной власти в государственном механизме и рассматриваются актуальные проблемы судебной власти, обусловленные активным внедрением цифровых технологий в судопроизводство. Изучение проблем реализации принципов независимости, самостоятельности судебной власти, осуществления правосудия только судом, судебной защиты, доступности и транспарентности правосудия демонстрирует их взаимосвязь, тогда как цифровизация способна в значительной степени изменить их содержание, искажая социальное предназначение судебной власти.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют положения Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, постановления Конституционного суда Российской Федерации, научные исследования в области судебной деятельности. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили уточнить особенности действия ряда основополагающих идей самостоятельности и независимости судебной власти при осуществлении правосудия в аспекте цифровых технологий, раскрыть риски цифровизации судопроизводства в отсутствие соответствующей государственной стратегии, обосновать важность нравственных основ в период реформ судебной власти.

Выводы и заключения: постановления Конституционного суда РФ, различные точки зрения на цифровизацию судопроизводства позволили сделать выводы о чрезвычайно важной роли принципов судебной власти, призванных выполнять функции тех ориентиров и критериев, через которые должны преломляться соответствующие цифровые технологии. Отмечается, что на первоначальных этапах в числе задач цифровизации судопроизводства должно быть активное внедрение современных технологий, обеспеченных соответствующими гарантиями реализации принципов судебной власти.

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, принципы, цифровизация, судопроизводство, электронное правосудие, независимость судебной власти, транспарентность правосудия, доступ к правосудию.

REALIZATION OF THE PRINCIPLES OF JUDICIAL AUTHORITY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF LITIGATION

Introduction: the article explores the importance of the judiciary in the state mechanism and examines the current problems of the judiciary due to the active introduction of digital technologies in legal proceedings. Studying the problems of implementing the principles of the independence of judges, the independence of the judiciary, the administration of justice only by the court, judicial protection, accessibility and transparency of justice demonstrates their interconnection, while digitalization can significantly change their content, distorting the social purpose of the judiciary.

Materials and methods: the normative basis of the study is the provisions of the Constitution of the Russian Federation, federal constitutional laws, Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, scientific research in the field of judicial activity. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods, methods of comparison, analysis, generalization and description.

Results of the study: they clarified the specifics of the operation of a number of fundamental ideas of the independence and independence of the judiciary in the administration of justice in the aspect of digital technologies, revealed the risks of digitalization of judicial proceedings in the absence of an appropriate state strategy, substantiated the importance of moral principles during the period of judicial reform.

Conclusions and conclusions: the analyzed decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, various points of view on the digitalization of legal proceedings allowed us to draw conclusions about the extremely important role of the principles of the judiciary, designed to fulfill the functions of those guidelines and criteria through which relevant digital technologies should be refracted. It is noted that at the initial stages, the digitalization of legal proceedings should include the active introduction of modern technologies,

provided with appropriate guarantees for the implementation of the principles of the judiciary.

Key words: judicial power, justice, principles, digitalization, legal proceedings, e-justice, independence of the judiciary, transparency of justice, access to justice.

В период модернизации государства общество нуждается в повышении качества и эффективности судебной деятельности. Именно судебная власть в государственном механизме, будучи самостоятельной ветвью власти, одновременно выступает и гарантом в сдерживании как законодательной, так и исполнительной власти. Потребность в защите и восстановлении нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и общества диктует новые требования к правовому регулированию как организации судебной системы, так и осуществлению судопроизводства.

Не случайно принятие законов о судостроительстве и судопроизводстве вызывают активное обсуждение как в профессиональной среде членами судейского сообщества, представителями правоохранительных органов и адвокатских образований, так и в обществе в целом, поскольку результат реализации законодательных новелл в той или иной степени затрагивает интересы каждого гражданина. В таких условиях сохраняется парадоксальное явление: в период воплощения очередных реформ судебной власти остаются дискуссионными понятия «правосудие», «судебная власть», функций и принципов судебной власти [4; 6; 8; 12; 18; 19; 21]. Представляется, что причиной тому является трансформация указанных понятий в современных реалиях, что требует переосмысления ключевых категорий, наполнения их новым содержанием. Судебная власть как подсистема государства не может быть вне взаимосвязи с его структурами, с другими ветвями власти. Корреляция этих связей и соответствующих гарантий, обеспечивающих эффективное функционирование судебной власти, является предметом актуальных дискуссий длительное время в силу их важности.

Сущность судебной власти определяется ее функциями, в числе которых можно выделить такие как: правозащитную или функцию защиты прав, свобод и законных интересов граждан, восстановительную, превентивную, функцию правосудия. Различные подходы в понимании и наименовании функций судебной власти, выделение новых функциональных направлений не исключают вывода о том, что основным в содержании функциональной деятельности судебной власти является осуществление правосудия, в котором и заключается сущность монополии государства на правовое регулирование конфликтов, возникающих в различных сферах жизнедеятельности государства, охраны прав и свобод его граждан.

Принципы судебной власти нормативно закреплены в главе 7 Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г.

№ 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ)¹, ст. 5 федерального конституционного закона от 07.02.2011 г. № 1-ФКЗ в ред. от 06.03.2019 г. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»², главе 1 федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ в ред. от 30.10.2018 г. «О судебной системе Российской Федерации»³.

Судебная деятельность как функция судебной власти заключается в организационных мерах и деятельности суда и судей, а правосудие в качестве второй универсальной функции судебной власти включает ту деятельность суда и судей, которая направлена на принятие судебных решений по существу. Наиболее отчетливо принципы судебной власти реализуются в функции правосудия.

Правосудие как основная форма реализации судебной власти заключается в деятельности по осуществлению защиты прав и свобод граждан и организаций путем рассмотрения и разрешения гражданских, административных, уголовных и арбитражных дел в определенной процессуальной форме, результатом которой являются обеспеченные возможностью государственного принуждения общеобязательные акты. С цифровизацией государства, экономики, общественных отношений, характеризующих период четвертой промышленной революции, неизбежна и цифровизация судебной власти.

Современные подходы к демократизации судебной власти и судебной деятельности базируются на положениях доступности и транспарентности правосудия, что уже сейчас обеспечивается возможностью различных информационных технологий, позволяющих подачу документов в электронном виде, ведение аудиопротоколирования судебных заседаний, расширение возможности участия в судебных заседаниях с помощью видеоконференцсвязи, информирования о движении дела в сети Интернет, публикацию судебных актов.

Между тем данные средства, которые не являются исчерпывающими, оказывают соответствующее воздействие на судейское сообщество, предъявляя к организации судебной системы и к судьям, как носителям судебной власти, все новые и новые требования при реализации ими своих полномочий. Уже вошли в лексикон выражения «электронный судья», «электронное дело», «автоматизация и цифровизация судопроизводства», «электронное правосудие». Вместе с тем не исключен риск того, что в погоне за отчетностью «о достигнутых успехах в области цифровизации судопроизводства», могут быть утрачены традиционные ценности. Цифровизация включает и широкое внедрение в различные сферы государственной деятельности искусственного интеллекта.

О возможных существенных рисках широкого внедрения юнитов искусственного интеллекта предупреждают и исследователи. Так, П.М. Морхат, посвятивший данной теме значительное количество работ, также задается вопросом, связанным с развитием технологий и юнитов искусственного интеллекта: «...насколько далеко мы

¹ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Там же. 2011. № 7. Ст. 898.

³ Там же. 1997. № 1. Ст. 1.

можем и готовы зайти в делегировании полномочий по принятию важных решений юнитам искусственного интеллекта, не создавая при этом критических угроз человечеству и среде нашего обитания, в частности – не рискуя умалением (тем более критическим ущемлением) прав человека и посягательством на них?» [15, с. 170].

До начала масштабных изменений нужна продуманная, а не точечная реформа судебной власти, к тому же основанная на проработанной государственной стратегии, что позволит снизить и минимизировать возможные риски вызванные цифровизацией. Адаптация судопроизводства к новым цифровым реалиям потребует не только времени, затраченного на техническое переоснащение, но и реформу правосознания конкретного правоприменителя, освоение новых теоретических знаний и практических навыков. Учитывая, что весь переходный период судьи будут осуществлять судопроизводство по конкретным делам, это накладывает на них очередную повышенную ответственность за сам процесс и за полученный результат реализации своих полномочий.

Новые нагрузки, порожденные дублированием деятельности на определенном переходном этапе, длительность которого заранее трудно предугадать, а также необходимостью разъяснить новые правила участникам судопроизводства и создать соответствующие условия в дополнение к уже существующим гипернагрузкам не могут не сказаться на судебной власти и пройти безболезненно для судебского корпуса. Все это происходит на фоне обостряющегося внимания к конкретным судьям, чье поведение как при осуществлении правосудия, так и в быту уже не может составлять предмет кулуарного обсуждения довольно закрытой судебской корпорации, а становится достоянием широкого круга лиц. И всякий единичный случай, ярко освещенный в СМИ, воспринимается как типичное поведение представителей судебной власти, укрепляя общественное мнение в негативных оценках всего судебского корпуса.

В противовес негативным явлениям при осуществлении правосудия отдельные авторы предлагают активную цифровизацию судопроизводства, усматривая возможность использования искусственного интеллекта не только как технического устройства, нацеленного на модернизацию судопроизводства, но и как альтернативу осуществления правосудия человеком, которому не чужды различные пороки его деятельности [3, с. 30].

Думается, что в сложившихся условиях существенно возрастает значение принципов правосудия. Образно и в то же время раскрывая сущность этого понятия, дает определение принципов правосудия В.М. Бозров. С его точки зрения, «принципы для правосудия – кровеносные сосуды, питающие механизм его осуществления и определяющие основные права и обязанности участников процесса, характер их взаимоотношений, существо того или иного типа судопроизводства» [5, с. 167]. Система принципов правосудия включает: принципы законности, презумпции невиновности, обеспечения прав граждан на судебную защиту, доступности; равенство граждан перед судом и законом; осуществление правосудия только судом; самостоятельность судов и независимость судей, неприкосновенность и несменяемость судей; участие граждан в осуществлении правосудия; состязательность и равноправие сторон; наци-

ональный язык судопроизводства; открытое разбирательство дел во всех судах; единство судебной системы и ее установление конституцией и федеральным конституционным законом; гласность судопроизводства; участие граждан в отправлении правосудия. Но данный перечень нельзя считать исчерпывающим. Так, в качестве самостоятельного принципа правосудия в научной литературе предлагается выделить принцип компетентности, объективности и беспристрастности суда.

В рамках обозначенной темы исследования представляется обоснованным рассмотреть отдельные, наиболее взаимосвязанные принципы правосудия через призму цифровизации судопроизводства.

Самостоятельность и осуществление правосудия только судом. И.Ю. Носков под электронным правосудием понимает способ отправления правосудия, основанный на использовании технических систем с цифровой обработкой данных [17, с. 120]. Вполне возможно создание искусственного интеллекта, который на основе больших данных судебной практики способен выполнять определенные прогностические задачи. Однако замена машиной человека при отправлении правосудия не просто наполняет новым смыслом содержание обозначенных принципов, а ставит под угрозу их реализацию.

В основе выводов цифровой обработки в итоге будут находиться те данные, которые заложены его разработчиками, соответственно, и их видение алгоритма принятия решения и толкования норм права. Стремление нивелировать субъективизм и судебское усмотрение при осуществлении правосудия приведет к тому, что в основе принятия решений будут те же качества, но уже не судей с определенными процессуальными гарантиями, обеспечивающими пределы усмотрения, а самих авторов программ с отсутствием подобных гарантий. Принцип самостоятельности судебной власти будет окрашен действием тех структур, которые смогут повлиять на указанные программы и их авторов. В этой связи следует согласиться с Л.В. Головкин, отмечая, что «правосудие не может осуществлять свою конституционную миссию, будучи сведенным к чисто техническому инструменту и полностью объективизированным. Ему также необходимо другое измерение – символическое и субъективное, в котором доверие и сдержанность общества превалирует над статистикой, социологическими подходами и экономическими иллюзиями» [7, с. 49].

Рассматривая социальные и психологические факторы, влияющие на поведение судьи, А.Ю. Ключников на основе анализа известных исследований пришел к выводу, что конформизм возможен и в судебной деятельности, он проявляется в принятии решения в соответствии с практикой, предлагаемой большинством или под давлением общественности (телевидения, радио или прессы) или напором стороны. С его точки зрения, конформизм проявляется и в контексте новых технологий, активно внедряемых в судопроизводство, а тезис о подчинении мнению большинства и «сокрытии» собственного мнения действителен и для случаев принятия решения машиной [10, с. 57–58].

Действительно, выработанный на основе работы искусственного интеллекта вывод будет предрешать мнение судьи, если даже использовать полученные резуль-

таты лишь в качестве основы (ориентира) для будущего судебного решения. Тогда как в основе программы явно будет прослеживаться позиция разработчиков программы, а финансирование этих разработок может исключать или существенно ограничивать принцип самостоятельности судебной власти. Как справедливо отмечает Н.А. Колоколов, «пока нет еще технологий, позволяющих заменить судью “машиной, в которой дышит интеграл”» [11, с. 7], а потому введение юнитов искусственного интеллекта не способно быть альтернативой отправлению правосудия судьей без ущерба принципам судебной власти.

Независимость как принцип правосудия тесно связан с принципом самостоятельности судебной власти. В основе теории разделения ветвей власти краеугольным принципом судебной власти является независимость суда, а истинную независимость суда предопределяет множество факторов. И.Б. Михайловская в принципе независимости судебной власти рассматривала три взаимосвязанных аспекта: 1) самостоятельность судебных органов, реализуемую в силе судебных решений и в их уникальности полномочий официального толкования закона; 2) независимость судьи как центральный элемент его правового статуса; 3) независимость суда как принцип процедуры судопроизводства [14, с. 13–14]. Очевидно, что внедрение цифровых технологий в указанных аспектах напрямую оказывают влияние и на принцип независимости судебной власти.

Конституционный суд РФ подчеркивает, что в соответствии со ст. ст. 118 (ч. 1), 120 (ч. 1), 121 (ч. 1) и 122 (ч. 1) Конституции Российской Федерации и конкретизирующими их положениями ст. ст. 1, 4, 5, 15 и 16 федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом; суд осуществляет судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли; судьи как представители судебной власти независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, несменяемы и неприкосновенны. Эти гарантии как элементы конституционно-правового статуса судьи являются не личной его привилегией как гражданина, а средством, призванным обеспечивать публичные интересы, прежде всего интересы правосудия, цель которого – защита прав и свобод человека и гражданина (ст.18 Конституции Российской Федерации), служат одновременно и гарантиями самостоятельности и независимости судебной власти¹.

Стереотип, что судебная власть функционирует неэффективно, а также сомнения в беспристрастности и справедливости правосудия, культивируемые путем искаженного информирования со стороны средств массовой информации, в целом оказывают влияние на степень доверия к судебной власти как к социальному институту и единственному государственному механизму, предназначенному для разрешения

¹ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко»: постановление Конституционного суда РФ от 20.07.2011 г. № 19-П // СЗ РФ. 2011. № 31. Ст. 4809.

споров и защиты прав граждан путем осуществления правосудия. В этой связи следует солидаризироваться с Н.А. Развейкиной, что «судебная власть не может быть реальным гарантом исполнения законов, если он не легитимирован обществом, если население не доверяет учреждениям и структурам судебной системы, если люди не убеждены в том, что суды независимы и принимают решения только в соответствии с законом» [20, с. 102]. Поиск средств повышения доверия граждан к судебной власти, впрочем, как и к другим ветвям власти, может быть осуществлен с использованием современных цифровых технологий, но не в ущерб реализации принципов самостоятельности и независимости правосудия.

Транспарентность, являясь самостоятельным принципом правосудия, способна выступать одновременно и гарантией эффективности действия других принципов: «принцип транспарентности судебной власти, гласности правосудия представляется надежным механизмом в системе обеспечения самостоятельности и независимости суда, поскольку в условиях открытости и прозрачности деятельности суда на него значительно сложнее воздействовать извне, придание гласности фактов воздействия на суд – дополнительный фактор обеспечения его самостоятельности в решении вопросов правосудия, организации деятельности судебной власти» [2, с. 276–277].

Как подчеркивает Верховный суд Российской Федерации, открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судоустройстве и судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти¹.

Цифровые технологии способны содействовать большей информированности о движении дела, принятом решении, что даст возможность не только участникам процесса, но и обществу в целом делать свои выводы не только через видение корреспондентов газет и телевидения, а располагать для этого сведениями из первоисточника. В указанных целях представляется вполне оправданным размещать и промежуточные судебные решения по вступлении в законную силу, так как они могут быть обжалованы наряду с итоговыми решениями. В таком случае обществу будет не только известен (а значит и понятен) итоговый результат, но и сам ход процесса.

Относительно транспарентности судов, что выступает одновременно гарантом как объективности и беспристрастности, так и гарантом независимости судебной власти, уместно вспомнить время глобальных государственных и социальных реформ 1917 г. Как показывают исторические исследования, руководством судебно-следственных органов Иркутской губернии в соответствии с действующим законодательством решительно пресекались попытки общественности вмешиваться в их деятельность, одновременно ими приветствовалось обсуждение предполагавшихся судебных реформ в обществе: «дважды в месяц на “открытых для публики” заседаниях Ир-

¹ Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: постановление Пленума Верховного суда РФ от 13.12.2012 г. № 35 // Бюл. Верховного суда РФ. 2013. № 3.

кутского юридического общества обсуждались важнейшие проблемы государственной и общественной жизни, комментировались правовые акты Временного правительства» [9, с. 82–83]. Опыт прошлого может быть востребован и в наши дни.

Право на судебную защиту предполагает право на доступ к правосудию. В юридической литературе отмечается, что цифровое судопроизводство как установленный законом порядок рассмотрения дел судами с широким использованием информационных технологий в силу своей процессуальной правовой природы обладает высоким уровнем формализации [1]. По мнению авторов, это неизбежно отражается на каждом из его структурных элементов, включая процессуальные процедуры доказывания, при создании и использовании унифицированных автоматизированных рабочих мест.

Между тем упреки в излишней формализации судопроизводства заслуженно высказываются и вне новых условий его цифровизации. Как верно отмечает А.Ю. Ключников, явление конформизма с введением технологий не исчезает, а думается, даже усугубляется [10, с. 58]. Процесс доказывания включает реализацию полномочий соответствующих субъектов по оценке доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для соответствующих выводов, а отраслевые принципы обязывают руководствоваться при этом законом и совестью, что также отражено и в присяге судьи. Принцип свободы оценки доказательств является основополагающим и передача функции от субъектов доказывания цифровым устройствам (машине) влечет утрату нравственных основ правосудия, наиболее ярко проявляемых в данной деятельности.

Кроме того, отмечая низкий уровень использования судебных информационных технологий и ресурсов сети Интернет, авторы обоснованно отмечают и наличие существующего серьезного разрыва в цифровых навыках между отдельными группами населения [1]. Представляется, что при таких условиях внедрение цифровизации судопроизводства создает существенные риски нарушения принципа доступности правосудия. В указанном контексте наиболее приемлемым видится разработка концепции грядущих перемен с их поэтапным внедрением, а не «цифровые революции» с затрачиванием на их производство любых сил и средств.

Проблемы, затронутые исследователями действия принципов судебной власти, не новы, но можно ли их урегулировать таким радикальным способом, как введение электронных судей и внедрение искусственного интеллекта в судопроизводство? Способна ли цифровизация судопроизводства позитивно повлиять на решение указанных проблем? Скорее всего ответы на пока что риторические вопросы даст лучший судья – время, и новые поколения российского общества смогут оценить результаты третьей и четвертой промышленных революций более объективно, чем современные авторы, исследующие эти явления, являясь непосредственными участниками событий. Думается, что уже сейчас можно делать определенные прогнозы на базе того опыта, что приобретен в период активных реформаторских времен века минувшего, и оценки текущих явлений. Безусловно, эти рассуждения лишь субъективный взгляд, поскольку некоторые из приведенных в статье ученых являются действующими

щими судьями, или, как и сам автор, являются членами судейского сообщества, пребывая в почетной отставке. Но субъективное отношение не всегда является негативно-критическим, напротив, позволяет высветить те аспекты, которые в силу инкорпорированности таким авторам более известны, нежели другим исследователям.

Принципы судебной власти призваны выполнять роль тех ориентиров и критериев, через которые должны преломляться соответствующие цифровые технологии. Верно подчеркивается в исследованиях, что применение информационных технологий является неотвратимым, перспективным и востребованным направлением развития любого вида деятельности, игнорирование этого обстоятельства приведет к существенному отставанию в эффективности осуществления юридической и правоохранительной деятельности [16, с. 225]. Однако, думается, что на первоначальных этапах в числе задач цифровизации судопроизводства должно быть не только «преодоление недоверия к технологическим новшествам судейского сообщества и отторжения их возможностей», на что обращается внимание в некоторых публикациях [13, с. 54]. Активное внедрение современных технологий должно обеспечиваться соответствующими гарантиями реализации принципов судебной власти. Главное, наполняя принципы новым содержанием, отражающим современные реалии, не утратить того социального предназначения судебной власти, которое ей отведено в государственном механизме, и что от нее вправе ожидать граждане, общество и государство в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андреев Б.В., Ниесов В.А. Цифровая трансформация судебной и прокурорской деятельности // Российское правосудие. – 2019. – № 2. – С. 29–34.
2. Анишина В.И. Гласность и транспарентность. Принципы правосудия // Правосудие в современном мире: монография / под ред. В. М. Лебедева, Т.Я. Хабриева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 720 с.
3. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 3 (38). – С. 28–34.
4. Безуглов С.В., Бутурлина Е.С. К вопросу о понятии, системе и классификации принципов правосудия // Власть закона. – 2018. – № 1 (33). – С. 92–103.
5. Бозров В.М. Понятие, правовая природа и система принципов правосудия // Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / под ред. В.М. Бозрова. – М.: Юстиция, 2017. – 568 с.
6. Бурдина Е.В. Понятие судебной власти: анализ методологических подходов // Современное право. – 2012. – № 3. – С. 104–107.
7. Головкин Л.В. Судья легитимирующий и напоминание о реальности // Суд и государство / под ред. Л.В. Головкин, Б. Матвеев. – М.: Статут, 2018. – 272 с.
8. Гребенников В.В. Правозащитная функция суда и судебное правотворчество в России // Гос-во и право. – 2017. – № 8. – С. 5–11.

9. Кавецкий Д.Б. Судебно-следственные органы и общественная самодеятельность в Иркутской губернии в 1917 году // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2013. – № 4 (67). – С. 78–86.
10. Ключников А.Ю. Семь «грехов» судьи // Российский судья. – 2019. – № 4. С. 56–60.
11. Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи – арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 3. – С. 3–7.
12. Кочетова А.В. О понятии «судебная власть» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – Т. 15. – № 4. – С. 27–32.
13. Малько А.В., Костенко М.А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Российская юстиция. – 2019. – № 2. – С. 52–54.
14. Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. – М.: Проспект, 2010. – 128 с.
15. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. – М.: Буки Веди, 2017. – 257 с.
16. Никитин Е. А. Информационно-технологические методы при назначении уголовного наказания // Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 217–225.
17. Носков И.Ю. Внедрение электронного правосудия как важнейшее направление совершенствования судебной системы Российской Федерации // Современное право. – 2011. – № 10. – С. 120–122.
18. Носков И.Ю. Судебная деятельность и правосудие: понятие, соотношение // Современное право. – 2013. – № 11. – С. 84–90.
19. Панкова О.В. Правосудие в Российской Федерации: проблемы современного правопонимания // Гос-во и право. – 2019. – № 4. – С. 52–65.
20. Развейкина Н.А. Доверие населения к судебной власти // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – № 2. – С. 99–105.
21. Федоренко Н.В. Функции судебной власти в системе разделения властей // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 11 (114). – С. 52–54.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Andreev B.V., Niesov V.A. Digital Transformation of Judicial and Prosecutorial Activities // Russian Justice. – 2019. – No. 2. – pp. 29–34.
2. Anishina V.I. Publicity and transparency. Principles of Justice // Justice in the Modern World: Monograph / Ed.: Lebedev V.M., Khabrieva T.Ya. – М.: Norma, Infra-M, 2014. – 720 p.
3. Afanasyev A.Yu. Artificial intelligence or intelligence of the subjects of detection, disclosure and investigation of crimes: what will win? // Forensic library. – 2018. – No. 3 (38). – pp. 28–34.
4. Bezuglov S.V., Buturlina E.S. To the question of the concept, system and classification of the principles of justice // The Power of Law. – 2018. – No. 1 (33). – pp. 92–103.

5. Bozrov V.M. The concept, legal nature and system of principles of justice // Actual problems of the activity of courts of general jurisdiction of the Russian Federation: textbook / collective of authors; under the editorship of V.M. Bozrov. – M.: JUSTICE, 2017.– 568 p.
6. Burdina E.V. The concept of the judiciary: analysis of methodological approaches // Modern Law. –2012. – No. 3. –pp. 104–107.
7. Golovko L.V. Legitimizing Judge and Reminder of Reality // Court and State / ed. L.V. Golovko, B. Mathieu. – M.: Statute, 2018. – 272 p.
8. Grebennikov VV The human rights function of the court and judicial law-making in Russia // State and Law. – 2017. – No. 8. – pp. 5–11.
9. Kavetsky D.B. Judicial investigative bodies and public initiative in the Irkutsk province in 1917”// Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. – No. 4 (67). – pp 78–86.
10. Klyuchnikov A.Yu. Seven “sins” of a judge // Russian judge. – 2019. – No. 4. – pp. 56–60.
11. Bells N.A. The computer instead of the judge - arithmetic instead of the soul // Criminal proceedings. – 2019. – No. 3. –pp. 3–7
12. Kochetova A.V. On the concept of “judicial power” // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. – 2015. – T. 15, No. 4. – pp. 27–32.
13. Malko A.V., Kostenko M.A. Digital technologies in the judicial system: problems of implementation // Russian Justice. – 2019. – No. 2.– pp. 52–54.
14. Mikhailovskaya I.B. Courts and judges: independence and manageability. – M. : Prospect, 2010 .– 128 p.
15. Morhat P.M. Artificial intelligence: a legal view. – M.: Buki Vedi, 2017. – 257 p.
16. Nikitin E. A. Information and technological methods in the appointment of criminal penalties / Development of information technology in criminal proceedings. – M.: Yurlitinform, 2018. – pp. 217–225.
17. Noskov I.Yu. The introduction of e-justice as the most important area for improving the judicial system of the Russian Federation // Modern Law. – 2011. – No. 10. – pp. 120–122.
18. Noskov I.Yu. Judicial activity and justice: concept, correlation // Modern Law. – 2013. – No. 11. – pp. 84–90.
19. Pankova O.V. Justice in the Russian Federation: problems of modern legal understanding // State and law. – 2019. – No. 4. – pp. 52–65.
20. Razveikina N.A. Public confidence in the judiciary // Legal Bulletin of Samara University. – 2016. – No. 2. – pp. 99–105.
21. Fedorenko N.V. The functions of the judiciary in the system of separation of powers // Science and Education: Economics and Economics; entrepreneurship; law and management. – 2019 .– No. 11 (114). – pp. 52–54.

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 10 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003 или ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 Номенклатурой специальностей научных работников.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов,

представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 4 (91) 2019

НИиРИО ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
ул. Лермонтова, 110